

Философский журнал

Контекст и рефлексия:
философия о мире
и человеке

Том 13, № 1А, 2024.

С. 1-108.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Philosophical journal

Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being

January 2024, Volume 13, Issue 1A.

Pages 1-108.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» Том 13, № 1А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Лисина Елена Александровна, кандидат философских наук (5.7.7), член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, *Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах* – главный редактор журнала.

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук (5.7.7), профессор, профессор кафедры исторической культурологии, *Южный федеральный университет* – заместитель главного редактора.

В журнале представлены философские дискуссии и результаты современного научно-философского миропонимания, имеющие важное мировоззренческое значение для развития общества, науки и культуры, преподавания философии в высших учебных заведениях, а также для исследовательских траекторий философов и заинтересованной публики. Авторами статей являются философы, ведущие специалисты современного научного знания, а также исследователи, работающие над диссертациями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	Е.А. Лисина, кандидат философских наук (5.7.7)
Зам. главного редактора	В.Н. Нечипуренко, доктор философских наук (5.7.7)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Корректоры	Л.Л. Куприянчик, И.А. Шейхетова
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, В.И. Лукьянчикова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков, М.Л. Песчаная
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-43669 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

42973 «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке».

Цена договорная. Печ. л. 15,75. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7518.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" January 2024, Volume 13, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Lisina Elena Aleksandrovna, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, *Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chisty Prudy* (Russia) – editor-in-chief.

Nechipurenko Viktor Nikolaeovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, *Southern Federal University* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal initiates philosophical discussions and presents the results of the modern scientific and philosophical world outlook that are of great philosophical significance for the development of society, science and culture, for teaching philosophy in higher educational establishments as well as for research trajectories of philosophers and an interested audience. Philosophers, leading specialists in the field of modern knowledge and researchers working on dissertations are among the authors of articles published in the journal.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" ("*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	E.A. Lisina, PhD in Philosophy
Deputy editor-in-chief	V.N. Nechipurenko, Doctor of Philosophy
Science editor and translator	A.A. Markova
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, I.A. Shekhetova
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, V.I. Luk'yanchikova
Styling and make-up	M.A. Puchkov, M.L. Peschanaya
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate:

PI No. FS77-43669 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":

42973 "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being".

Contract price. 15.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1000 issues. Order No. 7518.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.7.1. Онтология и теория познания

Вишев Игорь Владимирович – доктор философских наук, профессор, исторический факультет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-философских наук, Московский государственный институт культуры.

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Сибирский федеральный университет.

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

по направлению: 5.7.2. История философии

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Осипов Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Панибратцев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный университет гражданской авиации.

по направлению: 5.7.3. Эстетика

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет.

по направлению: 5.7.4. Этика

Абакарова Райганат Магомедовна – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет.

Варава Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлиа Максимилиана (Германия).

по направлению: 5.7.6. Философия науки и техники

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор, Институт социологии Российской академии наук.

Ивлева Марина Левенберговна – доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Масалова Светлана Ивановна – доктор философских наук, профессор, председатель оргкомитета пресс-центра, Южный федеральный университет.

Пусько Виталий Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

по направлению: 5.7.7. Социальная и политическая философия

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет.

Везиров Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, Дагестанский государственный педагогический университет.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук, завкафедрой политических наук, Кемеровский государственный университет.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции.

Лисина Елена Александровна – главный редактор журнала, кандидат философских наук, член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Нечипуренко Виктор Николаевич – заместитель главного редактора журнала, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет.

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова.

по направлению: 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Аргановский Сергей Николаевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, профессор, кафедра международных коммуникаций, сервиса и туризма, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет.

Кортунов Вадим Вадимович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К.А. Тимирязева.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики.

Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

по направлению: 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Астахова Лариса Сергеевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения, Казанский федеральный университет.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Орлов Андрей Александрович – доктор философии по религиоведению, магистр богословия, кандидат социологических наук, факультет богословия, Университет Маркетта (США).

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Редакционная коллегия

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, завкафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Editorial Board

Abakarova Raiganat Magomedovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dagestan State University (Russia).

Aksyumov Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of social philosophy and ethnology, Stavropol State University (Russia).

Artanovskii Sergei Nikolaevich – Doctor of Philosophy, PhD in Philology, Professor at the Department of the Russian language and teaching methodology, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Astakhova Larisa Sergeevna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University (Russia).

Breitman Aleksandr Semenovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of social cultural service and tourism, Far Eastern State Transport University (Russia).

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernikova Valentina Evgen'evna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Stavropol State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Dorofeev Daniil Yur'evich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Ivlev Vitalii Yur'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Ileva Marina Levenbertovna – Doctor of Philosophy, PhD of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Koptseva Natal'ya Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor at the faculty of art criticism and culturology, Siberian Federal University (Russia).

Kortunov Vadim Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow University for the Humanities (Russia).

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Kemerovo State University (Russia).

Lisina Elena Aleksandrovna – Editor-in-chief, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy (Russia).

Loiko Ol'ga Timofeevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of culturology and social communication, Tomsk Polytechnic University (Russia).

Masalova Svetlana Ivanovna – Doctor of Philosophy, Docent, Associate Professor, Rostov Institute of Training and Retraining of Educators (Russia).

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Nechipurenko Viktor Nikolaevich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, Southern Federal University (Russia).

Nesterkin Sergei Petrovich – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute of Mongolology, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Orlova Nadezhda Khadzhimerzanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Russia).

Osipov Igor' Dmitrievich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University (Russia).

Panibrattsev Andrei Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Russia).

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Pronina Tat'iana Sergeevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Research Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad Pushkin State University (Russia).

Pus'ko Vitalii Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of information analytics and political technologies, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Shipovalova Lada Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University (Russia).

Skorik Aleksandr Pavlovich – Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of theory of state and law, Novocherkassk Polytechnic Institute, South Russian State Technical University (Russia).

Varava Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Dean of the Religious Studies department, Russian Orthodox Institute of Saint John the Divine (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Vezirov Timur Gadzhievich – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Academy of Informatization, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of methods of teaching mathematics and computer science, Dagestan State Pedagogical University (Russia).

Vishev Igor' Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, South Ural State University (Russia).

Volkov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of humanities, Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism, Moscow (Russia).

ZheltoV Viktor Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the faculty of political sciences, Head of the Department of political sciences, Kemerovo State University (Russia).

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikalsk State University (Russia).

Advisory Board

Benin Vladislav L'vovich – Doctor of Pedagogy, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of culturology and socio-economic disciplines, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the auspices of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Содержание

Онтология и теория познания

Галухин Андрей Владимирович

Гносеологические изъяны критики доксистического волонтаризма 3

Этика

Валева Галина Викторовна

Академическая свобода преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования 29

Философия науки и техники

Фэнли Юй

Бэньсян Чжан

Плюралистическое эпистемологическое исследование в области эпигенетики 36

Социальная и политическая философия

Шипилов Андрей Васильевич

Развитие как идея и явление в истории и доистории 51

Неганов Владимир Владимирович

Патриотическое воспитание как духовно-нравственный фундамент миссионерского служения: философско-аксиологические аспекты 65

Неганов Владимир Владимирович

Последовательное обоснование актуальности научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского 75

Смирнов Сергей Владимирович

Своеобразие интерпретации личностной идентичности в историко-философском контексте 83

Егошин Вадим Игоревич

Традиции и инновации в волонтерской деятельности 89

Философская антропология, философия культуры

Плеханов Илья Николаевич

Хохлов Максим Александрович

Юдин Савелий Вячеславович

Лавриненко Валерия Романовна

Мальшина Мария Владимировна

Технизация как гибель гуманного в культуре: взгляд Т. Адорно 96

Тарасов Алексей Николаевич

Черникова Дарья Алексеевна

Еремеева Алина Олеговна

Егупова Татьяна Максимовна

Коробова Елена Николаевна

Семейные ценности в системе современной российской культуры: культурфилософский анализ 102

Contents

Ontology and theory of cognition

Andrei V. Galukhin

The epistemological flaws of the criticism of doxastic voluntarism..... 3

Ethics

Galina V. Valeeva

Academic freedom of a teacher in the context of digital transformation of higher education 29

Philosophy of science and technology

Fengli Yu

Benxiang Zhang

A Pluralistic Epistemological Study on Epigenetics 36

Social and political philosophy

Andrei V. Shipilov

Development as an idea and phenomenon in history and prehistory 51

Vladimir V. Neganov

Patriotic education as a spiritual and moral foundation of missionary service: philosophical and axiological aspects 65

Vladimir V. Neganov

Consistent substantiation of the relevance of scientific research on the missionary meaning of F.M. Dostoevsky's axiology 75

Sergei V. Smirnov

Originality of interpretation of personal identity in the historical and philosophical context 83

Vadim I. Egoshin

Traditions and innovations in volunteering 89

Philosophical anthropology, philosophy of culture

Il'ya N. Plekhanov

Maksim A. Khokhlov

Savelii V. Yudin

Valeriya R. Lavrinenko

Mariya V. Mal'shina

Technization as the death of the humane in culture: the view of T. Adorno 96

Aleksei N. Tarasov

Dar'ya A. Chernikova

Alina O. Ereemeeva

Tat'yana M. Egupova

Elena N. Korobova

Family values in the system of modern Russian culture: cultural and philosophical analysis 102

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2024.28.28.001

Гносеологические изъяны критики доксистического волюнтаризма

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье проводится критический анализ и выявляются гносеологические изъяны стандартных аргументов против доксистического волюнтаризма – позиции, которая допускает, что субъект способен достаточно эффективно контролировать собственные убеждения, чтобы быть способным к выполнению эпистемически релевантных интеллектуальных обязательств. Отрицание возможности базового контроля над содержанием убеждений признается психологически и гносеологически обоснованным; но полагание человека способным к выполнению интеллектуальных обязательств не подразумевает с необходимостью допущение возможности формирования убеждений с содержанием, предзаданным на основе произвольного выбора. Аргументы, основанные на обобщении фактов когнитивно-спонтанного формирования убеждений? не учитывают роль метасознательной экспертизы убеждений в формировании доксистического фундамента знания и выстраиваются в русле общей гносеологической тенденции подменять понятие познавательной деятельности абстрактным понятием когнитивного функционирования; фиксация на финальном отрезке пути формирования убеждений, а также выделение преимущественно рецептивно-репродуктивной стороны доксистически продуктивных процессов в противовес агентивно-деятельным факторам сокращают возможности понимания когнитивно-функциональной динамики формирования и пересмотра убеждений как части диахронически распределенной деятельности. В ряде аргументов недооценивается потенциал других форм контроля, таких как диспозициональный сознательный контроль, реализуемый даже в отношении перцептивных убеждений, а также различные формы косвенного контроля, которые в первую очередь оптимизируют формирование убеждений надлежащего эпистемического качества. Детерминация убеждений эвиденциальными факторами, ограничивающая способность думать по-иному, не является основанием для дискредитации агентивности и доксистической ответственности субъекта, о чем свидетельствует демонстрация компатибилизмами деонтологической адекватности контроля управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Гносеологические изъяны критики доксистического волюнтаризма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 3-28. DOI: 10.34670/AR.2024.28.28.001

Ключевые слова

Убеждение, эпистемический деонтологизм, докастический волюнтаризм, интеллектуальные обязательства, деонтологическая концепция обоснования, ответственность, агентивность, когнитивный процесс, деятельность, знание.

Введение

Эпистемологическая спецификация принципов деонтологической этики убеждений выражается в развитии такой концепции обоснования, которая в качестве основного критерия оценки эпистемического достоинства убеждений выделяет выполнение субъектом познания интеллектуальных обязательств, содержание которых определяется на основе системы норм и принципов, предназначенных для регулирования докастической сферы познавательно целесообразным образом. Ответственный подход субъекта к формированию и поддержанию собственных убеждений рассматривается в качестве критериально значимого принципа квалификации убеждений в качестве эпистемически обоснованных. Выделение убеждений в качестве объектов эпистемико-деонтических оценок означает, что убеждения рассматриваются как докастические протоэлементы знания, но лишь при условии правильной дисциплины усвоения и поддержания убеждений открываются возможности трансформации последних в знание; соответственно, субъект полагается ответственным за те убеждения, которые он усваивает и поддерживает, задействуя свои когнитивные способности. Но утверждение докастической ответственности, как и вменение интеллектуальных обязательств, обоснованы только при условии, что субъект способен контролировать и регулировать сферу собственных убеждений, т.е. формировать, поддерживать, отбрасывать или пересматривать убеждения, руководствуясь комплексом альтернативных соображений и используя свой сознательно-волевой потенциал. Таким образом, эпистемический деонтологизм имплицитно подразумевает *докастический волюнтаризм* (используем аббревиатуру «ДВ»), т.е. допущение эффективной контролируемости убеждений, достаточной для того, чтобы можно было, следуя известному принципу *Debes, ergo potes* («Должен, подразумевает можешь»), определять для субъекта объем разрешений, запрещений и требований, задающих дисциплину культивирования убеждений, и утверждать ответственность за состояние докастической сферы. Деонтологическая концепция эпистемического обоснования, как замечает Алстон, «жизнеспособна только в том случае, если убеждения в достаточной степени находятся под волевым контролем, чтобы сделать применимыми к ним такие понятия, как *требование, разрешение, обязательство, упрек и порицание*. В соответствии с проверенным временем принципом «Должен, подразумевает можешь», человек может иметь обязательство к выполнению А (и полагаться ответственным за выполнение этого обязательства – авт.) только в том случае, если у него есть действенный выбор в отношении того, делать ли А или нет. Столь же очевидно, что нет смысла говорить о том, что S разрешено или запрещено делать А, если S не имеет эффективного выбора, делать ли А» [Alston, 1988, 259].

Однако, докастический волюнтаризм – допущение контролируемости убеждений, достаточно эффективной, чтобы эпистемическое достоинство убеждений можно было определять, исходя из принципа безупречности выполнения релевантных интеллектуальных обязательств, было подвергнуто решительной критике некоторыми противниками деонтологической концепции обоснования

Так, например, У. Олстон подвергает сомнению основополагающее для деонтологизма допущение, что степень сознательной вовлеченности субъекта в процесс формирования убеждений является достаточно высокой, чтобы утверждение ответственности субъекта в плане эпистемически-целесообразного регулирования докстической сферы было оправданным. Критика докстического волюнтаризма в исполнении У. Олстона развивается посредством аргументов, раскрывающих психологическую невозможность прямого (базового) контроля над убеждениями и ставящих под вопрос эффективность косвенных форм регулирования докстических установок и адекватность этих форм контроля условиям деонтологического обоснования. Проанализировав различные типовые ситуации формирования пропозициональных установок, Олстон пришел к заключению о существенной ограниченности способностей субъекта встраивать сознательное действие в работу когнитивных механизмов формирования убеждений и индуцировать состояния убежденности на основе произвольного решения или выбора. Так, в значительном классе случаев у человека с нормально функционирующим когнитивным аппаратом, как правило, (а) отсутствует способность осуществлять «прямой сознательный контроль» над убеждениями, особенно в тех случаях, когда эти убеждения возникают на основе перцептуального, мнемотического или интроспективного опыта. Допускается, однако, что (б) у нас есть лишь довольно слабая степень косвенного («дальнодейственного») контроля только над некоторыми из наших убеждений», в том смысле, что мы можем стимулировать усвоение определенных классов пропозициональных установок посредством разного рода методов и практик, способствующих формированию определенных диспозиций в сознании субъекта, которые повышают вероятность того, что у субъекта оформится и закрепится то или иное убеждение. Олстон также доказывает, (в) «что, хотя наши произвольные действия могут влиять на наши убеждения, деонтологическое понятие обоснования, основанное на этом косвенном влиянии, не является тем понятием, которое нам нужно для обычных эпистемологических целей, к которым относится термин «обоснование» [Alston, 1988, 260].

Наконец, Б. Уильямс предлагает не психологический, а логико-концептуальный аргумент, демонстрирующий амбивалентность идеи преднамеренного формирования убеждений, – основной посылкой аргумента Б.Уильямса служит представление о собственной алетической телеологии убеждений – нацеленности каждого убеждения на истину; соответственно, утверждение возможности иметь намерение приобрести какое-либо убеждение, как и признание факта, что такое намерение реализовалось, безотносительно к тому, является ли истиной то, в чем состоит предмет убеждения, концептуально противоречивы, ибо в каждом из этих случаев происходит дисквалификация самой этой докстической установки [Williams, 1983, 148].

В настоящей работе выявляются методологические ограничения и гносеологические изъяны стандартных аргументов против допущения сознательной контролируемости докстических установок. Критический анализ гносеологических посылок аргументов против докстического волюнтаризма позволит основательно подойти к ответу на вопрос о том, в какой мере эти аргументы являются демонстративными в плане фальсификации докстически-волюнтаристической гипотезы.

Рассмотрим, прежде всего, представления о когнитивно-процессуальной основе формирования и условиях поддержания убеждений, в парадигме которых выстраиваются психологические аргументы, к типу которых относятся аргументы У. Олстона, а после этого представим критический анализ концептуально-логического аргумента Б.Уильямса.

Абсолютизация абстрактной когнитивно-функциональной модели формирования убеждений

Противники доксистического волюнтаризма приоритетно выделяют синхронический аспект формирования убеждений, игнорируя диахроническое измерение когнитивного процесса, посредством которого убеждения вырабатываются. Инволюнтаристы часто указывают на неспособность субъекта в какой-то определенный момент непосредственно сформировать и усвоить убеждение, полагаясь на сознательное решение относительно того, чему можно верить в данных обстоятельствах. Так, например, когда субъект наталкивается на свидетельства, обладающие силой неотвратимой очевидности, как это происходит часто в случае восприятия, то убеждение возникает, как правило, автоматически, подчиняясь алгоритму бессознательных когнитивных реакций. Но универсализация синхронической когнитивно-функциональной модели оборачивается неоправданной редукцией значения *сознательных процессов высшего порядка*, которые отличают агента познавательной деятельности и составляют базовое условие последней. Выделяя синхронически-реактивный аспект формирования убеждений, инволюнтаристы подменяют категорию познавательной деятельности абстрактным понятием *когнитивного функционирования*. Однако, более правильным представляется подход, в рамках которого когнитивно-функциональная динамика формирования, усвоения и трансформации убеждений рассматривается как часть диахронически распределенной и организованной деятельности, в которой задействованы *высшие функции сознания*: познавательно ориентированное поведение субъекта деятельно, «обычно растянуто во времени и включает когнитивные процессы, ходы мыслей, проекты исследования, предполагающие планирование, установление последовательностей, поддержание ментальной установки, координацию и контроль. Они включают пространные дебаты и диалектику (внутреннее рассуждение и внешнее аргументирование). В конце концов, они могут даже диахронически взаимодействовать с развитием характера ума» [Lockie, 2018, 49-50]. Таким образом, аргументы против доксистического волюнтаризма опираются на абстрактную модель познавательного процесса и в описании условий возникновения убеждений предвзято выделяют такие именно характеристики, которые «более применимы к автоматической и произвольной обработке информации (например, перцептивной обработке), чем к видам высших ментальных процессов, пригодных для нормативной эпистемологической оценки...» [Ibid.].

Абстракция «финишной прямой»: автоматическая финализация доксистически-продуктивных процессов

Распространенный прием, применяемый инволюнтаристами для того, чтобы поставить под сомнение фактическую способность сознательного участия субъекта в формировании собственных убеждений, заключается в том, чтобы абстрагироваться от всех предшествующих процессов, условий и факторов, которые задействованы в детерминации доксистическо-познавательной сферы, и сфокусироваться на «финишной прямой» – на том финальном отрезке или интервале, когда убеждение, наконец, возникает и фиксируется в сознании субъекта как некая данность, представляющая непосредственно индуцированный эффект или автоматический итог его активности, которая сама по себе может быть вполне сознательной. Такая позиция является особенно изощренной, поскольку рассмотрение убеждений в разрезе финализации формирующих их процессов позволяет *отрицать доксистический волюнтаризм*,

парадоксальным образом допуская *сознательный характер деятельности* субъекта: «Признается, что большая часть эпистемического поведения агента, такая, как его действия (включая ментальные действия), осуществляемые ради целей исследования, является делом сознательного выбора, а значит, подлежит деонтической оценке в некотором расширенном смысле – возможно, в духе «волюнтаризма установок» а-ля Кларк или «формирования убеждений как типа действия», согласно Ауди. Но выдвигается возражение (против доксистического волюнтаризма – авт.), которое состоит в том, что конечный путь к формированию/фиксации убеждений, вытекающий из этого явно добровольного действия, является либо психологическим фактом, либо чем-то более сильным, произвольным [Lockie, 2018, 50]. Мюррей Кларк, на которого ссылается Р.Локки, выразил представление, положенное в основу этой позиции, следующим образом: «Мы можем свободно влиять на распределение *нашего внимания или отношение* к приобретению убеждений, но полагать при этом, что, как только этот процесс завершится, убеждения, которые *мы приобретаем*, фиксируются с неодолимой силой (имеется в виду, что мы не в силах отказаться от этих убеждений по завершению процесса их формирования – авт.)» [Clarke, 1986, 39]. Итак, аргумент, предполагающий рассмотрение убеждений на «финальном отрезке пути» их формирования, абстрагирующее момент их фиксации, выстраивается в рамках общего представления, что субъект может совершать определенные сознательные действия, выступающие в роли триггеров каузального процесса, автоматическим эффектом которого является возникновение определенной установки сознания, ускользающей в момент ее актуализации от какого-либо контроля со стороны субъекта. Для подкрепления тезиса о том, что возникновение/фиксация убеждения находятся вне зоны сознательного контроля со стороны субъекта, противники доксистического волюнтаризма, как правило, опираются на абстрактную репрезентацию когнитивных процессов, в рамках которой эти процессы пунктуированы таким образом, чтобы на финальной фазе можно было бы идентифицировать возникновение убеждения как некий непреднамеренный эффект. После этого критерии, используемые в рамках этой абстрактной репрезентации, применяются уже к процессу формирования убеждений *в целом*. А это – явная методологическая ошибка.

Contra Олстон: диспозициональный контроль и компатибилистское решение

Применение этой схемы рассуждений содержится, в частности в аргументации У. Олстона [Alston, 1988, 269-270]. Можно согласиться с Олстоном, что в целом ряде случаев убеждение возникает автоматически, в силу той неотвратимой очевидности, с какой вещи представляются субъекту в данный момент. Олстон рассуждает следующим образом: Чтобы считать меня ответственным за убеждения, которые возникают на основе восприятия, «должно быть истинно то, что у меня есть эффективный произвольный контроль над тем, верю я или нет в то, что на дереве есть листья, когда я вижу дерево с листьями прямо передо мной среди бела дня при идеально работающем зрении. Но совершенно ясно, что в данной ситуации я совершенно не в силах воздержаться от этого убеждения. И так со всем остальным, что кажется нам совершенно очевидным. Столь же мало у нас произвольного контроля над обычными убеждениями, сформированными интроспекцией, памятью и простыми непротиворечивыми умозаключениями» [Alston, 1988, 264]. Однако, аргумент Олстона строится на определенных гносеологических представлениях, которые задают *редукционистски-рудиментарную схему*

реконструкции процесса формирования убеждений: за основу демонстрации того, как перцептивные, интроспективные и мнемотические убеждения ускользают от сознательного контроля, принимается *абстрактная когнитивно-функционалистическая модель докстастически-продуктивных процессов*, в рамках которой на первый план выходит пассивная – рецептивно-репродуктивная сторона когнитивных процессов, при этом не учитывается диспозициональная природа докстастических установок, – такая абстрактная функционалистическая схематизация когнитивного процесса закрывает путь к осмыслению того, как уверенность, т.е. докстастическая диспозиция, непосредственно индуцируемая опытом, развивается до сознательной убежденности. Между тем, для определения условий возможности синхронического контроля убеждений, формирующихся на основе восприятия, я предложил использовать гипотезу *диспозиционального сознательного контроля* [McHugh, 2013, 134], которая позволяет объяснить, каким образом в каузальной генеалогии убеждений, формирующихся на основе переработки данных, представляющих вклад внедокстастических факторов, задействована *регулятивная система*, благодаря которой в процессах этого типа осуществляется синхронический автомониторинг и поддерживается адекватная чувствительность к тому, что на сознательном уровне могло бы выделяться в качестве разумных причин – адекватных оснований для убеждения. В частности, мною было предложено «эксплицировать принцип сознательности восприятия, исходя из допущения охваченности впечатлений, складывающихся в процессе восприятия, *горизонтом сознания*, в который интегрированы различные *эвиденциальные регуляторы*, - в этом неявном горизонте одни впечатления соотносятся с другими впечатлениями, а докстастические диспозиции, складывающиеся на основе впечатлений, соотносятся с фоновыми убеждениями и с предпосылочным знанием» [Галухин, 2023, 23]. Перцептивные убеждения являются контролируемыми, если в процессе формирования этих убеждений «поддерживается *должное отношение к эвиденциальным регуляторам*, которые являются ресурсами дорефлексивного *синхронического* контроля, представляющего специфическую форму диспозиционального контроля, предположительно адекватную для утверждения ответственности за качество перцептивных убеждений» [Ibid., 24]. Для экспликации понятия дорефлексивного эвиденциального регулятора можно использовать комбинацию феноменального консерватизма с дефиторологическим подходом.

С другой стороны, если субъект когнитивно полноценен и достаточно рационален, он не может также *заставить себя поверить* в то, что никак не обосновано и является очевидно ложным. Однако соображение это не может быть использовано как аргумент против деонтологической концепции обоснования: полагание человека способным к выполнению интеллектуальных обязательств не подразумевает с логической и метафизической необходимостью допущение возможности усвоения каких-угодно убеждений в силу одного лишь намерения или сознательно-волевого импульса, – отрицательная концепция свободы как абсолютно произвольного выбора не согласуется с предположенным в системе эпистемического деонтологизма принципом определения условий возможности познавательно целесообразной оптимизации докстастической сферы как той области, в которой эмпирически первичным образом аккумулируется пропозициональное содержание возможного знания. Как правильно заметил Локки, «деонтолог защищает способность агентов выполнять свои обязанности мыслить хорошо, а также наше право выносить суждение о тех людях, которые на самом деле мыслили плохо, но могли бы мыслить лучше, квалифицируя их как виновных (в неисполнении долга – авт.)» [Lockie, 2018, 51]. Для назначения интеллектуальных обязательств и утверждения

доксастической ответственности нет необходимости допускать такую степень контролируемости убеждений, которая соответствует принципу радикального волонтаризма. Напротив, неспособность усвоить иррациональное убеждение объясняется некоторыми эпистемологами тем, что фактором приверженности человека своим убеждениям является достаточно развитая чувствительность к индикаторам истинности того, что намечается в качестве предмета убеждения, – на сознательном уровне такая чувствительность амплифицируется метаубеждением – признанием ценности тех убеждений, которые являются истинными или, по крайней мере, хорошо обоснованными. Выделение фактора чувствительности к разумным причинам – эпистемически значимым основаниям для убеждений является основой компатибилистического решения проблемы доксастической ответственности, предложенного, в частности, М. Стюэпом [Steup, 2012, 467-476] и МакКормик [McCormick, 2011]. Так, в интерпретации Стюэпа, «причина, по которой мы не можем сознательно верить вопреки тому, что диктуют доступные нам свидетельства, заключается в том, что мы не можем *решиться* принять доксастические установки, которые явно не согласуются с нашими свидетельствами» [Steup, 2012, 472]. Однако, эвиденциальная детерминация убеждений, в силу которой субъект не может думать по-иному, т.е. не может усвоить убеждение, альтернативное тому, к которому располагают доступные свидетельства, не исключает того, что доксастические установки усваиваются сознательно контролируемым образом. Условия возможности *сознательного контроля доксастических установок* раскрываются в компатибилистской концепции контроля управления (руководящего контроля): если в каузальной архитектонике доксастически продуктивных процессов поддерживается регулярная восприимчивость и адекватная реактивность в отношении того, что составляет разумное основание для убеждений, и при этом субъект признает механизмы формирования убеждений собственными и исторически принимает ответственность за их состояние и продукты их работы, то это означает, что субъект обладает контролем над собственными убеждениями, достаточно эффективным, чтобы с полным основанием ему можно было приписать ответственность.

Роль рефлексивно-критической экспертизы убеждений как протоэлементов знания

В других случаях субъект может действовать вполне сознательным образом и пытаться пересмотреть свои *уже сложившиеся* убеждения, руководствуясь эпистемическими стандартами, побуждающими его принимать за истину только то, что получено из надежных источников и подкрепляется надлежащими свидетельствами. Но Олстон, видимо, полагает, что по мере того, как формируется эвиденциальная основа, усиливаются факторы индуцирования состояния убежденности, и кумулятивным эффектом этого процесса является возникновение убеждений, которое так же, как и в первом случае, происходит автоматически. Даже если это верная картина генерации убеждений, то квалификация возникновения/фиксации убеждения как непреднамеренного эффекта, возникающего на «финальном отрезке пути» и каузально обусловленного комплексом действий, запускающих механизмы индуцирования определенных установок или диспозиций в сознании субъекта, не дает оснований для совершенной дискредитации утверждения об ответственности субъекта.

Между тем, культивирование убеждений как таковых с интенцией на исправление ошибок и максимизацию истинностного содержания, которое осуществляется посредством комплекса сознательных усилий, опосредованных *критической рефлексией* и *экспертизой, основанной на*

применении эпистемологических критериев, таких как наличие адекватной эвиденциальной основы для того, чтобы полагать так, а не иначе, или отсутствие оснований для сомнения, побуждающих воздерживаться от полаганий, может иметь *положительный эффект* для формирования или улучшения качества докстической основы знания. Олстон же полагает, что в лучшем случае мы можем оказывать *косвенное влияние* на процессы, которые участвуют в формировании убеждений, не обладая в полной мере способностью *контролировать и управлять этими процессами* таким образом, чтобы формирование убеждений отвечало критериям преднамеренного действия. Однако косвенного влияния на условия формирования убеждений, как считает Олстон, недостаточно для того, чтобы вменить субъекту обязательства по модерированию собственных докстических установок, исходя из принципа *Debes, ergo potes*. Для пояснения тезиса Олстона можно представить ситуацию, модель которой предложил Р. Фельдман [Feldman, 2001, 81]. Допустим, у меня появилась весомая причина, побуждающая меня пересмотреть собственное убеждение, что Земля не является плоской; однако, я не могу изменить это убеждение, просто предприняв какие-то действия, закономерным результатом которых могло бы быть усвоение иррационального убеждения; но я мог бы, например, культивировать это убеждение посредством каких-либо практик, трансформирующих мое сознание таким образом, чтобы возникла диспозиция полагать так, а не иначе. Такая демонстрация возможностей косвенного влияния не раскрывает условия реализации деонтологически адекватного контроля над сферой собственных убеждений.

Но примеры такого рода ситуаций иррелевантны контексту критики деонтологической концепции эпистемического обоснования:

(1) действия, посредством которых субъект пытается трансформировать свои убеждения, рассматриваются скорее как *функциональные конституенты когнитивного процесса*, а не из перспективы, в которой тематизировались бы возможности рациональной детерминации состава убеждений;

(2) деонтологическая концепция *не утверждает*, что субъект настолько свободен в формировании своих убеждений, что может *произвольным образом усваивать иррациональные убеждения или просто убеждения с предзаданным содержанием*. Эпистемический деонтологизм не поддерживает радикальный волюнтаризм в отношении субъекта к собственным пропозициональным установкам, но предполагает, что субъект, обладая способностью сознавать основания для своих убеждений и правильным образом реагировать на эвиденциальные факторы, может в достаточной мере регулировать свою докстическую сферу, руководствуясь нормами, определяющими *надлежащее эпистемическое качество* убеждений, чтобы ему можно было приписать ответственность.

Так, М. Стюэп признает, что в составе наших убеждений могут быть и такие, которые нельзя признать обоснованными; но если, следуя рассуждениям Олстона, допустить, «что у нас нет даже косвенного контроля над необоснованными убеждениями, значит признать, что в те моменты, когда у нас есть необоснованное убеждение, мы ничего не можем сделать, чтобы избавиться от него» [Steup, 2006, 70]. Однако, такая надуманная когнитивная импотенция, деградирующая функции рефлексивно-критического сознания, которые могли бы проявиться в порядке систематической работы по выявлению и исправлению ошибок в системе убеждений, явно несовместима проектом нормативной эпистемологии, в основе которого – допущение способности субъекта оценивать собственные убеждения, руководствуясь критериями, соответствующими условиям трансформации их в знание, и формировать суждения высшего порядка, оказывающие трансформирующее и оптимизирующее воздействие на конкретные

убеждения и доксистическую сферу в целом: «Мы можем оценить познавательное достоинство того, во что мы верим; мы можем взвесить основания. Поскольку мы можем это сделать, в наших силах, по крайней мере, в значительной части случаев, признать, что то, во что мы верим, необоснованно, и, основываясь на таком размышлении, перестать верить в то, во что мы необоснованно верим [Ibid.].

В подкреплении тезиса об *эффективности косвенного контроля над убеждениями* и для демонстрации работы регулятивной системы, в которой задействованы *высшие исполнительные функции сознания*, Р.Локки предлагает инвертировать гипотетическую ситуацию, модель которой предложил Р.Фельдман для пояснения тезиса Олстона. В рамках этой инвертированной ситуации представим человека, который находится во власти заблуждения (например, он убежден, что Земля – плоская), но у него на каком-то этапе когнитивного развития возникает побуждение пересмотреть ряд своих убеждений, включая данное. С этого момента он может «погрязнуть в своей эпистемологической безответственности, своей приверженности культу плоской Земли» [Lockie, 2018, 52], а может начать получать образование, просматривать разные источники, собирать и анализировать информацию, наконец, ознакомиться с научной традицией, и именно эти усилия, свидетельствующие о его интеллектуальной честности, не только позволят ему оказывать «косвенное влияние» на сферу собственных убеждений, но обеспечат, как считает Локки, «тот вид эффективного сознательно-волевого контроля, который требуется для опровержения аргумента от инволюнтаризма» [Ibid., 52]. Таким образом, анализ такого рода ситуаций показывает, что у субъекта есть выбор между эпистемически *безответственным и некритичным отношением к собственным убеждениям*, с одной стороны, и *сознательным, ответственным и активным подходом* к исследованию оснований для того, чтобы придерживаться того или иного убеждения, – систематическое применение такого подхода предполагает включение в работу *высших функций сознания* – высокоуровневых способностей, регулярное использование которых служит предпосылкой осуществления достаточно эффективного контроля, обращенного прежде всего на условия формирования убеждений, отвечающих стандартам *эпистемического качества*.

В линиях представленного выше критического анализа раскрывается еще один существенный изъян классических аргументов, используемых для демонстрации несостоятельности позиций доксистического волюнтаризма.

Радикализация доксистического волюнтаризма: гипотеза базового контроля над содержанием убеждений

Противники доксистического волюнтаризма выстраивают свои аргументы на сомнительных допущениях, отражающих предвзятое и неправильное – слишком волюнтаристическое понимание тезиса о способности субъекта сознательно и свободно определять состав своих убеждений. Несуразность возникает вследствие того, что убеждения, рассматриваемые как кандидаты на статус сознательно контролируемых установок, «обычно типизируются по своему содержанию, указанному до начала процесса формирования убеждений.... Нам предлагается подумать, можем ли мы свободно выбирать, до любого процесса дискурсивного размышления, ориентированного на установление истины, верить ли р: что Земля плоская, или q: что население Китая меньше, чем население США, и т. д. Нам не предлагается рассматривать субъекта, проводящего изыскания, и задаваться вопросом, свободен ли он добросовестно или вместо этого предосудительным образом формировать убеждения (уже не типизированные по своему

содержанию)» [Lockie, 2018, 52].

Принципиально необходимо различать практики, посредством которых субъект преднамеренно пытается усвоить убеждения с определенным *содержанием*, и сознательно осуществляемую деятельность, выстраивание дисциплины которой на основе системы норм должно способствовать образованию или повышать вероятность формирования убеждений определенного *качества*: «с деонтологической точки зрения контроль качества доксистических установок действительно первичен по отношению к контролю их содержания» [Nottelmann, 2007, 94]. Формирование и поддержание убеждений определенного эпистемического *качества* и является общим императивом, исполнение которого составляет ответственность человека как субъекта познания. Экпликация этого императива в виде системы норм и правил, формирующих дисциплину познавательной деятельности, и утверждение ответственности субъекта за следование правилам и исполнение обязательств, вытекающих из этих норм, а также трактовка состояния обоснованности в деонтических терминах, связывающих обоснованность с ответственным подходом субъекта к решению познавательных задач, являются исходными принципами эпистемического деонтологизма.

Аргументы против эпистемического деонтологизма, демонстрирующие, что в основе этой концепции лежит *неверное доксистически-волюнтаристическое допущение*, а именно – предположение что человек свободен прямым или косвенным образом выбирать предметно предопределенные убеждения, бьют мимо цели, поскольку такое понимание доксистического волюнтаризма само базируется на эпистемологически irrelevantных (нео-Юмовских, по классификации Локки) представлениях о свободе действия, которые априорно несовместимы с идеей эпистемически ответственного поведения. В ряде антиволюнтаристических аргументов, включая некоторые аргументы Олстона, доксистический волюнтаризм получает заведомо абстрактную интерпретацию, основанную на выделении *вненормативного – гетерономного конституента свободы формирования убеждений* (спецификацией концепта свободы служит идея выбора, мотивированного произвольными интенциями): допускается, что по условиям определения ответственности субъект должен обладать способностью формировать или выбирать убеждения с *предопределенным содержанием*; при этом реализация данной способности рассматривается как эквивалент осуществления выбора, свободного в той мере, в какой субъект руководствуется собственными *желаниями, стремлениями, интересами*; в результате «эпистемическому интерналисту приписывалась странная разновидность некогнитивной (неэпистемической, «внешней») концепции формирования убеждений» [Lockie, 2018, 55], согласно которой убеждение с определенным содержанием предполагалось при наличии *субъективной мотивационной составляющей*, которая, понятное дело, не составляла достаточное основание рационального выбора.

Пример эпистемологически адекватного определения сознательной контролируемости убеждений

Развивая критику доксистического волюнтаризма, Олстон эксплицирует принцип сознательной контролируемости убеждений, используя категории свободного выбора, решения, намерения, которые выражают содержание отрицательной концепции свободы. Но субъективно-волюнтаристическое («узкое», в обозначении М. Стюэпа) понимание принципа контролируемости убеждений, предельным выражением которого является гипотеза базового контроля над содержанием доксистических установок, не может быть положено в основу

определения безусловно необходимых условий, при которых субъекта можно было бы считать ответственным за убеждения, которые он усваивает и поддерживает, если полагать мерой такой ответственности способность субъекта к выполнению *эпистемически* значимых интеллектуальных обязательств. Такому «узкому» пониманию принципа контролируемости убеждений М. Стюэп противопоставляет «широкое» понимание этого принципа, основанное на *отождествлении сознательности и агентивности*, которые проявляются в способности субъекта контролировать и реформировать собственные убеждения, подчиняясь требованиям интеллектуальной дисциплины, с *достаточной восприимчивостью и эффективной реактивностью* в отношении тех факторов, которые распознаются и выделяются в качестве разумной причины для убеждений. Развивая это «широкое понятие» доксистического контроля, которое, как было уже отмечено, получило развернутую экспликацию в ряде компатибилистских концепций, Стюэп не выходит за рамки уподобления практики усвоения и поддержания убеждений сознательно и добровольно совершаемым действиями: «Что мы действительно подразумеваем под "добровольным контролем", так это, возможно, не способность действовать определенным образом и воздерживаться от этого одновременно, а скорее способность действовать определенным образом или воздерживаться от этого в зависимости от того, какой способ действия поддерживается нашими причинами. С этой точки зрения, добровольное действие – это действие, которое совершается в силу чувствительности к разумным причинам» [Steup, 2006, 72]. Убеждение сознательно контролируемое не следует смешивать с убеждением, усваиваемым произвольно и преднамеренно. Более того, полагая базовым конституентом сознательной контролируемости убеждений *чувствительность к разумным эпистемическим причинам*, Стюэп пытается адаптировать это «широкое» понятие контроля к убеждениям, которые возникают большей частью автоматически, включая убеждения, формируемые процессами, оперирующими «данными опыта»; таковыми являются, например, убеждения, которые возникают в силу той неотвратимой очевидности того, в чем мы убеждаемся в процессе восприятия: «Могу ли я, руководствуясь надлежащими причинами, воздержаться от веры в то, что идет дождь, когда, как мне кажется, я вижу, что дождь идет? Я не вижу причин полагать, что не могу. Например, если я вижу, что идет дождь, но потом узнаю из надежного источника, что в данных обстоятельствах я с большой вероятностью галлюцинирую, что идет дождь, я могу не поддерживать больше это убеждение. Таким образом, мое убеждение, что идет дождь, – это убеждение, которое я могу сохранить или отбросить в зависимости от причин, которые говорят за или против того, чтобы его поддерживать. Следовательно, это есть убеждение, над которым я имею – косвенным образом – добровольный контроль» [Ibid, 73]. Однако, как показали специальные исследования, компатибилистский подход к обоснованию доксистической ответственности, в рамках которого развивается концепция руководящего контроля, полагающая в качестве условий деонтологически адекватной контролируемости убеждений *чувствительность к разумным причинам* и *собственность механизмов или процессов*, в которых эта чувствительность проявляется, сталкивается определенными проблемами концептуального и методологического плана [Галухин, 2023, 18-22].

В качестве альтернативы, представляющей противоположность радикальному субъективистическому волюнтаризму, рассматривалась *концепция predeterminedного выбора*, которая основывается на признании того, что наши убеждения всецело определяются доступными свидетельствами и/или каузально детерминированы, в том смысле, что каузальные факторы встроены в механизмы когнитивной генерации убеждений, а эвиденциальные факторы

служат условиями их фиксации в сознании субъекта. В процессе формирования убеждений, который встраивается в деятельность, подчиненную принципам интеллектуальной дисциплины, нет места выбору, основанному на произвольных предпочтениях, ибо, как заметил Корнблит, «формирование убеждений, которое предполагает свободу действий (в смысле исполнения субъективно-волюнтаристических интенций – Авт.) и, таким образом, позволяет нашим желаниям влиять на убеждения, которые мы формируем, является извращением природы этого процесса» [Kornblith 2012, 96], – Корнблит имеет в виду прежде всего процесс, в котором то, во что мы верим, определяется посредством на основе суждений, выделяющих рациональные основания.

В концептуально развернутом виде эта линия аргументации против доксистического волюнтаризма представлена в работах Бернарда Уильямса.

Аргументы Б. Уильямса для демонстрации концептуальной несостоятельности доксистического волюнтаризма

Б.Уильямс представил аргументы логически-концептуального плана, посредством которых он пытался доказать, что допущение способности субъекта произвольно выбирать и сознательно усваивать убеждения является принципиально несовместимым с фундаментальным фактом, что на уровне убеждений актуализируется установка на признание истины: поскольку интенция на истину является принципом собственной телеологии убеждений (в том смысле что если *S* убежден в том, что *p*, то это убеждение сопряжено с уверенностью в истинности того, что *p*, и само это убеждение является формой признания истины), то доксистический волюнтаризм является концептуально неконсистентной и, следовательно, самоопровергающейся позицией.

Данный тип аргументов используется для демонстрации *концептуальной несостоятельности* доксистического волюнтаризма.

Б.Уильямс развивает эту линию критики, выдвигая аргумент, который можно представить в двух вариантах, различаемых по их перспективной или альтернативной – ретроспективной направленности.

В «перспективистском» варианте аргумент Б.Уильямса показывает, что если ориентация на истинность в объективном смысле входит в собственную телеологию убеждений, то всякое намерение сформировать определенное убеждение оказывается некогерентным по своему содержанию: «Если бы я мог приобрести убеждение в силу одного лишь желания, я мог бы приобрести его независимо от того, истинно оно или нет; более того, я бы знал, что могу приобрести его независимо от того, истинно оно или нет. Если в полном сознании я могу по своей воле приобрести "убеждение" независимо от (соображений относительно) его истинности, то совершенно непостижимо, как до этого события я мог бы серьезно думать о нем как об убеждении, то есть как о чем-то, претендующем на то, чтобы служить репрезентацией реальности» [Williams, 1973, 148].

В «ретроспективистском» варианте аргумент Б. Уильямса предназначен для демонстрации того, что несостоятельность доксистического волюнтаризма логически следует из ограничения, которому необходимо подчиняется уже сформировавшееся убеждение, – в этом случае, полагает Уильямс, для субъекта в принципе оказывается невозможным совместить отношение к убеждению как такой пропозициональной установке, в форме которой реализовано признание истинности определенных положений, со знанием того, что убеждение с таким содержанием

было сформировано преднамеренно: «Что касается убеждения, то я не мог бы знать – или, если все это делать в полном сознании, даже подозревать, – что я приобрел его по своей воле. Но если я могу приобретать убеждения в силу одного лишь желания, я должен знать, что я способен на это; однако, мог ли бы я знать, что я способен на это свершение, если бы в отношении каждого свершения такого рода, который я бы осуществил, мне необходимо было бы верить, что оно не имело места?» [Ibid, 148].

Аргумент Уильямса в обоих его версиях основывается на вполне определенном истолковании телеологии убеждений, которое выделяет основания для представления убеждений в качестве претендентов на статус объектов эпистемических оценок: убеждения по природе своей «нацелены на истину». Уильямс поясняет значение истинностной интенции убеждений посредством развития трех когерентных положений. *Во-первых*, содержание убеждения может оцениваться с точки зрения бивалентной истинностной значимости, следовательно, и само убеждение в производном смысле может оцениваться как истинное или ложное. *Во-вторых*, быть убежденным в том, что *p*, означает верить, что *p* истинно. *В-третьих*, высказывание «Я убежден, что *p*» само по себе означает утверждение, что *p* является истинным.

Аргумент Б.Уильямса вызвал возражения ряда эпистемологов, которые указали на принципиальные недостатки и сомнительные следствия тех позиций, с которых Уильямс пытался доказать концептуальную невозможность докстического волюнтаризма.

Критика «перспективистского» аргумента Б.Уильямса

Эффективность «перспективистского» аргумента может быть поставлена под вопрос в виду эпистемологически иррелевантного понимания принципа свободы формирования убеждений и неоправданно ограничительных, по сути, репрессивных следствий в отношении докстической сферы в целом.

Во-первых, используя в качестве посылки допущение, что субъект может намереваться формировать убеждение безотносительно того, истинным или ложным является его содержание, этот аргумент изначально строится на представлении о способности субъекта произвольно определять состав своих убеждений, сформировавшемся в парадигме *отрицательного понимания свободы*, которому соответствует, как заметил Локки, идея выбора, детерминированного произвольными желаниями, – «желания считаются по природе своей некогнитивистскими: то есть, в отличие от убеждений, они не могут представлять, как устроен мир, и, следовательно, быть истинными или ложными» [Lockie, 2018, 54].

Во-вторых, по замыслу Б.Уильямса, предложенный им «перспективистский» аргумент должен был бы дискредитировать докстический волюнтаризм на том основании, что содержание намерения сформировать убеждение, безотносительно к тому, будет ли оно истинным или ложным, является некогерентным, потому что *само понятие убеждения по своему содержанию является истинностно-телеологическим*. Однако, аргумент этот связывает всякое сознательное намерение и действие по формированию убеждений *неоправданно сильным ограничением*, которое для субъекта в отношении широкого класса убеждений оборачивается докстической импотенцией: сознание несовершенства механизмов формирования убеждений должно блокировать всякое намерение усваивать и поддерживать такие убеждения, относительно которых вполне оправданным является допущение, что какие-то убеждения этого класса, даже если они будут в достаточной мере, хотя и не конклюдентно, обоснованными, могут быть ошибочными. По замечанию Т. Гувье, «проблема с этим аргументом [Уильямса]

заключается в том, что он, похоже, исключает гораздо больше, чем просто убеждение, усваиваемое или поддерживаемое произвольным образом. Кажется, что он исключает всякое убеждение, поскольку любой человек, обладающий достаточным знанием самого себя, не считает себя непогрешимым. Большинство людей знают, что у них были убеждения, которые оказались ложными и "не отражающими реальность"; тем не менее, веря в те вещи, в которые они верят, они считают их истинными (не исключая при этом, что они могут ошибаться – Авт.). Если это возможно, то получается, что аргумент Уильямса содержит некий критический изъян...» [Govier, 1976, 647].

Н. Ноттельман вполне логично относит «перспективистский» аргумент Б.Уильямса к категории аргументов *ad absurdum* и показывает, что неявной посылкой этого аргумента является ретроспективистское положение, в котором утверждается концептуальная амбивалентность допущения сознательной формируемости убеждений: *нет никакого убеждения, относительно которого я мог бы знать, или, если все это делать в полном сознании, даже подозревать, что я приобрел его по своей воле.* Для обнаружения этой амбивалентности Уильямс указывает на принципиальную несовместимость двух установок: зная, что всякое убеждение по природе своей нацелено на истину, нельзя придерживаться убеждения в том, что *p*, и при этом знать, быть уверенным или просто предполагать, что убеждение это было индуцировано посредством сознательно-волевого акта, т.е. является продуктом произвольно мотивированного действия.

Даже если допустить, что данное ретроспективистское положение является верным, позиции докстического волонтаризма могут быть иммунизированы от критики такого рода посредством нейтрализации аргумента, в котором эти положения фигурируют на уровне посылок.

В реконструкции *перспективистского* аргумента Уильямса, предложенной Ноттельманом, выделяются два взаимно противоречащих положения, которые в равной мере представляются следствиями утверждения докстического волонтаризма:

«(1) Чтобы иметь намерение достигнуть чего бы то ни было, я должен, по крайней мере, верить (знать), что это намерение способно привести к намеченному результату.

(2) С другой стороны, учитывая правильность приведенного выше ретроспективистского положения, я не могу верить (знать), что намерение иметь убеждение способно привести к намеченному результату» [Nottelmann, 2007, 109].

Выявляя амбивалентность, заключенную в понятии *преднамеренности*, когда это понятие применяется в отношении к тому, чтобы иметь (формировать, усваивать, культивировать) определенные убеждения, данный аргумент, по замыслу Уильямса, должен подводить к признанию некогерентности всякой докстической интенции и доказывать концептуальную (или психологическую, как считают некоторые интерпретаторы) невозможность преднамеренно усваивать себе какие-либо убеждения.

Однако, как показывает анализ, признавая верность ретроспективистского положения, согласно которому никакая установка не могла бы квалифицироваться как убеждение, если бы в отношении этой установки субъект мог бы полагать или «подозревать», что приобрел ее в результате сознательно-волевого решения, против перспективистского аргумента Уильямса все же можно выдвинуть вполне основательное возражение: в принципе нет никакой концептуальной необходимости считать истинным или хотя бы обоснованным второе (2) из двух указанных выше противоречащих утверждений. Дело в том, что ретроспективистское положение само по себе не дает оснований для дискредитации (т.е., для демонстрации

абсурдности) намерений субъекта усваивать определенные убеждения, реализация которых полагается в будущем. Иными словами, достаточно неправдоподобным является допущение, что способность субъекта формировать намерение с убеждением, что это намерение способно привести к намеченному результату в *будущем*, с необходимостью зависит от ретроспективно основательного убеждения или сложившегося представления о продуктивной силе таких намерений, как она определяется в *прошлом*. Перспективистский аргумент концептуально не исключает возможность для субъекта «оптимистично полагать, что его будущие намерения верить по своему желанию могут быть действительными и, таким образом, формировать такие намерения» [Nottelmann, 2007, 110], даже если субъект также считает, что до сих пор такие намерения не были действительными. В лучшем случае этот аргумент может быть использован для описания возможной психологической зависимости, которая не достигает статуса номологической регулярности.

Таким образом, антиволюнтаристический аргумент Уильямса в его *перспективистской* версии не достигает своего предназначения, поскольку посылки, используемые для *демонстрации концептуальной амбивалентности всякого представления о преднамеренном характере формирования убеждений*, нейтрализуются достаточно обоснованными возражениями, а заключение о концептуальной невозможности доксистического волюнтаризма, выводимое из таких посылок, не может быть отнесено к категории необходимых истин.

Критика «ретроспективистского» аргумента Б. Уильямса

Но аргумент Б.Уильямса в его оригинальном изложении допускает также «*ретроспективистское*» истолкование принципа несовместимости убеждения, осознаваемого как установка, обладающая истинностной телеологией, с допущением произвольного характера формирования (усвоения) этой установки.

Воспользуемся структурной экспозицией ретроспективистского аргумента Уильямса, изложенной С. Беркером [Berker, 2011, 4]:

p1. Если я могу приобретать убеждения по собственному произволению (на основе решения), то я должен *знать*, что могу приобретать убеждения по произволению. [Посылка]

p2. Если я могу *знать*, что я могу приобретать убеждения по своему произволению, то для меня в каждом конкретном случае должно быть возможно полагать или *знать*, что [я убежден, что p, и первоначально *приобрел* это убеждение по своему *произволению* (и до сих пор придерживаюсь этого убеждения на том же основании)]. [Посылка]

p3. Если я первоначально пришел к убеждению, что p, по собственному произволению, то я первоначально приобрел это убеждение *независимо* от того, является ли *истинным* то, что p, или нет. [Посылка].

c1. Если я *знаю*, что [я убежден, что p, и первоначально приобрел это убеждение по своему произволению (и все еще придерживаюсь его на том же основании)], то я могу полагать или *знать*, что [я убежден, что p, и первоначально приобрел это убеждение, *независимо* от того, является ли истинным то, что p, или нет (и до сих пор придерживаюсь его на том же основании)]. [Следует из p.3]

p4. Я *не могу* полагать или *знать*, что [я убежден, что p, и изначально приобрел это убеждение, независимо от того, *истинно* ли то, что p, или нет (и до сих пор придерживаюсь его на том же основании)].

c2. Я не могу иметь (формировать и поддерживать) убеждения по желанию. [вытекает из p1,

p2, c1, p4].

В ретроспективистской версии рассматриваемого аргумента доказывается, что для субъекта, относительно которого допускается, что он усвоил какую-то установку, невозможно совместить две позиции, а именно – (x) сознательно рассматривать эту установку в качестве убеждения, которое по природе своей нацелено на истину, и (y) в то же время полагать или знать, что эта установка сформирована произвольно, т.е. относится к классу установок, которые он приобрел безотносительно к тому, представляет ли она нечто истинное или нет: *Сознаваемое убеждение, что p ($B(p)$) несовместимо с метаубеждением или знанием того, что $B(p)$ субъект сформировал в силу собственного произволения ($MB^{arb}(B(p))$).*

Критический анализ посылок ретроспективистского аргумента показывает, что аргумент этот базируется на ряде *допущений*, которые можно поставить *под сомнение*.

Так, например, как и в «перспективистской» версии аргумента Уильямса, допускается, что *способность формировать убеждения произвольно равнозначна диспозиции к эпистемически безответственному поведению*, т.е. сознательно-произвольный характер формирования убеждений определяется на основе отрицательного понимания свободы, априорно исключающего условия нормативной детерминации выбора субъекта. Но такая линия истолкования принципа сознательно-произвольной контролируемости убеждений, выраженная в р3, делает этот принцип содержательно иррелевантным дискурсу деонтологического обоснования.

Кроме того, утверждение, заключенное в посылке р2, представляется сомнительным, поскольку для положений такого типа можно определить класс фальсификаторов и выделить в этом классе случаи, свидетельствующие о фактической возможности ситуаций, которые следовало бы считать, исходя из формального рассмотрения р2, невозможными. Например, я могу знать, что могу что-то забыть, несмотря на то что я не могу знать в конкретном случае, что [я забыл, что p , в прошлом и до сих пор не помню, что p]. Посылку р2 все же можно иммунизировать от фальсификации посредством возражения, доказывающего иррелевантность указанного случая: «забывание – это не действие, а р2 получает свое правдоподобие из общего принципа, заключающегося в том, что наше знание того, что мы можем сделать, в конечном счете основано на практическом знании того, что человек делает (и сделал)» [Berker, 2011, 4].

Наконец, критики указывают на веские основания для сомнения в том, что утверждение, выраженное в посылке р4 аргумента Б.Уильямса, является необходимо истинным. Девальвация значения посылки р4 подрывает обоснование концептуальной невозможности культивировать какое-либо убеждение, сознавая, что это убеждение сформировалось на основе собственного произволения, и причина этого заключается в том, что *принцип рациональности*, как он применяется к сфере убеждений, рассматриваемых как убеждения конкретного субъекта, приобретает *интенциональную* значимость, проявляющую зависимость убеждений от фонового знания и вразумительной для субъекта семантики, и не может быть эксплицирован исключительно в терминах *модальной правильности* или *логической совместности* их пропозиционального содержания. Иными словами, в той мере, в какой рациональность убеждений является «связанной», а структура их – подверженной когнитивным и сематическим детерминациям, *рациональность не может быть определена исключительно как функция логической когерентности высказываний, выражающих предмет этих убеждений*. Так, например, применяя критерии анализа и сопоставления пропозиций, предложенные К.Хоссаком, можно установить тождество пропозиции «Геспер мерцает» (p) пропозиции «Фосфор мерцает» (q), – термины соответствующих высказываний референциально эквивалентны, однако это не дает достаточное основание для полагания, что если человек X,

живший до того, как стало известно, что референтом «Фосфора» и «Геспера» является планета Венера, был убежден в том, что p , он был также убежден в том, что q . (Заметим, что К. Хоссак выдвигает положение, при котором пропозиции тождественны, но убеждения различны, как ключевой момент доказательства того, что убеждение не есть отношение субъекта к некоей пропозиции [Hossack, 2007, 4]). Для X рационально было бы полагать, что Фосфор мерцает, но отрицать в *то же самое время*, что Геспер мерцает, - X может придерживаться обоих убеждений, несмотря на то, что конъюнкция их содержаний по логико-семантическим критериям является ложной. В этом контексте становится понятным, почему тот же Ноттельман считает обоснованным допущение, что для рационального субъекта «каким-то образом невозможно сознательно *верить* в конъюнкцию пропозиций, в то же время сознательно *верить*, что эта конъюнкция обязательно ложна. Однако, конечно же, неверно, что невозможно сознательно придерживаться двух убеждений только потому, что конъюнкция их содержания необходимо ложна» [Nottelmann, 2007, 110]. Принимая во внимание специфику доксистической сферы в целом и учитывая роль интенционально-контекстуальных факторов и предпосылочно-знаниевых структур, Ноттельман выдвигает более сильное положение: «два убеждения не могут быть концептуально или логически несовместимы в обычном смысле этих терминов. В лучшем случае они могут быть *психологически* несовместимы...» [ibid., 111].

Можно было бы реабилитировать аргумент Б. Уильямса посредством истолкования его ключевой посылки в том смысле, что необходимо ложным является допущение того, что субъект может сознательно придерживаться убеждения в том, что $p \ \& \ q$, когда конъюнкция эта является *необходимо ложной*. Однако для того, чтобы при таком истолковании аргумент работал, необходимо описать феноменологию доксистически-сознательных установок в логически строгих терминах рационального отношения субъекта, но утверждение *адекватности* такого описания для сферы убеждений, а не для области рациональных *принятий*, имплицитно допущение *совершенной доксистической непогрешимости*, что становится очевидным, когда класс необходимо ложных конъюнкций включает, например, математические суждения; понятно, что такое допущение имплицитно также утверждает *исключительно высоких эпистемических стандартов*, тем более неприменимых в сфере эмпирического знания, и не является достаточно обоснованным.

Рациональность в ее эпистемическом значении, сопряженная с критической установкой, не замыкается исключительно на принцип логической консистентности содержания пропозициональных установок, но выражается в следовании целому комплексу правил обоснования, эвристики и критики, которые в числе прочего требуют систематической работы субъекта по выявлению и исправлению ошибок в системе своих убеждений, допущений и теорий, а также предполагает оценку значимости самих правил и схем мыследеятельности, поэтому и система норм, предназначенных для регулирования познавательной деятельности, является *многоуровневой*.

Таким образом, принцип ретроспективной несовместимости, применяемый в отношении уже сформировавшегося убеждения, не может служить в качестве несомненной посылки для доказательства концептуальной амбивалентности допущения возможности приобретения убеждений на основе сознательного произволения субъекта, – в лучшем случае этот принцип может использоваться в качестве посылки *более слабого аргумента*, демонстрирующего, что в ряде случаев, поддающихся обобщению и типологизации, проявляется ограниченность *психологических* возможностей признания субъектом собственных уже сформировавшихся убеждений в статусе произвольно усвоенных установок. Однако аргумент этот, основанный на реинтерпретации принципа ретроспективной несовместимости, не может быть

трансформирован в рассуждение, посредством которого можно было бы доказать, что *сознание простого факта волюнтаризма из области доксистической генеалогии*, т.е. сознание, выраженное на уровне обоснованного метаубеждения, что какие-то из убеждений, которых придерживается субъект, сформировались в силу действия эпистемически иррелевантных факторов или произвольного выбора политики, способствующей формированию такого рода убеждений, *само по себе* должно было бы подвигнуть субъекта к воздержанию от того, чтобы поддерживать такие убеждения, относительно которых ему известно, что они изначально сформировались и поддерживаются на субъективно-произвольных основаниях. Исходя из *психологической* интерпретации принципа ретроспективной несовместимости нельзя придать однозначный номологический смысл положению, что «наличие осознанного убеждения в том, что я сформировал определенное убеждение произвольно, обязательно должно быть фактором, влияющим на устойчивость этого убеждения» [Nottlemann, 2007, 112] без каких-либо приводящих условий. Такое положение требует дополнительного обоснования.

Акратическая диспозиция VS эпистемико-деонтическая установка

А для того чтобы показать, что одного лишь сознания факта субъективной произвольности усвоения убеждений, который оказывается значимым для квалификации эпистемического качества последних, недостаточно для того, чтобы актуализировалась *диспозиция к пересмотру или воздержанию от этих убеждений*, можно представить ряд гипотетических ситуаций, в которых *акратическая диспозиция* вступает в конкуренцию с *эпистемико-деонтической установкой*.

С *одной стороны*, осознание того факта, что какое-то из убеждений сформировалось произвольным образом (DV-сознание), не может выступать фактором дестабилизации этого самого убеждения, если субъект в какой-то момент пришел к пониманию того, что для этого убеждения – для признания истинности его предметного содержания – есть также вполне адекватные и достаточные основания. На это можно возразить, что факт доксистического волюнтаризма никак каузально не связан с актуальными условиями поддержания этого убеждения, ключевое из которых – сознание наличия эпистемически адекватных оснований, поэтому для устойчивости этого убеждения, как только *решен вопрос его обоснованности*, сознание произвольного характера его формирования (DV-сознание) является уже иррелевантным, – устойчивость убеждения зависит теперь от «дефиторов» – факторов, способных, если они будут выявлены, подорвать убеждение или расстроить обоснование. DV-сознание влияет на стабильность убеждения только при условии, что субъект, принимая критическую установку или решая, чему следует верить в данной ситуации, сознательно тематизирует вопрос эпистемической обоснованности, демонстрируя тем самым ответственное отношение к собственной доксистической сфере.

С *другой стороны*, как замечает Дж. Монмарке, можно «легко вообразить случаи, когда люди признают, что с учетом имеющихся свидетельств они должны верить в то, что р (что у них есть достаточные основания полагать, что р), но по эпистемически неуважительным мотивам все еще цепляются за противоположное убеждение» [Montmarquet, 1986, 50]. Монмарке квалифицирует такие ситуации как случаи проявления эпистемически безответственного отношения к способам культивирования убеждений, допуская тем самым *способность субъекта сознательно регулировать собственную доксистическую сферу*. Именно такие случаи можно с полным основанием отнести к категории ситуаций, в которых *акратическая диспозиция* конкурирует в сознании субъекта с *эпистемико-деонтической установкой*.

Доксастический волюнтаризм в контексте изучения регулятивных и трансформативных потенциалов DV-сознания истолковывается уже не просто как способность субъекта сознательным образом усваивать или пересматривать собственные убеждения, а как предрасположенность субъекта к тому, чтобы поддерживать убеждения произвольно, без должного отношения к ряду эвиденциальных факторов (тенденциозно фокусируясь, например, только на ограниченном классе свидетельств и аргументов или игнорируя требование выделения надежных индикаторов истинности), т.е. как акратическая диспозиция, проявление которой оценивается в деонтических категориях, важнейшая из которых – категория эпистемической ответственности).

Ноттельманн полагает, что если представление о возможности проявления докстаического волюнтаризма, на которую указывает Монмарке, является обоснованным, то это было бы решающим аргументом против позиции Скота-Какуреса, понимаемой в том смысле, что «агент, который считает, что у него есть веские и достаточные основания полагать, что p , вследствие этого необходимо убежден, что p » [Nottelmann, 2007, 113]. Признавая обоснованность этого представления для целого ряда случаев, можно, однако, усомниться в правильности такого прямолинейного истолкования позиции Скота-Какуреса. Ведь Скот-Какурес ставит, по сути, риторический вопрос: «..если после изучения свидетельств решающее эпистемическое суждение S состоит в том, что у него есть веские и достаточные основания полагать, что p , как он может в тот самый момент, когда он так считает, не поверить в то, что p ?» [Scott-Kakures, 1993, 99]. В данном случае Скот-Какурес описывает сценарий эпистемически ответственного поведения: если субъект предпринял изучение свидетельств с целью определения того, чему ему следует верить в данной ситуации, т.е. что принимать за истину, и уже пришел к определенному заключению, т.е. вынес решающее эпистемически ответственное суждение, согласившись, что для данного полагания имеются адекватные и достаточные основания, то всякая последующая девиация или разрыв в этой линии рационального и ответственного поведения могут быть объяснены посредством выделения различных причин, наиболее вероятные из которых указывали бы на вмешательство внешнекогнитивных – психологических, идеологических и иных контингентных факторов, но воздействие таких факторов *никак нельзя* было бы отнести к категории причин, составляющих каузально-операциональные условия рационально-нормативной регуляции познавательной активности. В таком случае для определения меры ответственности субъекта ключевым является вопрос о том, насколько субъект, принимая решение относительно того, чему верить и какие из убеждений поддерживать в конкретной познавательной или практической ситуации, *сознательно-волевым* образом способен отражать или нейтрализовать воздействие такого рода факторов – интенсификаторов акратической диспозиции, задействуя «высокопорядковые исполнительные функции» – *доступные* ему «высшие когнитивные способности, которыми мы обладаем, связанные с нашей способностью к саморегуляции – самостоятельному продуцированию и контролированию своих мыслей и действий» [Lockie, 2018, 56].

Параметры эпистемически ответственного отношения субъекта к собственным пропозициональным установкам

Если убеждения уже сформировались когнитивно-спонтанным образом или усвоены вследствие произвольно индуцирующего их докстаически-продуктивного действия, то в условиях квалификации эпистемического достоинства этих убеждений входит установление того, насколько такие убеждения, выступающие объектами DV-сознания, удовлетворяют комплексу ретроспективно применяемых ограничений, выражающих требование

обоснованности в его *интерналистской* модификации, релевантной принципам эпистемической деонтологии.

Рассматривая условия фиксации убеждения в сознании субъекта, Ноттельман выделяет несколько таких ограничений, различаемых по силе регулятивной значимости и условиям ситуативно-релевантной применимости:

(P1^R) Основное *позитивное* требование-ограничение, состоит в том, чтобы после того, как убеждение сформировалось, субъект полагал, что у него *есть адекватные и достаточные основания, чтобы придерживаться этого убеждения*.

(P2^R) Более слабое позитивное требование, которое в порядке регуляции докстической сферы выражает условие актуализации трансформативного потенциала метаубеждений субъекта относительно убеждений первого порядка, состоит в том, чтобы *субъект обоснованно полагал, что у него нет достаточных оснований верить в противоположное*, которые бы перевешивали бы имеющиеся свидетельства или нарушали бы *prima facie* правдоподобность того, в чем субъект оказался убежден первичным образом.

(N^R) В других ситуациях наиболее релевантными и, возможно, деонтологически достаточным является *негативное* ограничение, которое можно представить в двух различных модусах:

(N1^R) в одном случае достаточно, чтобы после приобретения убеждения в том, что *p*, субъект *не полагал (сознательно) в то, что у него нет веских оснований верить в p*;

(N2^R) в другом случае в качестве императива вводится еще более слабое условие, которое состоит в требовании, чтобы *субъект не имел сознательно поддерживаемого убеждения в том, что у него есть веская причина полагать противоположное, т.е. не-р* [Nottelmann, 2007, 114].

Выделение этих условий является абстрактным моментом методологии определения параметров эпистемически ответственного отношения субъекта к элементам докстической сферы, в роли которых выступают определенным образом сформировавшиеся убеждения. Заметим также, что условия эти можно *обратить в перспективно ориентированные требования*, служащие нормативно-регулятивной основой рациональных решений относительно того, что принимать за истину в ситуации, когда эвиденциальная основа убеждений не обладает достаточной определенностью и требует установления посредством более основательного рассмотрения имеющихся свидетельств и аргументов или изыскания дополнительных данных, выдвижения и оценки новых соображений, обладающих силой аргументированного убеждения.

Как в случае ретроспективных ограничений, так и в случае их перспективно обращенных эквивалентов, реализация каждого из этих условий предполагает формирование метаубеждений относительно *эпистемического качества* убеждений первого порядка, т.е. мобилизацию ресурсов рефлексивно-оценочной системы (включая фоновые знания и нормативные представления), за счет которых определенные типы убеждений получают рационально-эпистемическую санкцию, позволяющую в идеале не просто индуцировать, но *трансформировать субъективную уверенность в рефлексивно опосредованное и обоснованное признание истины*.

Для широкого спектра познавательных ситуаций вполне адекватной и минимально достаточной для того, чтобы произвести эпистемико-деонтическую оценку убеждений субъекта, исходя из принципов рациональности и ответственности, представляется реализация *отрицательного требования в его слабой версии*: предполагается, что субъект не может устойчиво придерживаться убеждения, что *p*, сознательно полагая, что имеются достаточное основание полагать, что не-*p*. Однако, как было замечено выше, можно представить

альтернативную ситуацию, в которой субъект все же мог бы достигнуть этой устойчивой контрэвиденциальной приверженности убеждениям: как замечает Ноттельман, это возможно «только при наличии случайных экстрадобровольных (например, психологических – Авт.) факторов, влияющих на убеждения» [Ibid.]. Но для волюнтаризма, конечно же, неправильно было бы обосновывать собственное значение в качестве принципа, предполагаемого *эпистемическим деонтологизмом*, имея в виду такое «*доксастическое везение*» [Ibid.].

В рамках эпистемико-деонтологического подхода рационально закономерной является также экспликация общего принципа сознательной регулируемости доксастической сферы, исходя из демонстрации возможностей применения более *сильного негативного требования*: в ряде типичных случаев для субъекта бывает достаточно осознать, что у него нет достаточных оснований, чтобы придерживаться какого-либо убеждения, чтобы это заставило его отказаться от этого убеждения.

Вопрос об условиях *реализации положительных требований* является более сложным для эпистемологической разработки, ибо, как справедливо замечает Ноттельман, в довольно обширном классе типизируемых случаев субъект придерживается определенных уже сформировавшихся убеждений без того, чтобы иметь какие-либо метаубеждения относительно положительного эпистемического статуса первых. И объясняется это не только возможной догматической установкой сознания или когнитивными ограничениями, которые не позволяют субъекту выяснить этиологию собственных убеждений, на что в свое время указывал Дж. Греко, подвергая критике интернализм [Greco 255-258], - следует учитывать также функциональный статус убеждений, который не сводится только к выполнению когнитивных функций, связанных с репрезентацией и навигацией, но определяется также той символической ролью, которую убеждения играют в конкретном типе дискурса, например, в системе социально-практических отношений [Losonsky, 2000, 112].

Если же рассматривать убеждения в контексте притязаний субъекта на знание, то на первый план выходит их репрезентативная функция, т.е. их истинностное содержание, оценка которого входит в условия рациональной приверженности субъекта этим убеждениям. Предполагается, что рациональная приверженность субъекта определенным убеждениям, даже если эти убеждения изначально сформировались когнитивно-спонтанным образом или вследствие исполнения аксиологической или символической интенции, есть определенная форма реализации *сознательно-волевой установки субъекта*, который оценивает теперь эти убеждения с позиции их эпистемического достоинства и возможного вклада в обеспечение роста знания. В этом смысле убеждения, изначально сформировавшиеся произвольно, т.е. без надлежащего исполнения интенции на истину, или возникшие спонтанным образом, все же могут быть объектами эпистемико-деонтических оценок, если в отношении этих убеждений выполняется также слабое позитивное требование (P2^R), т.е. субъект, задействуя *ресурсы рефлексивно-оценочной системы*, сознательным образом формирует метаубеждение, что у него нет веских причин полагать нечто противоположное данному убеждению, а высшая градация ответственного отношения субъекта к принципам доксастически-познавательной дисциплины достигается с выполнением (P2^R) более сильного положительного требования, которое состоит в том, что агент сознательно полагает, что у него есть веские основания для такого убеждения.

Таким образом, если в убеждениях и заложена интенция признания истины, то это не гарантирует такую форму ее исполнения, которая была бы адекватна условиям достижения знания, что можно продемонстрировать, следуя классической схеме отличия *знания* от *мнения* и *веры* как специфических форм признания истины (например, вера – признание истины по

достаточным субъективным, но недостаточным объективным основаниям). Но именно это обстоятельство следует учитывать при определении того, насколько оправданным является вопрос об *ответственности субъекта познания*. Для выделения ситуативно релевантных условий значимости вопроса об ответственности субъекта познания можно представить прототип ситуации, когда субъект стоит перед выбором, при осуществлении которого, как было указано выше, *акратическая* диспозиция вступает в конкуренцию с *эпистемико-деонтической* установкой: либо подходить к вопросу о том, чему следует верить в конкретной ситуации, субъективно-волюнтаристически, не задействуя должным образом доступные субъекту ресурсы рефлексивно-оценочной системы для того, чтобы выполнить минимальные отрицательные требования, в створе которых реализуется сознание эпистемического качества убеждений, либо в противовес акратической диспозиции выбрать такую политику, которая предполагает исполнение долга, состоящего в том, чтобы осуществлять *регуляцию и модерацию докстической сферы, руководствуясь интерсубъективно значимыми стандартам* оценки пропозиций, которые могут составлять содержания его убеждений, с позиции их *обоснованности* или *вероятной истинности*. Именно для разрешения суперпозиции возможных способов культивирования убеждений, которая обозначилась в ситуации выбора, требуется *сознательно-волевое решение*, последствия которого и определяют то, в какой мере усваиваемые субъектом убеждения являются докстическими протоэлементами знания.

Заключение

Как показало настоящее критико-аналитическое исследование, целый комплекс метафизических и гносеологических допущений, положенных в основу ряда классических аргументов против докстического волюнтаризма (ДВ), являются либо концептуально ограниченными, поскольку они не исключают осмысление условий регулирования и контроля докстической сферы с альтернативных позиций, либо теоретически необоснованными или даже ошибочными, что дает основания для сомнения в эффективности самих этих аргументов.

Общим моментом ряда антиволюнтаристических аргументов является демонстрация несостоятельности радикально-волюнтаристической гипотезы прямого контроля над содержанием убеждений, – с критического обсуждения именно этой гипотезы У.Олстон начинает свою атаку на докстический волюнтаризм. Сторонники деонтологической этики убеждений признают, что доктрина прямого содержательного контроля, представляющее формирование убеждений по аналогии с преднамеренным действием, является несостоятельной. Но отрицательная концепция свободы, на которую опирается гипотеза базового контроля, иррелевантна определению способности субъекта оптимизировать состояние докстической сферы, следуя правилам интеллектуальной дисциплины; иными словами, волюнтаризм, основанный на допущении возможности формирования *каких-угодно убеждений в силу одного лишь намерения субъекта*, не составляет необходимую посылку в обосновании условий деонтологически адекватной контролируемости докстических установок как предпосылки выполнения эпистемически релевантных обязательств.

Показывая, что тезис сознательной контролируемости убеждениями не имплицитно радикальный докстический волюнтаризм, следует также признать, что основная интуиция, которая лежит в основе аргументов Б. Уильмса, является верной: если всякое убеждение по природе своей «нацелено на истину» и является формой признания истины, то допущение возможности сознательного культивирования убеждений безотносительно к факторам или

индикаторам истинности, не просто обнаруживает грани субъективного релятивизма, догматизма или иррационализма, но является по сути своей *концептуально противоречивым*. Однако, сами эти аргументы, как показал анализ, в ряде концептуальных моментов являются уязвимыми для критики.

Зависимость убеждений от эвиденциальных факторов (доступных эмпирических свидетельств и представленных доказательств) истолковывается в смысле детерминации их содержания причинами, независимыми от сознания и воли субъекта, но в истолковании критиками ДВ принципа эвиденциальной базируемости убеждений проявляются редуccionистские тенденции эпистемологического анализа, вследствие которых упускается важное звено в обосновании докстической ответственности: ведь для того, чтобы полученные данные приобрели значение индикаторов истинности, необходимо признание со стороны субъекта, в котором он должен руководствоваться нормативно заданными критериями эвиденциальной значимости, что уже предполагает определенную меру ответственности за качество усваиваемых убеждений. Фиксация содержания убеждений через отношение к доступным эвиденциальным верификаторам, которые ограничивают способность субъекта думать по-иному, не являются основаниями для дискредитации агентивности в отношении к убеждениям и докстической ответственности субъекта, – демонстрация компатибилизмом эффективности контроля управления (руководящего контроля) и обоснование соответствия его критерию деонтологической адекватности подрывают аргумент против ДВ, эксплуатирующий представление о том, что для утверждения определения меры ответственности, исходя из принципа *Debes, ergo potes*, необходимо, чтобы субъект не находился всецело во власти свидетельств (как выразился Р.Фельдман), но обладал полнотой доступных ему альтернативных возможностей.

Критика докстически-волюнтаристического допущения в целом ряде парадигматических случаев основывается на выявлении противоречия между общим принципом контролируемости пропозициональных установок и теми случаями, в которых проявляется спонтанный характер когнитивного процесса, посредством которого эти установки формируются. Аргументы, основанные на обобщении фактов когнитивно-спонтанного формирования убеждений (перцептивных, интроспективных, мнемотических и др.) не учитывают роль метасознательной экспертизы убеждений в формировании докстического фундамента дискурсивного знания и выстраиваются в русле общей гносеологической тенденции к тому, чтобы подменять понятие познавательной деятельности абстрактным понятием когнитивного функционирования. Критики ДВ оперируют абстрактным понятием каузальной генеалогии докстических установок, которое подчас лишено эпистемологических импликаций, связывающих понятие убеждения с понятием знания. Но убеждения нельзя было бы выделить в статусе претендентов на роль докстических протоэлементов знания, (i) если бы процесс их формирования (рассматриваемый из перспективы образования основы знания) ограничивался *наличным результатом когнитивно-спонтанных процессов*, который, выражая наивное доверие опыту, заведомо исключал бы даже диспозициональную контролируемость этих процессов, и (ii) если бы убеждения, возникающие помимо воли субъекта, не становились бы объектами *последующей метасознательной экспертизы*, предполагающей отбор соответствующих пропозиций на основе оценки того, в чем убеждает опыт, включая оценку самого опыта (в терминах достоверности содержания и/или глобальной или локальной надежности когнитивного процесса).

В гносеологическом плане аргументы основываются на абстрактной реконструкции

доксастически-продуктивных процессов, которую можно рассматривать как инаугурацию когнитивного функционализма и экстернализма, несовместимую с признанием статуса познающего агента. Формирование убеждений подчас искусственно отделяется от целостного познавательного процесса, при этом не учитывается различие пассивной – рецептивно-репродуктивной стороны доксастически формирующих процессов и *агентивно-активных аспектов развития уверенности* до сознательной убежденности. В гносеологических посылах аргументов против доксастического волюнтаризма обнаруживается то, что Р. Локки определил как «ложную дилемму понимания познания»: с одной стороны, развивается представление о познании как пассивном, автоматическом процессе получения информации, на основе механической переработки которой создается копия мира; с другой стороны, в качестве альтернативы выделяется субъективно-волюнтаристический вектор, – «частично загрязняющее, затронутое желаниями вторжение в эту копию мира или проекцию на нее некогнитивных факторов» [Lockie, 2018, 55] представляется той ценой, которую необходимо заплатить за допущение контролируемости убеждений. Но игнорируя роль субъектно-деятельного начала, которое специфически проявляется в различных типах когнитивных процессов, задействованных в формировании наших пропозициональных установок, критики ДВ сталкиваются с дилеммой: либо допустить познавательно целесообразную регулируемость сферы убеждений, но отказаться от деонтологической экспликации этого принципа, либо выйти за границы нормативного проекта интерналистской эпистемологии и развивать экстерналистские теории обоснования.

Ограниченность парадигмы эпистемологического анализа, которая обнаруживается в подходе критиков ДВ к реконструкции процессов формирования и условий поддержания убеждений, приводит к тому, что в ряде антиволюнтаристских аргументов недооценивается потенциал других форм контроля, таких как:

(1) диспозициональный контроль когнитивных процессов, позволяющий в синхроническом режиме осуществлять мониторинг и корректировку процессов формирования убеждений даже тогда, когда эти процессы включают автоматическую обработку информации, представляющей вклад внедоксастических факторов (Макхью, Галухин);

(2) косвенный контроль эпистемического качества убеждений, направленный на условия и формы деятельности, посредством которой формируется доксастический фундамент знания (Ноттельман);

(3) контроль руководства, в условия которого входит собственность механизма формирования убеждений, означающая историческое принятие субъектом ответственности за состояние этого механизма и качество его продуктов, и регулярно проявляемая и поддерживаемая чувствительность к тому, что составляет разумную причину для убеждений (Стюэп, МакКормик).

Результаты критического анализа гносеологических посылок аргументов против доксастического волюнтаризма дают основания для сомнения в демонстративной значимости этих аргументов в плане фальсификации доксастически-волюнтаристической гипотезы.

Библиография

1. Галухин А.В. Апории компатибилистского решения проблемы доксастической ответственности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 7А. С. 5-32.
2. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // Philosophical Perspectives. 1988. Vol. 2. Epistemology. P. 257-299.

3. Berker S. Epistemic Normativity. 2011. URL: phil244-meeting2-williams (harvard.edu)
4. Clarke M. Doxastic voluntarism and forced belief // *Philosophical Studies*. 1986. Vol. 50 (1). P. 39-51.
5. Feldman R. Voluntary Belief and Epistemic Evaluation // Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 77-92.
6. Govier T. Belief, Values, and the Will // *Dialogue*. 1976. Vol. 15. P. 642-663.
7. Greco J. Internalism and Epistemically Responsible Belief // *Synthese*. 1990. Vol. 85. No. 2. P. 245-277.
8. Hossack K. *The Metaphysics of Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 328 p.
9. Kornblith H. *On Reflection*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 187 p.
10. Lockie R. *Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 303 p.
11. Lososky M. On Wanting to Believe // Engel P. (ed.) *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 101-131.
12. McCormick M. Taking Control of Belief // *Philosophical Explorations*. 2011. Vol. 14 (2). P. 169-83.
13. McHugh C. Epistemic responsibility and doxastic agency // *Philosophical Issues*. 2013. Vol. 23 (1). P. 132-157.
14. Montmarquet J.A. The Voluntariness of Belief // *Analysis*. 1986. Vol. 46. P. 49-53.
15. Nottelmann N. *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology*. Dordrecht: Springer, 2007. 268 p.
16. Scott-Kakures D. On Belief and the Captivity of the Will // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53. P. 77-103.
17. Steup M. A Defense of Internalism // Bernecker S. (ed.) *Reading Epistemology. Selected Texts with Interactive Commentary*. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2006. P. 60-75.
18. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // In: Tolksdorf S. (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter. 2012. P. 461-485.
19. William B. *Deciding to Believe // Problems of the Self. Philosophical Papers 1956-1972*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 1973. P. 136-51.

The epistemological flaws of the criticism of doxastic voluntarism

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

This paper identifies the epistemological flaws in a number of standard arguments against doxastic voluntarism. Doxastic voluntarism assumes that an agent has control over his or her beliefs, and this doxastic control is efficient and strong enough to render him or her capable of fulfilling epistemically relevant intellectual duties. The general claim that it is not within our power to exercise basic control over the content of our beliefs does make sense and this claim can be justified by invoking psychological and epistemological reasons. There are arguments that consider the spontaneity of belief formation processes to be inconsistent with any form of control over beliefs. The critics of doxastic voluntarism lay emphasis on the synchronic and functional aspects of belief formation and highlight a predominantly receptive, or reproductive side of cognition as opposed to its' agentic side, but this model of analysis precludes them from understanding the cognitive-functional dynamics of belief formation and revision as a part of a diachronically distributed conscious activity. A number of arguments underestimate the potential of other forms of control, such as dispositional conscious control, exercised even with respect to perceptual beliefs, as well as

various forms of indirect control, which primarily optimize the formation of beliefs that fit in the standards of desirable epistemic quality. The determination of beliefs by evidential factors, insofar as the latter are recognized by an agent, impose limitations on the ability to think or believe otherwise.

For citation

Galukhin A.V. (2024) Gnoseologicheskie iz'yany kritiki doksasticheskogo volyuntarizma [The epistemological flaws of the criticism of doxastic voluntarism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 3-28. DOI: 10.34670/AR.2024.28.28.001

Keywords

Belief, epistemic deontologism, doxastic voluntarism, intellectual duties, deontological conception of justification, responsibility, agency, cognitive process, activity, knowledge.

References

1. Alston W.P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 257-299.
2. Berker S. (2011) *Epistemic Normativity*. Available at: phil244-meeting2-williams (harvard.edu) [Accessed 02/02/2024]
3. Clarke M. (1986) Doxastic voluntarism and forced belief. *Philosophical Studies*, 50 (1), pp. 39-51.
4. Feldman R. (2001) Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. Oxford: Oxford University Press.
5. Galukhin A.V. (2023) Aporii kompatibilistskogo resheniya problemy doksasticheskoi otvetstvennosti [Aporias of the Compatibilist Solution to the Problem of Doxastic Responsibility]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12, 7A, pp. 5-32.
6. Govier T. (1976) Belief, Values, and the Will. *Dialogue*, 15, pp. 642-663.
7. Greco J. (1990) Internalism and Epistemically Responsible Belief. *Synthese*, 85, 2, pp. 245-277.
8. Hossack K. (2007) *The Metaphysics of Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
9. Kornblith H. (2012) *On Reflection*. Oxford: Oxford University Press.
10. Lockie R. (2018) *Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic.
11. Losonsky M. (2000) On Wanting to Believe. In: Engel P. (ed.) *Believing and Accepting*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
12. McCormick M. (2011) Taking Control of Belief. *Philosophical Explorations*, 14 (2), pp. 169-83.
13. McHugh C. (2013) Epistemic responsibility and doxastic agency. *Philosophical Issues*, 23 (1), pp. 132-157.
14. Montmarquet J.A. (1986) The Voluntariness of Belief. *Analysis*, 46, pp. 49-53.
15. Nottelmann N. (2007) *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontologism*. Dordrecht: Springer.
16. Scott-Kakures D. (1993) On Belief and the Captivity of the Will. *Philosophy and Phenomenological Research*, 53, pp. 77-103.
17. Steup M. (2006) A Defense of Internalism. In: Bernecker S. (ed.) *Reading Epistemology. Selected Texts with Interactive Commentary*. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing.
18. Steup M. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control. In: Tolksdorf S. (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter.
19. William B. (1973) Deciding to Believe. In: Williams B. *Problems of the Self. Philosophical Papers 1956-1972*. Cambridge UK: Cambridge University Press.

УДК 378

DOI: 10.34670/AR.2024.50.73.001

Академическая свобода преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования

Валеева Галина Викторовна

Доцент кафедры философии и культурологии,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого,
300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125;
e-mail: stark.k@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию принципа академической свободы преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования. На основании анализа преимуществ и ограничений реализации свободы преподавания и исследования в опосредованном «цифрой» образовательном пространстве определена роль академической свободы преподавателя в цифровом образовании. Показано, что академическая свобода способствует развитию новых знаний, научного дискурса и инноваций. Однако ее ограничения могут повлечь за собой снижение качества образования, научных исследований, публикационную пассивность. В связи с чем предлагаются рекомендации по обеспечению академической свободы преподавателя в условиях цифровой трансформации высшего образования. Автор делает вывод о том, что сохранение принципа академической свободы преподавателя является необходимым как для развития высшего образования в современных реалиях, так и для общества в целом. Академическая свобода преподавателя – один из фундаментальных принципов в системе высшего образования, обеспечивающий педагогическому работнику право свободного преподавания и свободного исследования. В условиях цифровой трансформации высшего образования принцип академической свободы играет важную роль в цифровом образовании, поскольку способствует развитию новых знаний, научного дискурса и инноваций.

Для цитирования в научных исследованиях

Валеева Г.В. Академическая свобода преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 29-35. DOI: 10.34670/AR.2024.50.73.001

Ключевые слова

Цифровая трансформация, высшее образование, преподаватель, академическая свобода, цифровые технологии, цифровое образование.

Введение

Актуальность исследования обуславливает противоречивый характер цифровой трансформации высшего образования, которая в широком смысле представляет собой процесс качественного изменения и модернизации образовательного процесса университета под воздействием цифровых технологий, а также «формирование и распространение новых, с точки зрения содержания, моделей работы организаций в сфере науки и высшего образования» [Стратегия, www]. С одной стороны, это способствует развитию цифрового образования и открывает перед преподавателем широкие возможности для использования цифрового инструментария в целях реализации профессиональных задач. С другой стороны, изменяется не только содержание образования, но и его организация, в связи с чем трансформируется деятельность преподавателя и его обязанности, что может неоднозначно отразиться на системе ценностей и принципов (трансляция и передача знания, поиск истины и ее осмысление, единство преподавания и исследования, профессиональный долг, ответственность, добросовестность, честность, академическая свобода [Богданова, Бахштановский 2021; Назарова, 2022; Скворцов, 2021; Согомонов, 2021 и др.]), которые отражают сложившиеся академические и корпоративные нормы университета.

В условиях цифровой трансформации преподаватель выступает не только как источник знания, но и как куратор, консультант, модератор и тьютор цифрового образования, что позволяет эффективно взаимодействовать со студенческой аудиторией и адаптировать традиционные методы преподавания к инновационным формам обучения. «За точку счета принимается та система ценностей и норм, которая ориентирует деятельность преподавателя в условиях традиционной, контактной и внесетевой, работы (работы в физической аудитории и реальном кампусе). Обязанности преподавателя классифицируются в соответствии с вопросами: «чему учить?», «как учить?», «как оценивать?»» [Прокофьев, 2021, 31]. Однако, обладает ли преподаватель достаточной свободой в использовании того или иного цифрового инструментария для создания образовательного контента («чему учить?»), выборе формата обучения («как учить?»); определении «новых способов формирования культуры академической честности и этически обоснованных методов наблюдения за выполнением отчетных заданий (в том числе онлайн-прокторинга)» [Прокофьев, 2021, 31] («как оценивать?»); выборе треков научных исследований? В этой связи, особое значение приобретает проблема значения академической свободы преподавателя университета и ее сохранения в условиях цифровой трансформации высшего образования.

Основная часть

В научной литературе понятие «академическая свобода» не имеет единого, универсального определения и в широком смысле трактуется как «право высших учебных заведений в лице профессоров на самоуправление; определение программ преподавания и внутреннего порядка высшего учебного заведения, выбор профессоров и ректоров независимо, без вмешательства посторонней административной власти» [Брокгауз, Ефрон, 1997, 167]. Данная формулировка указывает на то, что академическая свобода является одним из основополагающих принципов высшего образования и научной деятельности, который обеспечивает независимость и самостоятельность профессорско-преподавательского состава в разработке и реализации программ обучения, а также в проведении исследований. Это способствует: во-первых, креативному и творческому подходу к организации занятия и подачи учебного материала, что,

в свою очередь, повышает мотивацию обучающихся и их интерес к изучаемому предмету; во-вторых, разнообразию научных идей, точек зрения, мнений, что позволяет популяризировать науку в целом. Поэтому, соблюдение принципа академической свободы необходимо «для качественного преподавания, проведения исследований, создания инноваций, производства, распространения и применения знаний» [Проект, www].

Содержание академической свободы преподавателя высшей школы раскрывается в Законе «Об образовании». Так, в Статье 47 отражены основные составляющие академических прав и свобод педагогических работников, в том числе: свобода преподавания; свобода выбора форм и методов обучения, а также учебных материалов; участие в разработке образовательных программ; осуществление научной, творческой и исследовательской деятельности, а также «право на защиту профессиональной чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики...» [ФЗ № 273, www].

На основании представленных в Законе составляющих академических прав и свобод, можно выделить несколько типов академической свободы преподавателя: свобода преподавания и свобода исследования. Свобода преподавания заключается в возможности творческого и профессионального самовыражения, которую преподаватель реализует через разработанные им учебные программы и курсы, методические пособия и рекомендации; выбранные формы и методы обучения, оценки полученных студентами знаний; определение содержания занятий в соответствии с установленными в университете стандартами и требованиями. Такая свобода «может восприниматься как свобода слова, позиции, в том числе и гражданской, в качестве академической специализации» [Соловьева, Соловьев, 2017]. Свобода исследования позволяет преподавателю, как ученому, выбирать и формулировать направление своей научной деятельности (область исследования, тему, методы и т.д.), а также распространять полученные результаты, соблюдая при этом нормы академической этики. Исследователи отмечают, что в современном обществе, отличительной чертой которого является постоянное увеличение потоков информации и появление новых знаний, высшее образование носит массовый характер. В связи с чем происходит дифференциация высших учебных заведений на исследовательские, опорные и региональные, которые смещают акцент своей деятельности в соответствии со стратегическими целями и задачами в сфере науки и образования. «В исследовательском университете отдается предпочтение исследованию, а значит, и соблюдению принципа академической свободы исследования... Опорные университеты, созданные с акцентом на преподавание, в большей степени реализуют академическую свободу преподавания...» [там же]. Академическая свобода преподавателя региональных флагманов и отраслевых университетов, который в своей деятельности совмещает преподавание и исследование, «будет заключаться в выборе им приоритета исследовательского или преподавательского треков» [там же].

Как видим, академическая свобода преподавателя университета – один из важнейших принципов, согласно которому педагогическому работнику предоставляется индивидуальное право, гарантирующее свободу преподавания и свободу исследования. Однако, принцип не означает безграничную свободу действий преподавателя: академическая свобода предполагает ответственность перед студенческой аудиторией, научно-образовательным сообществом, университетом, а также соблюдение норм профессиональной и академической этики, что в условиях цифровой трансформации высшего образования приобретает особую значимость, поскольку «опосредованное цифрой образовательное пространство преобразует университетские смыслы и ценности» [Согомонов, 2021, 55].

Академическая свобода, с одной стороны, способствует эффективному развитию цифрового образования, поскольку преподаватель, как ключевой актер образовательного процесса, благодаря выбору того или иного цифрового инструментария/платформы: разрабатывает качественный учебный контент («чему учить?»), способствующий развитию знаний, умений и навыков, необходимых будущим специалистам для успешной реализации в современном обществе; определяет ту или иную форму обучения («как учить?»), в соответствии с индивидуальной образовательной траекторией студента; организует систему онлайн-прокторинга («как оценивать?»), соблюдая при этом этические границы аналитики обучения, с целью «сохранения доверительных отношений между преподавателем и студентами, защиты автономии и приватного пространства студентов и т.д., и т.п.» [Прокофьев, 2021, 51]. Кроме того, публикационная активность как результат научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава, отраженный в цифровых репозиториях, является одним из ключевых индикаторов цифровой активности университета [Галимов, www].

С другой стороны, цифровая трансформация высшего образования преобразует деятельность преподавателя: «педагог высшей школы превращается из носителя транслируемых знаний и умений в навигатора, который помогает ориентироваться в базах знаний» [Шамсутдинова, 2021, 95] представленной в цифровой образовательной среде, что так же отражается на академической свободе, которая в данном случае может выступать объектом ограничения со стороны администрации университета, а так же мониторинга деятельности преподавателя, что обуславливает возможные риски:

- свобода преподавания может быть ограничена стандартизацией цифрового образовательного процесса, а также контролем содержания образовательного контента. Это может привести к риску снижения творческого и креативного подхода преподавателя к организации и проведению занятий в цифровой образовательной среде, объективного оценивания полученных студентами знаний, и как следствие, к снижению качества образования в целом;
- свобода исследования может быть ограничена стратегическими целями университета (преподаватели вынуждены отказываться от своих научных интересов в пользу работы над приоритетными проектами); ограниченным финансированием (поиск альтернативных источников может сократить объем исследований); введенным лимитом публикаций, что является особенно актуальным в связи с введением балльно-рейтинговой системы оплаты труда профессорско-преподавательского состава (в данном случае качество исследований может проиграть количеству публикаций, размещенных в цифровых репозиториях).

На наш взгляд, для обеспечения академической свободы преподавателя в условиях цифровой трансформации высшего образования, необходимо, во-первых, создание доступной IT-инфраструктуры, а также проведение соответствующей подготовки и обучения педагогических работников практике свободного использования цифровых технологий в учебном процессе; во-вторых, разработать стандарты, способствующие качественной реализации цифрового образовательного процесса, учитывая при этом интересы и потребности профессорско-преподавательского состава; в-третьих, осуществлять профессионально-этическое регулирование деятельности преподавателя в цифровой образовательной среде посредством кодификации норм профессионального поведения [Валеева, 2023, 53]; в-четвертых, обеспечить благоприятные условия для исследовательской деятельности и профессионального развития преподавателей (организация семинаров, конференций,

вебинаров, марафонов и т.п., содействующих распространению научных исследований и разработок).

Заключение

Академическая свобода преподавателя – один из фундаментальных принципов в системе высшего образования, обеспечивающий педагогическому работнику право свободного преподавания и свободного исследования. В условиях цифровой трансформации высшего образования принцип академической свободы играет важную роль в цифровом образовании, поскольку способствует развитию новых знаний, научного дискурса и инноваций. Вместе с тем, возникают и модифицируются и ограничения, что может повлечь за собой снижение качества образования и научных исследований, а также публикационную пассивность. Важно отметить, что академическая свобода заключается не столько в комфорте или удобстве преподавателей, сколько в выгодах для общества: то есть долгосрочные интересы общества лучше всего удовлетворяются, когда образовательный процесс ведет к развитию знаний, а знания лучше всего развиваются, когда преподавание и исследование свободны от различных ограничений [Academic freedom, www]. Поэтому сохранение принципа академической свободы преподавателя в опосредованном «цифрой» образовательном пространстве университета является необходимым как для развития высшего образования в современных реалиях, так и для общества в целом.

Библиография

1. Богданова М.В., Бакштановский В.И. Цифровизация образования и университетская этика – две вещи совместны ли? // Вестник прикладной этики. 2021. № 57. С. 20-146.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. М.: Терра, 1997. Т. 1. С. 167.
3. Валеева Г.В. Профессиональная этика преподавателя высшей школы в контексте цифровизации образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 1 (45). С. 53-60.
4. Галимов Т.С. Влияние цифровизации на публикационную активность высшей школы. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45605080_61667001.pdf
5. Назарова Ю.В. Система профессиональной этики в высшем образовании: аксиологические предпосылки формирования и перспективы развития // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2022. № 3 (43). С. 40-49.
6. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 21.12.2012: одобрен Советом Федерации Федер. 26.12.2012 (с изменениями и дополнениями, вступил в силу с 01.01.2024).
7. Принципы осуществления права на академическую свободу. URL: <https://www.scholarsatrisk.org/wp-content/uploads/2023/04/Principles-for-Implementing-the-Right-of-Academic-Freedom-RUSSIAN.pdf>
8. Прокофьев А.В. Этика профессора в цифровом университете // Вестник прикладной этики. 2021. № 58. С. 31-53.
9. Скворцов А.А. Этика в цифровом образовании: как «Любовь к дальнему» развивает «Любовь к ближнему» // Вестник прикладной этики. 2021. № 57. С. 64-73.
10. Согомонов А.Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Вестник прикладной этики. 2021. № 57. С. 48-63.
11. Соловьева Т.О., Соловьев Д.Н. К вопросу о реализации принципа академической свободы в современном университетском образовании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №2 (15). С. 110-114.
12. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6bedzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf>
13. Шамсутдинова И.И. Трансформация статуса и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации (на примере КФУ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 1 (48). С. 95-98.
14. Academic freedom. URL: <https://www.britannica.com/topic/Herbartianism>

Academic freedom of a teacher in the context of digital transformation of higher education

Galina V. Valeeva

Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
300026, 125, Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: stark.k@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the principle of academic freedom of a teacher in the context of the digital transformation of higher education. Based on the analysis of the advantages and limitations of the implementation of freedom of teaching and research in the mediated «digital» educational space, the role of the academic freedom of the teacher in digital education is determined. Academic freedom has been shown to promote the development of new knowledge, scientific discourse and innovation. However, its limitations may lead to a decrease in the quality of education, scientific research, and publication passivity. In this regard, recommendations are offered to ensure the academic freedom of a teacher in the context of the digital transformation of higher education. The author concludes that maintaining the principle of academic freedom of a teacher is necessary both for the development of higher education in modern realities and for society as a whole. Academic freedom of a teacher is one of the fundamental principles in the higher education system, providing teaching staff with the right to free teaching and free research. In the context of the digital transformation of higher education, the principle of academic freedom plays an important role in digital education, as it contributes to the development of new knowledge, scientific discourse and innovation.

For citation

Valeeva G.V. (2024) Akademicheskaya svoboda prepodavatelya v kontekste tsifrovoy transformatsii vysshego obrazovaniya [Academic freedom of a teacher in the context of digital transformation of higher education]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 29-35. DOI: 10.34670/AR.2024.50.73.001

Keywords

Digital transformation, higher education, teacher, academic freedom, digital technologies, digital education.

References

1. *Academic freedom*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Herbartianism> [Accessed 02/02/2024]
2. Bogdanova M.V., Bakshtanovskii V.I. (2021) Tsifrovizatsiya obrazovaniya i universitetskaya etika – dve veshchi sovместny li? [Digitalization of education and university ethics: are two things compatible?]. *Vedomosti prikladnoi etiki* [Bulletin of Applied Ethics], 57, pp. 20-146.
3. Brokgauz F.A., Efron I.A. (1997) *Malyi entsiklopedicheskii slovar': v 4 t.* [Small encyclopedic dictionary: in 4 volumes]. Moscow: Terra Publ. Vol. 1.

4. Galimov T.S. *Vliyaniye tsifrovizatsii na publikatsionnuyu aktivnost' vysshei shkoly* [The impact of digitalization on the publication activity of higher education]. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_45605080_61667001.pdf [Accessed 02/02/2024]
5. Nazarova Yu.V. (2022) Sistema professional'noi etiki v vysshem obrazovanii: aksiologicheskie predposylki formirovaniya i perspektivy razvitiya [System of professional ethics in higher education: axiological prerequisites for formation and development prospects]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanitarian Gazette of the TSPU named after L.N. Tolstoy], 3 (43), pp. 40-49.
6. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2012 № 273-FZ: prinyat Gos. Dumoi 21.12.2012: odobren Sovetom Federatsii Feder. 26.12.2012 (s izmeneniyami i dopolneniyami, vstupil v silu s 01.01.2024)* [On education in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated December 29, 2012 No. 273-FZ: adopted by the State Duma 12/21/2012: approved by the Federation Council of the Federal Republic on 12/26/2012 (with amendments and additions, came into force on 01/01/2024)].
7. *Printsipy osushchestvleniya prava na akademicheskuyu svobodu* [Principles for exercising the right to academic freedom]. Available at: <https://www.scholarsatrisk.org/wp-content/uploads/2023/04/Principles-for-Implementing-the-Right-of-Academic-Freedom-RUSSIAN.pdf> [Accessed 02/02/2024]
8. Prokofev A.V. (2021) Etika professora v tsifrovom universitete [Ethics of a professor at a digital university]. *Vedomosti prikladnoi etiki* [Bulletin of Applied Ethics], 58, pp. 31-53.
9. Shamsutdinova I.I. (2021) Transformatsiya statusa i roli prepodavatelya vuza v usloviyakh tsifrovizatsii (na primere KFU) [Transformation of the status and role of a university teacher in the context of digitalization (using the example of KFU)]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik* [Kazan Social and Humanitarian Bulletin], 1 (48), pp. 95-98.
10. Skvortsov A.A. (2021) Etika v tsifrovom obrazovanii: kak «Lyubov' k dal'nemu» razvivaet «Lyubov' k blizhnemu» [Ethics in digital education: how “Love for the distant” develops “Love for the neighbor”]. *Vedomosti prikladnoi etiki* [Bulletin of Applied Ethics], 57, pp. 64-73.
11. Sogomonov A.Yu. (2021) Tsifrovoi universitet v informatsionnom obshchestve: eticheskie aspekty tekushchei transformatsii [Digital University in the Information Society: Ethical Aspects of the Current Transformation]. *Vedomosti prikladnoi etiki* [Bulletin of Applied Ethics], 57, pp. 48-63.
12. Solov'eva T.O., Solov'ev D.N. (2017) K voprosu o realizatsii printsipa akademicheskoi svobody v sovremennom universitetskom obrazovanii [On the issue of implementing the principle of academic freedom in modern university education]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Studies], 2 (15), pp. 110-114.
13. *Strategiya tsifrovoi transformatsii otrasli nauki i vysshego obrazovaniya* [Strategy for digital transformation of the science and higher education industries]. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf> [Accessed 02/02/2024]
14. Valeeva G.V. (2023) Professional'naya etika prepodavatelya vysshei shkoly v kontekste tsifrovizatsii obrazovaniya [Professional ethics of a higher school teacher in the context of digitalization of education]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Humanitarian Gazette of the TSPU named after L.N. Tolstoy], 1 (45), pp. 53-60.

UDC 1

DOI: 10.34670/AR.2024.85.14.002

A Pluralistic Epistemological Study on Epigenetics

Fengli Yu

Professor of Heihe University,
Doctoral Candidate of Heilongjiang University,
150080, 74, Xuefu Road, Harbin, China;
e-mail: 26699384@qq.com

Benxiang Zhang

Professor,
Heilongjiang University,
150080, 74, Xuefu Road, Harbin, China;
e-mail: 26699384@qq.com

Fund project: Heilongjiang Provincial Natural Science Foundation funded project LH2023C072; Key Project of Education Science Planning in Heilongjiang Province GJB1421629; "Project of the Basic Research Support Program for Excellent Young Teachers" in Heilongjiang Province YQJH2023013; Heihe University Higher Education Teaching Reform Campus level Project XJGY202027.

Abstract

Epigenetics is the mechanism by which biological phenotypes are preserved and transmitted to offspring through pathways such as DNA methylation and chromatin conformational changes, while DNA sequences remain unchanged. In the past two decades, epigenetics has emerged, overturning traditional genetic theories and sparking widespread debate in the scientific and philosophical communities. This article will review the understanding of epigenetics in ontology, the debate between the Darwinian and Lamarckian paradigms sparked by epigenetics, genetic determinism, reductionism in biology, and whether paradigms of theory of evolution need to be supplemented or revised, and respond to these issues from multiple perspectives. In recent decades, research on epigenetics has shown that the environment can promote epigenetic variation, thereby promoting natural selection and evolutionary processes. Epigenetics is stable and can independently influence evolution together with genetics. Therefore, like genetic changes, epigenetics can play an important role in short-term microevolution and contribute to the macroscopic evolutionary process of species formation and improved adaptability. Epigenetics is a very young discipline that requires further exploration. However, in any case, an increasing number of studies are indicating that environmental induced epigenetics can be inherited across generations, and epigenetics is an equally important molecular mechanism as genetics, which needs to be incorporated into a more unified evolutionary theory.

For citation

Fengli Yu, Benxiang Zhang (2024) A Pluralistic Epistemological Study on Epigenetics. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 36-50. DOI: 10.34670/AR.2024.85.14.002

Keywords

Epigenetics, ontology, darwinian paradigm, lamarckian paradigm, genetic determinism, theory of evolution.

Introduction

Since the rediscovery of Mendel's laws of inheritance, classical genetics has emerged. In the following century, molecular biology and genomics centered around the essence of genes and how genes determine phenotype have emerged. However, the world of life is full of mysteries, and genes do not determine everything. Many phenomena cannot be explained by the genetic theory of gene determining phenotype. There are complex and precise regulatory mechanisms between genotypes and phenotypes in organisms, which is the research scope of epigenetics. If the genomic DNA sequences contain the genetic codes that encode all living things, then epigenetics determines how genetic codes are used to generate different gene expression profiles and phenotypes during individual development and interaction with the environment to better adapt to environmental changes. Since the beginning of the 20th century, both theoretical viewpoints and scientific data have been gradually accumulated in epigenetics, especially since the 1940s when research results have been increasing year by year. In the 21st century, it has become more prosperous, with a large number of academic papers and works emerging. Epigenetics, due to its inherent characteristics and potential ontological, epistemological, and methodological thinking, has attracted particular attention from scientists and philosophers.

Epigenetic Understanding Under Ontology

Laudan pointed out that studying tradition provides a set of guiding principles for the development of specific theories. Part of these guiding principles constitute ontology, which generally defines the types of basic entities that exist in the field or research tradition, and outlines the different ways in which these entities can interact with each other [Laudanum, 1990]. Since 1942, British developmental biologist Conrad Waddington has linked the previously independent fields of developmental biology and genetics, combining the Greek word "epigenesis" (having the meaning of development "theory of epigenesis") with "genetics" to propose the term "epigenetics", which refers to the entire process of development. Now, it has evolved into the current "epigenetics", which can be said to be the beginning of the traditional study of epigenetics. In the second half of the 20th century to the beginning of the 21st century, Ohno, Lyon, Griffith J.S., and others successively discovered epigenetic mechanisms such as X chromosome inactivation, DNA methylation, histone acetylation and methylation, and genomic imprinting. In 1987, Holliday R.'s paper "The Inheritance of Epigenetic Defects" published in "Nature" sparked an explosive use of the concept of "epigenetics" in the 1990s [Ohno, 1959; Griffith, 1969].

Guided by ontology, people constantly explore the nature of epigenetics, and epigenetic research has been continuously developed in various aspects. In 2004, Constantia M et al. proposed that DNA methylation is involved in genomic imprinting, confirming that DNA methylation undergoes significant changes in gamete and early embryonic development [Constancia, 2004]. During this period, chromatin structure and gene expression also became very active research areas. Studies by Cosgrove MS and others have shown that histone modifications, particularly acetylation and methylation, play a crucial role in gene expression [Cosgrove, 2005]. Meanwhile, studies have also shown that RNA plays an increasingly important role in epigenetics, and selective splicing of gene

transcripts can be considered as an epigenetic mechanism [Baulcome, 2005; Sontheimer, 2005; Filipowicz, 2005], as shown in "Table 1". These studies indicate that inheritance not based on DNA sequences exist in various organisms and have been confirmed in microorganisms, plants, invertebrates, and vertebrates.

Table 1 - History of Epigenetics

Time	Events
1940s	Conrad Waddington defined epigenetics as the environment gene interaction that induces developmental phenotypes
1975	Holliday, Pugh, and Riggs discovered DNA methylation
1988	X chromosome inactivation and DNA methylation
1990s	Imprinting genes, allele expression, and DNA methylation
1995	Histone modification and chromatin structure
2000s	Non-coding RNA
2005	Epigenomic atlas
2005	Transgenerational inheritance of epigenetics

At present, biologists define the concept of epigenetics as the genetic phenomenon caused by chromatin changes that do not depend on DNA sequence changes. Various chemical modifications outside of DNA sequence are called epigenetic modifications or epigenetic markers, which are the main carriers of epigenetics. Under the influence of ontology, the epigenome is considered a reversible material entity that regulates gene expression. Epigenetic regulation can affect biological processes such as gene expression, cell differentiation, and development, and plays an important role in maintaining normal development and physiological functions of organisms. It is the basis for guiding and controlling gene expression. If a certain epigenetic regulatory mechanism is disrupted, it may lead to direct cell death, developmental abnormalities, and even serious diseases (such as cancer). The biological mechanisms of epigenetic regulation mainly include DNA methylation, histone modification, and non-coding RNA, etc.

1) DNA methylation is the earliest discovered epigenetic modification, which refers to the biochemical process of adding a methyl group (a chemical group) to a certain base in a DNA sequence. The high methylation of a certain segment of DNA is likely to inhibit the transcription of the corresponding gene (Klose and Bird 2006). Methylation can affect the specific expression of genes at different developmental stages, making it extremely important in body development and cell differentiation. In the process of biological development, some genes are highly methylated in the early stages of development to inhibit expression, while in the late stages of development, they are induced to demethylate and activate expression.

2) Histone modification is also an important surface genetic regulatory mechanism. Histones form chromatin with DNA entangled around them, hence also known as chromatin modification. Different chemical groups can be added to the end of histones to form modifications such as acetylation, methylation, phosphorylation, ubiquitination, etc. These modifications can affect the three-dimensional structure of chromatin, thereby affecting the accessibility of gene transcription, the level and mode of gene expression, DNA replication or repair processes, etc.

3) Non-coding RNA (ncRNA) includes small RNA, long non-coding RNA (lncRNA), small nuclear RNA (snRNA), etc. These RNAs do not encode proteins, but play important roles in gene expression regulation, gene splicing, post-transcriptional processing, and chromosome spatial structure

construction. A portion of non-coding RNA can regulate gene expression, a phenomenon known as RNA interference (RNAi). Research has shown that RNA interference also plays an important role in epigenetic regulation.

The above is not the entirety of the epigenetic regulatory mechanisms, as the transmission of intracellular structures (such as mitochondria, regulatory proteins, etc.) from mother cells to daughter cells also falls within the scope of epigenetics. A major characteristic of the epigenetic regulatory mechanism is holism, which means that different epigenetic factors are connected into a huge epigenetic regulatory network, influencing and coordinating with each other. For example, methylation and histone modification are interdependent, and both are related to chromatin remodeling.

After several important mechanisms of surface genetic regulation were revealed, a large number of researchers have devoted themselves to the field of epigenetics (see "Figure 1"), and the important role of epigenetics in development and evolution has been further confirmed. Among numerous studies, there are several representative research achievements that have caused a sensation in the global scientific and philosophical communities. In 2008, a study published in the Proceedings of the National Academy of Sciences showed that the children (F₁ generation) of women who became pregnant after the hunger winter of 1944 in the Netherlands had a higher incidence rate of obesity and heart disease when they grew up. Further research found that their grandchildren (F₂ generation) also had a higher incidence rate of obesity and heart disease, because their IGF2 gene DNA methylation was less, confirmed that living environment conditions can lead to heritable phenotypic changes in humans [Capitanini, 2021]; In 2014, a paper titled "Lamarck Regression" was published in the journal "Nature", proposing that "specific fears can also be inherited across generations." In the experiment, they exposed male mice to a phenylethyl ketone gas with a hawthorn aroma, and each time the odor was released, the mice were electrocuted. After a period of time, the mice developed a fear of this odor, and the offspring (F₁ generation) and grandchildren (F₂ generation) of these male mice developed the same conditioned fear response circuit, were born with a fear of acetophenone [Szyf, 2014]; Two studies in 2023 have shown that the collapse of epigenetic regulatory information can lead to aging in mice, while restoring the integrity of the epigenetic genome can reverse its aging. Researchers say this is evidence of the causal relationship between epigenetics and aging, adding new evidence to the universality of cross representational epigenetics in mammals [Jae-Hyun Yang, 2023; Takahashi, 2023].

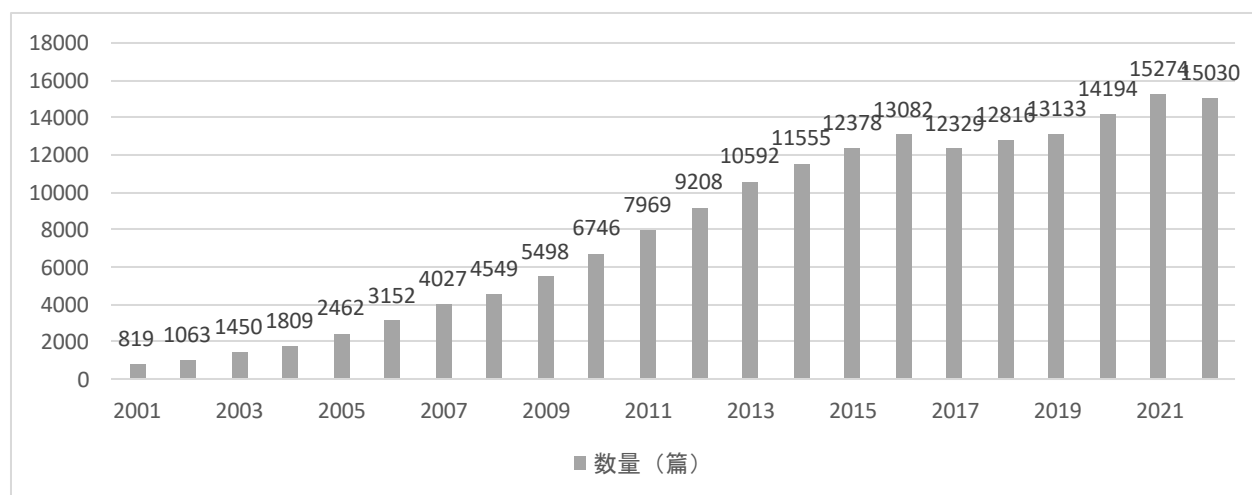

Figure 1 - Number of academic papers related to "epigenetics" published from 2001 to 2022 (data from Aminer platform)

Epigenetics scientists propose that epigenetics is the primary molecular mechanism used by any organism to promote physiological and phenotypic changes. Environmental conditions, such as nutrition, temperature, light, toxins, exposure, stress, or trauma, can trigger epigenetic regulation, promote cell response to the environment, and cause phenotypic variation. The role of early developmental environmental factors can permanently program the molecular functions of cells, thereby affecting the later representative types [Perovic, 2011]. However, some geneticists believe that although epigenetics play a role in cell fate and evolutionary processes, they are far less important than epigenetics believe [Noble, 2015].

The biological mechanism of epigenetics is established at the molecular biology level, and the concept of "epigenome" has strengthened the ontology of epigenetics in recent years. The epigenome is a set of chemical modifications of DNA and DNA related proteins in cells, which can characterize how many allele specific active genes and regulatory elements exist in the human genome, as well as the biological functions of these regulatory elements. However, due to the reversibility of epigenetics and the instability of intergenerational inheritance, there are doubts about its ontological commitment. This questioning is temporarily referred to as epigenetic instrumental theory, which believes that epigenetics is not an independent and real entity, but rather a process that occurs in the body under certain conditions over a period of time, especially the phenomenon that causes diseases and physiological abnormalities. Philosophers are also concerned about the scientific development of epigenetics and the issues it raises about the essence of life, biological evolution, ethics, and other related issues.

The Debate Between the "Darwinian Paradigm" and the "Lamarckian Paradigm"

The rise of epigenetics emphasizes the influence of environment on the variation and evolution of biological traits, and some researchers propose that this is a revival of Lamarckism. But many studies have also criticized such views.

The main viewpoints of Lamarckism are: Species undergo changes during the process of evolution; The changes in evolution are slow and difficult to detect; Evolution occurs through adaptation to the environment, usually from simple to complex, although in a few cases it is the opposite; These species are interconnected through a common lineage; The process of evolution begins naturally, meaning that life originates from inanimate matter [Danchin, 2011]. However, under the Darwinian paradigm of the 20th century, Lamarck and Lamarckism were often used as cognitive errors and clumsy theories. For example, the most prominent viewpoint in Lamarck's view is the view of "acquired inheritance", and the example of giraffe neck elongation is always used as a comparison between Lamarckism and Darwin's theory of natural selection [Dias, 2014]. Now it seems that such views need to be re-examined.

Since the 1990s, there has been a significant increase in research on "Lamarckian theory" and "Lamarckism" in foreign countries. Etienne Bucher believed that Lamarck's theory of "inheritance of acquired traits" can now be explained by epigenetic mechanisms [Bucher, 2013]. Jablonka proposed that the scientific findings on epigenetics, as well as the debate about the importance of epigenetics in evolution, indicate that many "marginal" phenomena that were not identified in early research can be classified as epigenetic examples of acquired inheritance [Gissis, 2011]. Francis Dov believed that the latest advances in genetic inheritance, embryology, immunology, and behavioral research to some extent prove that Lamarck's vision 200 years ago was correct [Dov, 2006]. Alessandro Capitanini believed that the characteristics exhibited by organisms are determined by the expression of genetic

information dependent on the genome, epigenome, and microbiome. He pointed out that on the timeline of evolution, according to Darwin's principle, genetic modification takes millions of years to occur and stabilize, but environment and habits can affect the phenotype response of organisms more quickly. According to Lamarck's hypothesis, through epigenetics, people's habits (physiological, psychological, environmental) can determine changes in gene expression and may affect the gene expression of their offspring [Capitanini, 2021]. In recent years, some epigenetic scientists who have achieved important research results also believed that their research results have become evidence of Lamarckism [Yan Wang, 2017].

However, some scholars thought that there is a fundamental difference between intergenerational inheritance in epigenetics and acquired inheritance in Lamarck, and caution should be exercised in this regard. Ilya Gadjev pointed out that when combining "Lamarckism" with advances in gene expression regulation and genetics, there should be a clearer understanding of Lamarckism's ideas and epigenetics, which can contribute to the discussion of "innate" and "acquired" [Gadjev, 2015]. Laurent Loison believed that the discovery of new molecular mechanisms (such as DNA methylation, histone modification, RNA interference, etc.) is evidence to support the authenticity and effectiveness of acquired inheritance, but the true Lamarck concept of acquired inheritance is different from the concept of cross representative epigenetics [Loison, 2018]. Even Francis Dov believed that viewing modern environmental epigenetics as neo-Lamarckism does not truly help [Dov Por, 2006].

Based on this, Dave Speijer and Sophie J. Veig engaged in a tit for tat debate over the use of "Lamarck theory" and "Lamarckism". Speyer called for an end to the "hasty use of 'Lamarckian style'", as the term "Lamarckian style" often contrasts with "Darwinian style". Veig believed that Speyer provided a "problematic" description of the Lamarckian mechanism, and there is no need to adopt a strong realistic attitude towards Lamarckism. In the era of Lamarckism, cell theory has not yet formed, so it is more reasonable for people to maintain an open attitude towards what is the basis of Lamarckian inheritance. He believed that "Lamarckism" should specifically refer to the paradigm of "use/abandonment". Research on the acquisition of spacer fragments in CRISPR arrays and the inheritance of small RNA in *Caenorhabditis elegans* as acquired characteristic inheritance shows that modeling these processes based on the paradigm of "use/abandonment" can increase understanding of these processes. He suggested abandoning strong ontological commitments, and paying attention on how the Lamarck mechanism enhances people's understanding of epigenetic processes [Speijer, 2019; Sophie, 2019; Speijer, 2019b].

The Challenges of Epigenetics to Genetic Determinism

"Dragon born dragon, phoenix born phoenix" has a genetic metaphor, which may indicate that life has an inherent purpose at the beginning of conception that determines the developmental direction of individuals. There was a debate in ancient Greece between preformationism and epigenesis regarding whether development was predetermined. The former believed that there is a predetermined form of life, and development is only a process of "little people" constantly growing. The latter, represented by Aristotle, believed that the form of organisms is gradually realized during development. Aristotle believed that the blood of an individual's mother provide a material basis, while the semen of the father provides a form-giving principle, which determines the essential properties of the organism. Here, the principle of formation replaces the fixed form and sets the internal purpose for living individuals. Therefore, Aristotle also partially believed in the preformationism that development is still predetermined [Lu Qiaoying, 2021].

Modern synthetic evolution has dominated biological science for over half a century, with its core idea being that "genes encode proteins through the genetic program inherited from their parents, forming organisms, and encoding and determining future offspring". The "genetic information" carried by DNA molecules here replaces "form" or "the principle of formation", setting an inherent purpose for individuals and pre-determining the outcome of development. This is the modern version of preformationism, also known as "genetic determinism". The genetic determinism perspective of modern synthetic evolution has penetrated into scientific literature and textbooks, to the extent that many biologists may not have recognized its conceptual essence. Nathaniel Comfort, in his paper published in "Nature", criticized Robert Plomin's "Blueprint" for conveying the message of classic genetic determinism. "Blueprint" is a roadmap for regressing social policy, and its consequences may be as severe as the infamous genetic determinism before it [Comfort, 2018].

Genetic determinism describes genes as the "blueprint", which may erroneously imply that all the information needed to make up an organism exists in DNA, which is clearly not true. Under the paradigm of modern evolutionary synthesis, people have accepted the ideas of DNA and genetic code, which has led to the view of "genetic program", which can easily lead to mechanical reductionism ideas such as "human body is a large carrier of genes" [Dawkins, 1976]. There are two types of errors here, one is that the gene is the active cause, and the other is that the feedback between the environment and the genome, which may form a cyclic causal relationship, is ignored.

Many researchers in the field of epigenetics have proposed that organisms are not entirely determined by their genomes, and genetic determinism is insufficient to explain the complexity of organisms. The most important theory of epigenetics is the interaction between the genome and the environment, which can help people better understand how the environment shapes phenotypes and the phenotypes of offspring, and may even persist into the next generation [Tammen, 2013]. Epigenetics can avoid gene centrism and allow for a more holistic perspective [Burbano, 2006].

Kevin N Laland published a paper in "Nature" titled "Does the Theory of Evolution Need to be Reconsidered?" [Laland, 2014]. Based on research on developmental bias, phenotypic plasticity, niche construction, and epigenetics, he emphasized the role of development and environment in biological evolution, pointing out that the evolutionary theory of gene centrism is no longer applicable. Some scholars in the fields of humanities and social sciences believed that theories in epigenetics may replace reductionism and genetic determinism, enabling people to have a clearer understanding of the important role of social life and environment. Kasia Tolwinskia thought that the genome obtains its biological "meaning" through a process of interaction, which may redefine genes and rethink the causal relationship between genes and the environment. Social science discourse on epigenetics is expected to change people's overall view of life phenomena, replacing the reductionist paradigm with a paradigm that integrates environment and genetics [Tolwinskia, 2013]. Some scholars believed that the "revolution" of epigenetics has crossed many disciplines and will deviate from genetic determinism [Waggoner, 2015].

E. Dickins disagreed with the above viewpoint, arguing that the focus on epigenetics leads to confusion between proximate and ultimate causal relationships, which in turn masks key issues related to the organization and regulation of life throughout the entire lifecycle [Dickins, 2012].

Rethinking of Reductionism in Biology

Ingo Brigandt and Alan Love proposed three reductionism theories in biology: (1) Ontological reduction means that every specific biological system (such as an organism) is simply composed of molecules and their interactions; (2) Methodology reduction refers to the most fruitful study of

biological systems at the lowest possible level, and biological experimental research aims to discover molecular and biochemical reasons; (3) Epistemological reduction, which refers to the higher-level knowledge about a certain scientific field, can usually be reduced to another set of more fundamental knowledge [Love, 2012].

Alexander Rosenberg's proposal of "cash reductionism" has had a wide impact in the field of biological philosophy [Rosenberg, 2008], distinguishing between "how possible" and "why necessary" biological explanations. Rosenberg pointed out that according to the reductionism, classical genetics provides a historical description of natural selection regarding how a biological phenomenon occurs (such as why certain butterflies have eye shaped spots on their wings), but this description is not detailed. It is like an outline or a promise, and once molecular genetics completes this description, this promise is fulfilled. The process of fulfilling this promise is the process of restoring classical genetics to molecular genetics [Rosenberg, 2007]. One of the most powerful criticisms of reductionism within the scope of biological philosophy comes from the biological philosopher Philip Kitcher, to which Rosenberg strongly responds [Rosenberg, 2008]. However, the cash reductionism cannot end the debate between reductionism and anti-reductionism in biological philosophy. Slobodan Perovic believes that even from detailed biological explanations at the molecular level, it is impossible to infer reductionism hypotheses because the mutual causality between molecules is crucial for these explanations. The extension of basic physical parameters to the biological context makes the concepts of basic elements and causal levels assumed by reductionists elusive [Slobodan, 2014].

In recent years, the surge in epigenetic research, especially the emergence of a large number of research results on epigenetic mediated transgenerational inheritance, seems to have added evidence to both reductionists and anti-reductionists [Noble, 2015; Danchin, 2011; Dias, 2014; Gluckman, 2007; Klironomos, 2013; Nelson, Nadeau, 2010; Nelson, Spiezio, Nadeau, 2010; Nelson et al., 2012; Rechavi, 2011; Beurton, 2008; Gissis, 2011; Noble, 2011a, 2011b; Pigliucci, 2010].

Richard Lerner believes that modern synthetic evolution has reversed causal relationships in biology, leading to the failure of reductionism. Although modern synthetic evolution theory, as a geocentric theory of evolution, reductionism approach is effective, it endows "genes" with privileges in causal relationships. In a network of multiple interacting factors, "genes" cannot have privileges. In the context of epigenetic research, the genetic reductionism model under the modern paradigm of comprehensive evolution has led to unreasonable claims about genetic causal relationships [Lerner, 2017]. Paul Davies proposed that epigenomic regulation is an emerging self-organizing complex phenomenon that exists in complex system theories such as nonlinear bifurcations, linkage feedback loops, distributed networks, and top-down causal relationships. The heritable environmental imprints challenge the central law of biology, which assumes that genes control life. Genes are not "autonomous" and cannot be turned on or off on their own. The role of genes is more in the feedback of organisms to environmental stimuli [Davies, 2012]. Epigenetic studies have shown that causal relationships are mutual, acting in both passive and active ways. Passive causal relationships are DNA sequences that act as inert templates, while active causal relationships are the functional networks of interactions that determine how the genome is activated [Noble, 2015]. Modern synthetic evolution requires new theoretical supplements of biological causal relationships. Epigenetics suggests the existence of another evolutionary pointing system that complements Darwin's theory, presenting an ordered response to the environment rather than just random changes like genetic drift [Noble, 2006, 2008, 2013]. This multi mechanism evolutionary theory is closer to some of Darwin's viewpoints rather than "neo-Darwinism", and the combination of epigenetics and classical genetics can provide more complete and effective causal explanations for biology.

However, there are also many researchers who believe that when epigenetics does not completely break away from the tendency of reductionism in conceptualizing developmental relationships, that is, genes and environment play different roles, the field needs to pursue a more rigorous framework for the entire developmental process, which integrates the molecular, organic, and environmental levels of biological tissues, including all the importance of emergence, background, and hierarchical relationships in the developmental explanations [Lickliter, 2017]. Margaret Lock believed that external variables in the body can bring about heritable changes in gene expression or cell phenotype [Lock, 2013], and these epigenetic findings are likely to trigger a new round of somatic reductionism, as research is mainly limited to the molecular level. She also believed that a new biological reductionism is emerging [Lock, 2015]. The work of many scholars can serve as an example of reductionism, such as Mohd Hafiz Rothi's use of intergenerational metabolic methylation labeling technology to determine that methylation can be transmitted from parents to children due to hunger. The author claims that this method shifts the focus of epigenetic research from correlation to causality [Rothi, 2023]. Jun Otsuka et al. used causal graph theory to analyze the essential interaction between Ernst Mayr's "proximate cause" and "ultimate cause" causal relationships, providing a reductionist approach for evaluating or discovering epigenetic or unknown evolutionary phenomena [Otsuka, 2015].

Conclusion

Epigenetics has developed rapidly and research results are advancing rapidly. Currently and in the future, it will be a hot field of scientific research. Scientists will provide more data or causal explanations for the role of epigenetics in the fate and evolution process of cells. Classic genetic and evolutionary theories may be supplemented, expanded, or subverted, which will inevitably update people's understanding of life phenomena and even the world.

The debate between reductionism and holism is long-lasting, and the research results of epigenetics will provide a new perspective for reductionism or holism. At present, it is important to clarify the relationship between reductionism and holism in terms of methodology and epistemology, while fully considering the complex manifestation and significance of causal relationships. Methodology and reductionism hold that the most effective investigation strategy is to break down the system into its constituent parts. If people want to truly understand how these systems work, they need a comprehensive approach. They need to accept the important analytical value of methodological reductionism and reject it in epistemology. For example, the core viewpoint of modern comprehensive theory of evolution is the theory of gene centrality, which has led to the theories of gene determinism, genetic essentialism, and genetic reductionism. Based on epigenetic mechanisms, these issues can be reasonably addressed.

The development of epigenetic science and philosophy can better respond to the question of whether the "Darwinian evolutionary paradigm" is facing challenges. There are three schools of views on whether the "Darwinian evolutionary paradigm" is facing changes: Most scholars believe that the existing evolutionary paradigm needs to be supplemented and expanded by incorporating important theories of epigenetics in biological phenotype, genetics, and evolution, forming an extensional extended evolutionary synthesis (EES); Conservative scholars believe that existing evolutionary paradigms do not face challenges, and that existing theories can also explain new epigenetic phenomena; Radical scholars believe that the "Darwinian evolutionary paradigm" will be replaced to form a more unified theory of evolution. The importance of theory of evolution is beyond doubt. It is not only a scientific or philosophical issue, but also related to people's understanding of life phenomena

and the world. Therefore, research in this area will inevitably be an important research topic in the field of scientific philosophy for a long time to come.

The theory of evolution has made significant progress in the past century, and modern synthetic evolution theory (Neo-Darwinism) is the current paradigm [Jablonka, 2017; Laland, 2014; Olson-Manning, 2012]. However, modern synthesis is insufficient to explain the complexity of molecular genetics, whole genome DNA sequence mutation analysis, and the phenotypic and rapid evolution observed in genetic variation. For example, phenotypic plasticity is a good example of physiological changes promoting adaptation, but most phenotypic plasticity is not related to genetic DNA sequence changes. Modern synthetic evolution theory centered around gene centrality cannot explain these phenomena well, which has sparked a debate on whether the current evolutionary paradigm needs to be re-evaluated.

Modern synthetic evolution theory holds that genetic variation centered around genes is the driving factor for phenotypic variation, and genetic variation is crucial for evolution, driving biological phenotypic variation and adaptation to the environment. However, genetic mutations typically require an epigenetic regulatory precursor, including DNA methylation or histone modifications. In recent years, the proposal of extended evolutionary synthesis (EES) has supplemented the concept of modern synthesis. EES regards epigenetic processes as an important role and extends the concept of classical genetics. EES accepts the view that epigenetics can also promote phenotypic variation, but lacks details on how the environment directly affects development and biological processes independent of classical genetics.

Environmental stress leads to the selection of new phenotypic traits, resulting in genetic changes, and environmental epigenetics provides relevant molecular mechanisms for this phenomenon. An increasing number of studies on mammalian species also support the role of environmental induced epigenetic transgenerational inheritance in adaptation and evolution. In recent decades, research on epigenetics has shown that the environment can promote epigenetic variation, thereby promoting natural selection and evolutionary processes. Epigenetics is stable and can independently influence evolution together with genetics. Therefore, like genetic changes, epigenetics can play an important role in short-term microevolution and contribute to the macroscopic evolutionary process of species formation and improved adaptability. Epigenetics is a very young discipline that requires further exploration. However, in any case, an increasing number of studies are indicating that environmental induced epigenetics can be inherited across generations, and epigenetics is an equally important molecular mechanism as genetics, which needs to be incorporated into a more unified evolutionary theory.

References

1. Baulcombe D. (2005) RNA silencing. *Trends in Biochem Sci.*, 290-3.
2. Beurton P.J. et al. (2008) *The Concept of the Gene in Development and Evolution: Historical and Epistemological Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Brigandt I. (2012) Reductionism in Biology. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/reduction-biology/> [Accessed 02/02/2024]
4. Bruning J.C. (2014) Regulation of metabolism by long, noncoding RNAs. *Front Genet*, 5, 57.
5. Bucher E. (2013) The return of Lamarck? *Frontiers in genetics*, 1-2.
6. Burbano H.A. (2006) Epigenetics and genetic determinism. *Historia Ciencias Saude-manguinhos*, 13, pp. 851-863.
7. Capitanini A. et al. (2021) Abitudini ed ereditarietà: la rivincita di Lamarck? *Giornale di Clinica Nefrologica e Dialisi*, 23, pp. 88-90.
8. Comfort N. (2018) Genetic determinism rides again. *Nature*, 561, pp. 461-463.
9. Constanca M. et al. (2004) Resourceful imprinting. *Nature*, 432, 53-7.

10. Cosgrove M.S., Wolberger C. (2005) How does the histone code work? *Biochem. Cell Biol.*, 83, 468-76.
11. Danchin É. et al. (2011) Beyond DNA: integrating inclusive inheritance into an extended theory of evolution. *Nat. Rev. Genet.*, 12, pp. 475-486.
12. Dawkins R. (1976) *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.
13. Dias B.G., Ressler K.J. (2014) Parental olfactory experience influences behavior and neural structure in subsequent generations. *Nat. Neurosci.*, 17, pp. 89-96.
14. Dickins T. (2012) The extended evolutionary synthesis and the role of soft inheritance in evolution. *Proceedings of the royal society b-biological sciences*, 279, pp. 2913-2921.
15. Dvies P. (2012) The epigenome and top-down Causation. *Interface Focus*, 2, pp. 42-48.
16. Filipowicz W. (2005) RNAi: the nuts and bolts of the RISC machine. *Cell*, 122, pp. 17-20.
17. Gadjev I. (2015) Nature and nurture: Lamarck's legacy. *Biological Journal of the Linnean Society*, 114, pp. 242-247.
18. Gissis S.B. (2011) *Transformations of Lamarckism. From Subtle Fluids to Molecular Biology*. Cambridge: MIT Press.
19. Gluckman P.D. et al. (2007) Non-genomic transgenerational inheritance of disease risk. *BioEssays*, 29, pp. 145-154.
20. Griffith J.S., Mahler H.R. (1969) DNA ticketing theory of memory. *Nature*, 223, 580-2.
21. Jablonka E. (2017) The evolutionary implications of epigenetic inheritance. *Interface Focus*, 7, 20160135.3.
22. Jae-Hyun Yang et al. (2023) Loss of epigenetic information as a cause of mammalian aging. *Cell*, 186, pp. 1-22.
23. Klironomos F.D. et al. (2013) How epigenetic mutations can affect genetic evolution: model and mechanism. *BioEssays*, 35, pp. 571-578.
24. Laland K. et al. (2014) Does evolutionary theory need a rethink? *Nature*, 514, 161-4.
25. Laudanum L. (1990) *Progress & Its Problemes*. Beijing: Huaxia Press.
26. Lerner R. et al. (2017) Reduction to Absurdity: Why Epigenetics Invalidates All Models Involving Genetic Reduction. *Human Development*, 60, pp. 107-123.
27. Lickliter R. et al. (2017) Towards A Truly Developmental Epigenetics. *Human Development*, 60, pp. 124-138.
28. Lock M. (2015) Comprehending the Body in the Era of the Epigenome. *Current Anthropology*, 56, 2.
29. Lock M. (2013) The epigenome and nature/nurture reunification: a challenge for anthropology. *Medical Anthropology*, 32, pp. 291-308.
30. Loison L. (2018) Lamarckism and epigenetic inheritance: a clarification. *Biology and Philosophy*, 33, pp. 1-17.
31. Lu Qiaoying (2021) Development, Gene and Information: Genetic Determinism in the Point View of Evolutionary Gene. *Studies in Dialectics of Nature*, 37 (05), pp. 86-91.
32. Nelson V.R. et al. (2012) Transgenerational epigenetic effects of Apobec1 deficiency on testicular germ cell tumor susceptibility and embryonic viability. *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*, 109, E2766-E2773.
33. Nelson V.R., Nadeau J.H. (2010) Transgenerational genetic effects. *Epigenomics*, 2, pp. 797-806.
34. Nelson V.R., Spiezio S.H., Nadeau J.H. (2010) Transgenerational genetic effects of the paternal Y chromosome on daughters' phenotypes. *Epigenomics*, 2, pp. 513-521.
35. Noble D. (2011a) Differential and integral views of genetics in computational systems biology. *Interface Focus*, 1, pp. 7-15.
36. Noble D. (2015) Evolution beyond neo-Darwinism: a new conceptual framework. *Journal of experimental biology*, 218, 1273.
37. Noble D. (2008) Genes and causation. *Philos. Trans. R. Soc.*, 366, pp. 3001-3015.
38. Noble D. (2011b) Neo-Darwinism, the modern synthesis and selfish genes: are they of use in physiology? *J. Physiol.*, 589, pp. 1007-1015.
39. Noble D. (2013) Physiology is rocking the foundations of evolutionary biology. *Exp. Physiol.*, 98, pp. 1235-1243.
40. Noble D. (2006) *The Music of Life*. Oxford: Oxford University Press.
41. Ohno S. et al. (1959) Formation of sex chromatin by a single X-chromosome in liver cells of *Rattus norvegicus*. *Exp. Cell Res.*, 18, pp. 415-418.
42. Olson-Manning C. et al. (2012) Adaptive evolution: evaluating empirical support for theoretical predictions. *Nat Rev Genet.*, 13, pp. 867-77.
43. Otsuka J. (2015) Using causal models to integrate proximate and ultimate causation. *University of California Davis*, 30, pp. 19-37.
44. Perovic S., Miquel P. (2011) On Gene's Action and Reciprocal Causation. *Foundations of Science*, 16, pp. 31-46.
45. Pigliucci M., Müller G.B. (2010) Elements of an extended evolutionary synthesis. In: *Evolution: The Extended Synthesis*. Cambridge: MIT Press.
46. Por F.D. (2006) The actuality of Lamarck: towards the bicentenary of his *Philosophie Zoologique*. *Integr Zool*, 1, pp. 48-52.
47. Rechavi O. et al. (2011) Transgenerational inheritance of an acquired small RNA-based antiviral response in *C. elegans*. *Cell*, 147, pp. 1248-1256.
48. Rosenberg A. (2008) *Darwinian reductionism: Or, how to stop worrying and love molecular biology*. Chicago: University of Chicago Press.
49. Rosenberg A. (2007) Reductionism in biology. In: *Philosophy of biology*. Amsterdam: Elsevier.

50. Rothi M. (2023) From correlation to causation: The new frontier of transgenerational epigenetic inheritance. *Bioessays*, 45, pp. 1-9.
51. Sontheimer E.J., Carthew R.W. (2005) Silence from within: endogenous siRNAs and miRNAs. *Cell*, 122, pp. 9-12.
52. Speijer D. (2019) Let's Stop the Sloppy Use of "Lamarckian". *Bioessay*, 41, 1800258.
53. Speijer D. (2019) We Should Not Use the Term "Lamarckian" as It Is Often Used in Opposition to "Darwinian". *Bioessay*, 41, 1900092.
54. Szyf M. (2014) Lamarck revisited: epigenetic inheritance of ancestral odor fear conditioning. *Nature Neuroscience*, 17, pp. 2-4.
55. Takahashi Y. et al. (2023) Transgenerational inheritance of acquired epigenetic signatures at CpG islands in mice. *Cell*, 186, pp. 715-731.
56. Tammen S. et al. (2013) Epigenetics: the link between nature and nurture. *Molecular Aspects of Medicine*, 34, pp. 753-764.
57. Tolwinski K. (2013) A new genetics or an epiphenomenon? Variations in the discourse of epigenetics researchers. *New Genetics and Society*, 32, pp. 366-384.
58. Veigl S. (2019) Seeing "Lamarckian" More Positively: The Use/Disuse Paradigm Increases Understanding. *Bioessays*, 41, 1900054.
59. Waggoner M. (2015) Epigenetic determinism in science and society. *New Genetics and Society*, 34, pp. 177-195.
60. Yan Wang et al. (2017) Lamarck rises from his grave: parental environment-induced epigenetic inheritance in model organisms and humans. *Biological Reviews*, 92, pp. 2084-2111.

Плюралистическое эпистемологическое исследование в области эпигенетики

Фэнли Юй

Профессор,
Хэйхэский университет;
соискатель,
Хэйлунцзянский университет,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин, ул. Сюефу, 74;
e-mail: 26699384@qq.com

Бэньсян Чжан

Профессор,
Хэйлунцзянский университет,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин, ул. Сюефу, 74;
e-mail: 26699384@qq.com

Аннотация

Эпигенетика – это механизм, с помощью которого биологические фенотипы сохраняются и передаются потомству посредством таких путей, как метилирование ДНК и конформационные изменения хроматина, в то время как последовательности ДНК остаются неизменными. За последние два десятилетия возникла эпигенетика, опрокинувшая традиционные генетические теории и вызвавшая широкую дискуссию в научных и философских сообществах. В этой статье будет рассмотрено понимание эпигенетики в онтологии, споры между дарвиновской и ламаркистской парадигмами, вызванные эпигенетикой, генетическим детерминизмом и редукционизмом в биологии, а также

необходимость дополнения или пересмотра парадигм теории эволюции, а также ответы на эти вопросы с точки зрения множественные перспективы. Исследования последних десятилетий в области эпигенетики показали, что окружающая среда может способствовать эпигенетической изменчивости, тем самым способствуя естественному отбору и эволюционным процессам. Эпигенетика стабильна и может независимо влиять на эволюцию вместе с генетикой. Следовательно, как и генетические изменения, эпигенетика может играть важную роль в краткосрочной микроэволюции и способствовать макроскопическому эволюционному процессу формирования видов и улучшению адаптивности. Эпигенетика – очень молодая дисциплина, требующая дальнейшего изучения. Однако в любом случае все большее число исследований указывает на то, что эпигенетика, вызванная окружающей средой, может передаваться по наследству из поколения в поколение, а эпигенетика является столь же важным молекулярным механизмом, как и генетика, который необходимо включить в более единую эволюционную теорию.

Для цитирования в научных исследованиях

Фэнли Юй, Бэньсян Чжан. A Pluralistic Epistemological Study on Epigenetics // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 36-50. DOI: 10.34670/AR.2024.85.14.002

Ключевые слова

Эпигенетика, онтология, дарвинистская парадигма, ламаркистская парадигма, генетический детерминизм, теория эволюции.

Библиография

1. Baulcome D. RNA silencing // *Trends in Biochem Sci.* 2005. 30. 290-3.
2. Beurton P.J. et al. The Concept of the Gene in Development and Evolution: Historical and Epistemological Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 377 p.
3. Brigandt I. Reductionism in Biology // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy.* 2012. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/reduction-biology/>
4. Bruning J.C. Regulation of metabolism by long, noncoding RNAs // *Front Genet.* 2014. 5. 57.
5. Bucher E. The return of Lamarck? // *Frontiers in genetics.* 2013. 1-2.
6. Burbano H.A. Epigenetics and genetic determinism // *Historia Ciencias Saude-manguinhos.* 2006. 13. P. 851-863.
7. Capitanini A. et al. Abitudini ed ereditarietà: la rivincita di Lamarck? // *Giornale di Clinica Nefrologica e Dialisi.* 2021. 23. P. 88-90.
8. Comfort N. Genetic determinism rides again // *Nature.* 2018. 561. P. 461-463.
9. Constanca M. et al. Resourceful imprinting // *Nature.* 2004. 432. 53-7.
10. Cosgrove M.S., Wolberger C. How does the histone code work? // *Biochem. Cell Biol.* 2005. 83. 468-76.
11. Danchin É. et al. Beyond DNA: integrating inclusive inheritance into an extended theory of evolution // *Nat. Rev. Genet.* 2011. 12. P. 475-486.
12. Dawkins R. *The Selfish Gene.* Oxford: Oxford University Press, 1976. 224 p.
13. Dias B.G., Ressler K.J. Parental olfactory experience influences behavior and neural structure in subsequent generations // *Nat. Neurosci.* 2014. 17. P. 89-96.
14. Dickins T. The extended evolutionary synthesis and the role of soft inheritance in evolution // *Proceedings of the royal society b-biological sciences.* 2012. 279. P. 2913-2921.
15. Dvies P. The epigenome and top-down Causation // *Interface Focus.* 2012. 2. P. 42-48.
16. Filipowicz W. RNAi: the nuts and bolts of the RISC machine // *Cell.* 2005. 122. P. 17-20.
17. Gadjev I. Nature and nurture: Lamarck's legacy // *Biological Journal of the Linnean Society.* 2015. 114. P. 242-247.
18. Gísis S.B. *Transformations of Lamarckism. From Subtle Fluids to Molecular Biology.* Cambridge: MIT Press, 2011. 474 p.
19. Gluckman P.D. et al. Non-genomic transgenerational inheritance of disease risk // *BioEssays.* 2007. 29. P. 145-154.
20. Griffith J.S., Mahler H.R. DNA ticketing theory of memory // *Nature.* 1969. 223. 580-2.

21. Jablonka E. The evolutionary implications of epigenetic inheritance // *Interface Focus*. 2017. 7. 20160135.3.
22. Jae-Hyun Yang et al. Loss of epigenetic information as a cause of mammalian aging // *Cell*. 2023. 186. P. 1-22.
23. Klironomos F.D. et al. How epigenetic mutations can affect genetic evolution: model and mechanism // *BioEssays*. 2013. 35. P. 571-578.
24. Laland K. et al. Does evolutionary theory need a rethink? // *Nature*. 2014. 514. 161-4.
25. Laudanum L. *Progress & Its Problems*. Beijing: Huaxia Press, 1990. 76 p.
26. Lerner R. et al. Reduction to Absurdity: Why Epigenetics Invalidates All Models Involving Genetic Reduction // *Human Development*. 2017. 60. P. 107-123.
27. Lickliter R. et al. Towards A Truly Developmental Epigenetics // *Human Development*. 2017. 60. P. 124-138.
28. Lock M. Comprehending the Body in the Era of the Epigenome // *Current Anthropology*. 2015. Vol. 56. № 2.
29. Lock M. The epigenome and nature/nurture reunification: a challenge for anthropology // *Medical Anthropology*. 2013. 32. P. 291-308.
30. Loison L. Lamarckism and epigenetic inheritance: a clarification // *Biology and Philosophy*. 2018. 33. P. 1-17.
31. Lu Qiaoying. Development, Gene and Information: Genetic Determinism in the Point View of Evolutionary Gene // *Studies in Dialectics of Nature*. 2021. 37 (05). P. 86-91.
32. Nelson V.R. et al. Transgenerational epigenetic effects of Apobec1 deficiency on testicular germ cell tumor susceptibility and embryonic viability // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2012. 109. E2766-E2773.
33. Nelson V.R., Nadeau J.H. Transgenerational genetic effects // *Epigenomics*. 2010. 2. P. 797-806.
34. Nelson V.R., Spiezio S.H., Nadeau J.H. Transgenerational genetic effects of the paternal Y chromosome on daughters' phenotypes // *Epigenomics*. 2010. 2. P. 513-521.
35. Noble D. Differential and integral views of genetics in computational systems biology // *Interface Focus*. 2011a. 1. P. 7-15.
36. Noble D. Evolution beyond neo-Darwinism: a new conceptual framework // *Journal of experimental biology*. 2015. 218. 1273.
37. Noble D. Genes and causation // *Philos. Trans. R. Soc.* 2008. 366. P. 3001-3015.
38. Noble D. Neo-Darwinism, the modern synthesis and selfish genes: are they of use in physiology? // *J. Physiol*. 2011b. 589. P. 1007-1015.
39. Noble D. Physiology is rocking the foundations of evolutionary biology // *Exp. Physiol*. 2013. 98. P. 1235-1243.
40. Noble D. *The Music of Life*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 176 p.
41. Ohno S. et al. Formation of sex chromatin by a single X-chromosome in liver cells of *Rattus norvegicus* // *Exp. Cell Res.* 1959. 18. P. 415-418.
42. Olson-Manning C. et al. Adaptive evolution: evaluating empirical support for theoretical predictions // *Nat Rev Genet*. 2012. 13. P. 867-77.
43. Otsuka J. Using causal models to integrate proximate and ultimate causation // *University of California Davis*. 2015. 30. P. 19-37.
44. Perovic S., Miquel P. On Gene's Action and Reciprocal Causation // *Foundations of Science*. 2011. 16. P. 31-46.
45. Pigliucci M., Müller G.B. *Elements of an extended evolutionary synthesis* // *Evolution: The Extended Synthesis*. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 3-17.
46. Por F.D. The actuality of Lamarck: towards the bicentenary of his *Philosophie Zoologique* // *Integr Zool*. 2006. 1. P. 48-52.
47. Rechavi O. et al. Transgenerational inheritance of an acquired small RNA-based antiviral response in *C. elegans* // *Cell*. 2011. 147. P. 1248-1256.
48. Rosenberg A. *Darwinian reductionism: Or, how to stop worrying and love molecular biology*. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 1-55.
49. Rosenberg A. *Reductionism in biology* // *Philosophy of biology*. Amsterdam: Elsevier, 2007. 638 p.
50. Rothi M. From correlation to causation: The new frontier of transgenerational epigenetic inheritance // *Bioessays*. 2023. 45. P. 1-9.
51. Sontheimer E.J., Carthew R.W. Silence from within: endogenous siRNAs and miRNAs // *Cell*. 2005. 122. P. 9-12.
52. Speijer D. Let's Stop the Sloppy Use of "Lamarckian" // *Bioessay*. 2019. 41. 1800258.
53. Speijer D. We Should Not Use the Term "Lamarckian" as It Is Often Used in Opposition to "Darwinian" // *Bioessay*. 2019. 41. 1900092.
54. Szyf M. Lamarck revisited: epigenetic inheritance of ancestral odor fear conditioning // *Nature Neuroscience*. 2014. 17. P. 2-4.
55. Takahashi Y. et al. Transgenerational inheritance of acquired epigenetic signatures at CpG islands in mice // *Cell*. 2023. 186. P. 715-731.
56. Tammen S. et al. Epigenetics: the link between nature and nurture // *Molecular Aspects of Medicine*. 2013. 34. P. 753-764.
57. Tolwinskia K. A new genetics or an epiphenomenon? Variations in the discourse of epigenetics researchers // *New Genetics and Society*. 2013. 32. P. 366-384.

58. Veigl S. Seeing “Lamarckian” More Positively: The Use/Disuse Paradigm Increases Understanding // *Bioessays*. 2019. 41. 1900054.
59. Waggoner M. Epigenetic determinism in science and society // *New Genetics and Society*. 2015. 34. P. 177-195.
60. Yan Wang et al. Lamarck rises from his grave: parental environment-induced epigenetic inheritance in model organisms and humans // *Biological Reviews*. 2017. 92. P. 2084-2111.

УДК 116/93/397

DOI: 10.34670/AR.2024.65.23.002

Развитие как идея и явление в истории и доистории**Шипилов Андрей Васильевич**

Доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры философии, экономики
и социально-гуманитарных дисциплин,
Воронежский государственный педагогический университет,
394043, Российская Федерация, Воронеж, ул. Ленина, 86;
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена развитию как явлению и идее в период письменной истории и в эпоху дописьменной доистории. Автор обращает внимание на то, что общественное развитие в его современном понимании стало очевидным фактом и отрефлексированным понятием только в Западной Европе не ранее XVIII века, причем это во многом явилось исторической случайностью. Самоподдерживающийся рост выступает не нормой, а исключением, о чем свидетельствуют данные экономической, демографической и социальной истории. Проанализированные материалы по истории Средних веков, Античности, Древнего Востока и эпохе первобытного общества говорят о том, что развитие как феномен и концепция редко встречалось в период письменной истории и практически отсутствовало в течение дописьменной доистории. В этом отношении постмодерн уподобляется премодерну, так как фиксируемое замедление темпов экономического и демографического роста может свидетельствовать о выходе на плато и приближении к гомеостазу. В связи с этим представляется своевременным вновь проблематизировать и проанализировать развитие как категорию, цель и ценность. В контексте все шире распространяющейся «зеленой повестки» дальнейшие перспективы общественного в широком смысле развития выглядят проблематичными. В этой связи представляется, что следует помыслить развитие как проблему, дабы понять, что за проблемы с развитием имеют место, и тогда, возможно, последние перестанут быть таковыми.

Для цитирования в научных исследованиях

Шипилов А.В. Развитие как идея и явление в истории и доистории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 51-64. DOI: 10.34670/AR.2024.65.23.002

Ключевые слова

Феномен развития, идея развития, Западная Европа, Новое время, Средние века, Античность, Древний Восток, первобытное общество.

Введение

В преподавательской работе есть свои плюсы, и один из них – возможность в любой момент провести блиц-опрос, получив более-менее релевантные ответы. Так вот, сколько я не задаю студентам разных курсов и факультетов вопросы: нужно ли развиваться? и можно ли не развиваться? – они неизменно утверждают необходимость первого и недопустимость второго. Когда я спрашиваю, перефразируя Карнеги, как перестать развиваться и начать жить, или рассказываю, что, например, в античности никто и не думал развиваться, или доказываю, что развивающийся по самому факту своего состояния неразвит и/или недоразвит, это воспринимается как забавный парадокс. На самом деле задача этой интеллектуальной провокации в том, чтобы очужить понятие «развитие» с тем, чтобы лучше его понять, а также освежить взгляд на картину происходящего с денотатом.

Как говорится, для человека с молотком все выглядит как гвоздь; равно для человека, воспринимающим реальность через призму «развития», все выглядит развивающимся – или неразвивающимся, развивающимся недостаточно быстро, стагнирующим, а то и регрессирующим в диапазоне от «застоя» до «упадка». Я не намекаю, что один фетиш надо заменить другим, уподобиться старообрядцам, амишам или харедим и вместо полетов в космос водить хороводы. Перестать фетишизировать развитие – это не начать фетишизировать традицию; речь о том, что неплохо бы попробовать остранить понятие, выйти из девелопментаристской парадигмы, обратить «развитие» из способа жизни в предмет мысли. Для этого необходимо приложить определенное усилие, ибо тотальность метафоры развития такова, что сегодня «быть» – это «развиваться», а если не развиваться, то и быть не стоит. Да и не может, ибо отсутствие или низкий темп развития понимается не иначе как деградация на пути к аннигиляции; но так ли это? Является ли развитие *conditio sine qua non*?

Развитие как исключение: случай Западной Европы

Нет, не так; нет, не является. Развитие (увеличение, усложнение, улучшение, направленное, необходимое и необратимое, имманентное, объективное и закономерное и т.д. и т.п.) в качестве реалии и универсалии во всемирно-историческом масштабе фиксировалось как феномен и рефлексировалось как категория не всегда и не везде. Наоборот, оно почти нигде и никогда не наблюдалось и не осмыслялось по причине собственного отсутствия – без этого понятия и почти без этого явления человечество провело более 9/10 своего существования. Только с XVII – XVIII веков в жизни и мысли ряда западноевропейских регионов и стран социальное, экономическое, политическое, культурное и пр. развитие становится различимым как явление и обсуждаемым как понятие, а уже в следующем столетии начинает восприниматься как ценность и рассматриваться как цель. От Тюрго и Кондорсе до Гегеля и Спенсера интерес к развитию нарастает, пока к XX веку эта идея ни пронизывает и пропитывает собой все области знания, что понятным образом коррелирует с фактическим научно-техническим прогрессом, находит отражение в программах и воплощение в действиях реформистских и революционных партий и движений.

По замечанию П.А. Сорокина, концепции линейного эволюционного прогрессивного стадийного развития стали в это время доминирующими и в естественных, и особенно в неестественных науках: «Социологи, историки, экономисты, политологи и даже теологи XVIII-XX вв. с завидным упорством сочиняли целыми дюжинами свои теории прогресса “от

пещерного жителя, обезьяны или даже амебы до современного человека”, рассматривая ход человеческой истории как безоговорочный прогресс от невежества к знанию, от инстинкта – к разуму, от хаоса – к порядку, от нищеты – к уровню жизни, обеспечивающему “три автомобиля на каждую семью”, от фетишизма – к монотеизму, от промискуитета (неупорядоченных половых связей) – к моногамии (или наоборот – смотря что предпочитает автор), от деспотизма – к свободе, от *Gemeinschaft* – к *Gesellschaft*, от “солидарности механической – к органической”, от религии закрытого типа – к религии более открытой, от неравенства – к равенству и т.д. и т.п.); вообще, «понятие Становления – изменения, процесса, эволюции, течения, трансформации, мутации, революции – превратилось в фундаментальную категорию человеческого мышления, своеобразную линзу, через которую западное общество все больше и больше смотрело на реальность» [Сорокин, 2006, 399, 484]. Российско-американский социолог объяснял эту эволюцию к эволюции в рамках своей теории повторяющихся циклов идеациональной, рациональной и сенситивной суперсистем; данное объяснение сколь каузально, столь и телеологично, а главное, в нашем случае концептуально избыточно, поэтому обратимся к представленным в литературе экспликативным конструкциям несколько более конкретным.

На данный момент путь от парадокса к трюизму проделывает идея того рода, что устойчивое развитие на базе технического прогресса и самоподдерживающегося экономического роста суть не норма, а девиация, историческая случайность, явившаяся результатом взаимодействия комплекса разнообразных факторов, сложившегося в Англии и ряде других западноевропейских стран и регионов к середине XVIII столетия, после чего в 1760-1780-х гг. началась промышленная революция и все, что за ней последовало. Следует отметить, что Англия и Нидерланды двинулись вперед с фактически той же самой отметки, к которой в свое время подходили эллинистический Египет, позднереспубликанский-раннеимперский Рим, Китай в XIV в. и сама Западная Европа в XV вв. [Бродель, 1992, 582; Хобсбаум, 1999, 45; Мокир, 2012, 353; Щербак, 2023, 6-10, 24, 36]. Все последние достигали того уровня, на котором становились возможными индустриализация и модернизация, но останавливались на месте, а в дальнейшем начинали двигаться вспять. Открытия и изобретения происходили, новые механизмы и технологии внедрялись, в некоторой мере какое-то время использовались, но затем неуклонно выходили из употребления и забывались, прогресс сменялся регрессом, рост – упадком. Это нормально, и нет ничего удивительного в том, что, например, западноевропейцы в XV в. уменьшились числом, больше трудились и меньше потребляли по сравнению с XIII в., а китайцы в 1930-х гг. имели уровень жизни ниже, чем в 1750-х [Померанц, 2017, 256]. Ненормально другое – почему этого не случилось с европейцами где-нибудь в середине XIX века по сравнению с серединой предшествующего, ибо до индустриальной революции в мировой экономике бесперебойно действовал механизм отрицательной обратной связи, когда короткие периоды роста сменялись долгими периодами стагнации и/или упадка. Как указывает Дж. Мокир, «из теории саморегулирующихся систем следует, что им свойственна тенденция к стабильности и что технический прогресс поэтому в принципе представляет собой отклонение от нормы» [Мокир, 2012, 354]; «История дает нам относительно мало примеров технически прогрессивных обществ. Наш собственный мир представляет в этом плане хотя и не единственное, но все же исключение. По большому счету, силы, противодействовавшие техническому прогрессу, обычно брали верх над силами, желавшими изменений. Поэтому исследование технического прогресса – это исследование исключений, тех случаев, когда в результате редкого стечения обстоятельств нарушалась нормальная тенденция обществ к

сползанию в застои и равновесие. Беспрецедентным процветанием, доступным в наши дни для значительной доли человечества, мы в гораздо большей степени обязаны случайным факторам, чем обычно думают» [Мокир, 2014, 38].

О каких исключениях и случайностях идет речь? Имеется в виду прежде всего ряд экологических, географических и демографических условий, позволивших Англии и некоторым другим западноевропейским странам получить фору. Например, при переходе индустрии с древесного на каменный уголь залежи последнего в Англии оказались расположены поблизости от промышленных центров. Сыграли свою роль так же институциональные и политические факторы. Открытие Нового света и захват колоний дали возможность западноевропейцам получить доступ к важным минеральным и аграрным ресурсам в то время, когда Китай перешел на серебряное денежное обращение, а почвы и леса Европы оказались на грани истощения. Европейская государственно-политическая раздробленность оказалась благоприятной для поддержания рынка идей и стимулировала технологическую креативность, так как прожектеры и изобретатели, не находя поддержки у одного суверена, могли мигрировать и искать ее у десятков и даже сотен других. Сочетание этих и прочих внутренних и внешних факторов позволило Западной Европе не только произвести промышленную революцию, но и поддерживать ее темпы в долговременном масштабе, что инициировало самообеспечивающийся рост, сделав социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие фактом жизни и предметом мысли [Даймонд, 2009, 524-526; Мокир, 2012, 48; Померанц, 2017, 77-78, 135-136]. Понятно, что так было не везде и не всегда; скорее, почти везде и практически всегда было иначе, доказательством чему служит как пятитысячелетняя аграрно-классовая и государственно-письменная история, так и куда более продолжительная присваивающе-бесклассовая, апологетическая-синполитическая и бесписьменно-мифологическая доистория Европы и остального мира.

Развитие в истории

Действительно, если взглянуть на Средневековье, то это пример общества, которое никак не могло выбраться из мальтузианской ловушки: площади вырубок и распахов увеличивались вместе с численностью населения до тех пор, пока последнему переставало хватать первых, за чем следовал кризис, упадок и начало нового цикла. Такому типу «развития» соответствовало отношение к его понятию и, более того, к понятиям времени, изменения, истории и т.п. Хотя христианская модель времени линейна и исторична, в профанном здесь всегда просвечивает сакральное, циклизм находит для себя разнообразные ниши, а сама история понимается не как развитие, а как развертывание. По замечанию С.С. Аверинцева, библейский мир есть не пространственный «космос», а временной «олам», где мир предстает как история. Однако творец этого мира в качестве Сущего находится в чистом настоящем и свободен от прошлого и будущего, также и его ангелы пребывают вне времени и изменения, не говоря уже о развитии [Аверинцев, 2004, 45, 53, 94]. «Средние века обладали смутным чувством времени, – пишет П.А. Сорокин. – В литературе средних веков прошлое, настоящее и будущее были безнадежно перепутаны, никакая подлинная история, никакое удачное развитие истории не предполагались и не могли случиться»; дело в том, что для этерналистского средневекового сознания «эмпирическое время как система измерения, позволяющая отделять одно эмпирическое событие от другого, совершенно излишня, поскольку излишни и сами эти события» [Сорокин, 2006, 399-400]. «Чувство историзма было пробуждено христианством, – отмечает А.Ф. Лосев. –

Но даже Средневековье в этом смысле все еще слишком неподвижно – не физически неподвижно, а по своей сути, по своему смысловому содержанию. История тут – печальная необходимость; средневековая идеология много бы дала за то, чтобы не было никакой истории» [Лосев, 2000f, 72]. По словам Ж. Ле Гоффа, «средневековые христианские мыслители пытались изо всех сил остановить историю, завершить ее» [Ле Гофф, 1992, 163]. Всякое изменение было не к добру, новшества как технические, так и интеллектуальные считались грехом, изобретения осуждались, в то время как все традиционное, старое, древнее имело неоспоримый приоритет над новым и инновационным: «*“Antiquitas”* – синоним таких понятий, как *“auctoritas”* (авторитет), *“gravitas”* (достоинство), *“majestas”* (величие)» [Гуревич, 1972, 113]. Собственно, о каком развитии могла идти речь, если средневековый (по крайней мере, древнерусский) человек называл прошлые события «передними», а будущее – «задними»? [Лихачев, 1979, 215, 253-254]. Имея прошлое впереди, а будущее сзади, развиваться проблематично.

Не спешили развиваться и цивилизации античности. Как указывает А.Н. Щербак, «античные общества мало ориентировались на идеи прогресса и развития. Преобладал ориентир на “старое доброе” прошлое, традицию, власть авторитетов. <...> Такие общества редко стремятся к поиску нового, поощряя первопроходцев и изобретателей; они скорее ценят сохранение статус-кво» [Щербак, 2023, 33]. Как греки, так и римляне «были не заинтересованы в замене машинами мышечной силы животных или людей» и вообще, «не ценили технологические изобретения, как их ценим мы, они также не спешили к практической адаптации результатов научных открытий, как делаем мы» [Манн, 2018, 415, 417]. Античное общество не отличалось выраженной технологической креативностью, а если александрийские или римские инженеры все же что-то изобретали (рычаг, болт, винт, шестерню, шкив, насос и т.п. вплоть до водяной мельницы, жатвенной машины и паровой турбины), то эти изобретения находили себе лишь минимальное применение. Было ли причиной тому рабовладение, ограниченные возможности сбыта товаров массового производства или несовершенство политических институтов, экстенсивные технологии в античности предпочитались интенсивным, инновации не находили спроса ни у рынка, ни у государства, а за неизменно устанавливающейся в определенные моменты и эпохи технологической стагнацией следовала экономическая, политическая, социальная и культурная [Бернал, 1956, 130-137; Бродель, 1992, 559-560; Боннар, 1994, 347-348; Мокир, 2014, 58; Манн, 2018, 414].

Соответственно этому античная философия рассматривала мир под углом идеи вечного возвращения: у Эмпедокла и Гераклита, стоиков и неоплатоников все течет, все меняется, – и все возвращается на круги своя [Лосев, 1977, 11, 19, 198; Лосев, 2000а, 832]. Античный космос, словами А.Ф. Лосева, «вращается сам в себе и никуда не стремится» [Лосев, 2000b, 286]; «Он абсолютно непрогрессивен; и какие бы изменения в нем ни происходили, он в последнем счете является всегда одним и тем же, не только ограниченным в пространстве, но и во времени совершенно не допускающим никакого прогресса. Он принципиально аисторичен» [Лосев, 2000с, 389]. Состояния мира меняются, но каждое из них довлеет себе, вполне самодостаточно, и в их последовательности нет никакой направленности, не говоря уже о цели [Лосев, 2000d, 924; Лосев, 2000f, 72]. От будущего здесь ждут возвращения прошлого, и всякое творчество понимается не как создание качественно нового, а как воспроизведение субстанциально неизменного – бывшего или наличного, но в принципе вечного. Отсюда и выраженная «антиисторическая тенденция греческой мысли»: как отмечает Р.Дж. Коллингвуд, «древнегреческая мысль в целом имела весьма определенную, доминирующую тенденцию, не

только не созвучную росту исторического сознания, но, можно сказать, фактически основывающуюся на резко антиисторической метафизике. История – наука о человеческих действиях: историк изучает поступки, совершенные людьми в прошлом. Но они принадлежат к меняющемуся миру, миру, где вещи возникают и прекращают свое существование. Такие вещи, согласно господствующему взгляду греческой метафизики, должны были быть непознаваемыми; но тем самым история становилась невозможной» [Коллингвуд, 1980, 22]. Идея развития, в том числе подлинного технического, социального, культурного прогресса, в античности не то чтобы отсутствовала вовсе – ее можно встретить у целого ряда мыслителей от Гесиода до Сенеки [Нисбет, 2020, 47-96]. Особенно подробно она была разработана у Демокрита и Лукреция, но даже у последнего картина восходящего развития в прошлом сменяется описанием текущего настоящего как времени упадка, в будущем за которым неизбежно должна воследовать общечеловеческая и общемировая катастрофа [Лосев, 2000е, 338-352]. Развитие минимизировано не только как идея в философской литературе, но и как форма в литературе художественной: по характеристике О.М. Фрейденберг, античная наррация атемпоральна или презентна, настоящее время доминирует над остальными, рассказы на деле являются показами, процессы – картинами, отсутствует дискурсия, нет развития: «действие в древней комедии не развивается, это ясно»; «в трагедии отсутствует действие, отсутствует и какое-либо движение сюжета»; в мелической поэзии «каждая последующая мысль не развивает предыдущей... нет движения или поступательности. Мысль стоит на месте. Сюжета нет, так как нет времени и причинности: нечему развиваться» [Фрейденберг, 1998, 229, 371, 373, 463, 466].

Древневосточным цивилизациям развитие тоже фактически не присуще ни как феномен, ни как концепт. От Египта до Хараппы единожды достигнутые формы и образцы в дальнейшем не менялись веками и тысячелетиями; единообразие и стагнация, исключение изменений и новшеств поддерживались осознанно и упорно. Мир первоначального творения рассматривался как совершенный, любое его изменение понималось как ухудшение и потому все с ним связанное изо всех сил стремились сохранить и/или воспроизвести вновь [Элиаде, 2001, 83-84, 119]. Любые новации принимались, если вообще принимались, только в качестве точного воспроизведения древнего оригинала/архетипа, всякое историческое событие рассматривалось как повторение мифологического прототипа, в настоящем актуализировалось прошлое. Причинно-следственные отношения были персонализированы, наделены сознанием и волей, что, понятно, исключало понимание развития как имманентного / объективного / закономерного / направленного/необратимого процесса [Антонова, 1984, 35, 189; Вейнберг, 1986, 47; Элиаде, 1998, 22, 38-39, 54-56]. В шумерском и аккадском языках, как и во многих других, прошлое обозначалось как «переднее», а будущее понималось как находящееся за спиной; смотря вперед, шумер или вавилонянин видел прошлое (мифологический прообраз), а чтобы взглянуть в будущее (весьма специфическое – понимаемое как еще не наступившее прошлое), требовалось обернуться назад. С такой пространственно-временной ориентацией целенаправленно развиваться, рефлексирова само понятие экономического, социального, исторического развития, едва ли возможно [Клочков, 1983, 28-30; Антонова, 1984, 194; Вейнберг, 1986, 70]. Говорят, что история родилась в Шумере (именно здесь была изобретена письменность, что позволило вынести сакральный текст из обряда, канонизировать его, так что, перестав изменяться, он потребовал интерпретации; в силу этого письменность позволила разделить и противопоставить старое и новое, прошлое и настоящее и тем самым обеспечила возможность истории, понимаемой не как сама последовательность событий, а как каузальный способ ее мыслить [Ассман, 2004, 100-109; Шипилов, 2022, 201]). Однако шумеры, даже если это были первые

люди, начавшие жить в истории, вовсе не понимали ее как процесс развития: «Ни один из шумерских авторов не представлял себе историю так, как мы ее понимаем сегодня, то есть как определенную последовательность событий, которые определяются общими закономерностями, – указывает С. Крамер. – Связанные узкими рамками своего мировоззрения, шумеры рассматривали исторические явления как нечто вполне законченное и готовое, а не как следствие развивающихся взаимоотношений человека с окружающей средой» [Крамер, 1965, 47]. Согласно Р. Дж. Коллингвуду, «древние шумеры не оставили после себя вообще ничего, что мы могли бы назвать историей. <...> Они не имели истории. История не существовала» [Коллингвуд, 1980, 15-16]. И если так обстояло дело даже в письменной истории, то как оно было до начала того и другого, – в дописьменной доистории?

Развитие в доистории

Типологически мифологическому мышлению условно и собственно первобытных народов идея развития строго противопоказана. Оно унитивно, аддитивно, суммативно, а главное – антикаузально, тогда как без причинно-следственного понимания событийности представить ее развитием невозможно. В нем не только все во всем, но и все есть все – например, бог, жрец, приноситель жертвы и сама жертва суть одно и то же существо, которое «является и приносящим, и принимающим жертву, и жрецом, и самой жертвой» [Лосев, 1957, 12-13, 150]. Мифологическое мышление отождествляет образ и предмет, субъективное и объективное, внутреннее и внешнее, часть и целое, «иначе говоря, миф приписывает каждой вещи свойства всех других вещей» [Кессиди, 2003, 48]. Земля и небо, лицо и орудие, жизнь и смерть здесь по сути не отличаются друг от друга [Леви-Брюль, 1937, 128, 172; Лосев, 1957, 54, 212, 289]. Равно могут не различаться прошлое и будущее – по крайней мере, в некоторых примитивных языках одно и то же слово обозначает и «вчера», и «завтра», а время делится на «сейчас» и «не-сейчас» (понятно, что такая темпоральность исключает идею развития) [Кассирер, 2002а, 152-153].

Изнанкой консубстанциональности является паратактивность: подобно детскому, первобытное/пралогическое мышление не индуктивно и не дедуктивно, а трансдуктивно, в нем все и связано и не связано друг с другом – «здесь налицо два частных случая закона, в силу которого каждый недостаток в синтезе влечет за собой одновременно и синкретизм, и соположение» [Пиаже, 1994, 237]. Мир первобытного человека и сам он в этом мире есть не системы, а суммы, где все единицы соединены по принципу соположения/соподчинения, как в детской речи и примитивных языках (если «у ребенка есть тенденция попросту сопологать утверждения, вместо того чтобы выявлять причинные связи» [Пиаже, 1994, 235], то в языках первобытных народов «сложные мысленные связи каузального или телеологического характера – связи причины и следствия, условия и обусловленного, цели и средства – очень часто передаются с помощью простой координации» [Кассирер, 2002а, 251]). В архаическом мире царит подлинная антииерархия: и в вербальных, и в визуальных жанрах господствуют списки и суммы, что бы ни изображалось, тела представляют собой совокупности членов, процессы – перечни событий, все дробно и дискретно. Словами П. Фейерабенда, «мы имеем здесь дело с механическим конгломератом: всем элементам такого конгломерата придано равное значение, единственное отношение между ними – отношение последовательности; не существует никакой иерархии, ни одна часть не подчинена другим и не детерминирована ими» [Фейерабэнд, 2007, 238]. Предметы и явления не составляют целого, для этнографических «туземцев» природа суть «конгломерат отдельных единиц, одна от другой независимых», и отражение этого

конгломерата в общественном/общинном сознании тоже конгломеративно: «Знания не приводятся здесь в систему подчиненных друг другу понятий. Они просто располагаются рядом, без всякого порядка. Они образуют своего рода скопление или груды» [Леви-Брюль, 1937, 17, 261].

Каким образом связаны/не связаны между собой вещи, таким же образом связаны/не связаны между собой события, и в первую очередь это касается связей причинно-следственных. «В то время как мыслительная форма эмпирической каузальности направлена на то, чтобы установить однозначное отношение между определенными “причинами” и определенными “воздействиями”, для мифологического мышления и там, где оно ставит вопрос о происхождении как таковом, сами “причины” еще являются предметом совершенно свободного выбора, – отмечает Э. Кассирер. – Здесь еще все может стать всем, потому что все может соприкоснуться со всем в пространстве и времени. Поэтому там, где эмпирически-каузальное мышление говорит об “изменении” и пытается понять его, исходя из некоторого общего правила, мифологическое мышление знает разве что простую метаморфозу» [Кассирер, 2002b, 60]. Антикаузальность мифологического сознания заключается в том, что вместо подчинения события связываются сочинением, аддитивно и паратактивно соплагаются друг с другом, так что о причинности здесь можно говорить лишь условно. Формально-логическая каузальность с выведением из причины следствия первобытному мышлению была незнакома, – подчеркивает О.М. Фрейденберг: «Причина одного явления лежала для него в явлении смежном. Так получалась цепь причин и следствий в виде круга, замкнутой линии, где каждый член ряда был и причиной, и следствием. Такая причинность вызывала представление об окружающем как о сменяющейся неизменности: для первобытного человека все, что существует, казалось статичным...» [Фрейденберг, 1998, 24]. Нельзя не согласиться с Ф. Кессиди, указывающим, что «мифологическое и причинное понимание явлений мира существенно отличаются друг от друга, и это отличие носит не количественный, а качественный характер» [Кессиди, 2003, 45]; данное качественное отличие не в последнюю очередь заключается в том, что идея развития для мифологического сознания непредставима.

Чтобы развиваться, для начала нужно просто быть – точнее, не просто быть, а быть собой. Понятие развития предполагает наличие самотождественной сущности с меняющимися во времени свойствами, но в мифологическом/пралогическом мышлении сущности мало того, что разтождествлены, так еще и не отличаются от свойств. В этом мире нет не то что «фундаментальной субстанции» [Фейерабенд, 2007, 253], но и какой бы то ни было. В мифологическом мышлении «нет ядра и скорлупы, нет вещи-субстанции, лежащей в качестве чего-то постоянного и неподвижного в основе изменчивых и текучих явлений как чего-то “случайного”» [Кассирер, 2002c, 62]. Чему или кому, собственно, развиваться, если все постоянно метаморфирует друг в друга и, более того, друг другом и является? В процессе изменения, как он понимается в мышлении логическом, не вещи переходят друг в друга, а меняются их свойства, но «так как первобытный человек плохо различает субстанцию вещи и ее свойства, а свойства вещи всегда меняются и переходят одно в другое, то и субстанции вещей для такого мышления тоже всегда способны переходить одна в другую. Другими словами, здесь признается всеобщее оборотничество, всеобщая способность любой вещи переходить в любую другую вещь» [Лосев, 2000c, 419]; тотальное взаимопревращение в этом плане не допускает развития.

Если рассматривать миф как проекцию социального на природное, то специфику этого мышления можно попробовать объяснить флексибельностью обществ и дивидуальностью

личностей, характеризующих фуражеров – неспециализированных охотников / рыболовов / собирателей, чей хозяйственно-культурный тип был господствующим до неолитической революции и тем самым определившим собой большую часть истории человечества. Для фуражерских bands характерна текучесть, отсутствие стабильного состава: они не только сезонно дисперсны, но и синхронно слитны, так как отдельные лица и семьи постоянно переходят из одной группы в другую, не имеющих тем самым постоянных персональных контингентов. Фуражерские группы тасуемы и нефиксируемы, а потому в высокой степени генетически разнородны; собственно говоря, это не столько локально-автономные группы, сколько узлы единой социальной сети. Составляющие эти общности индивиды, в свою очередь, лишены единичности и единственности, их сущность/самость пропитана самостями соплеменников/современников и предков/потомков, они синхронно и диахронно отождествляются с родом и тотемом. В то же время в соответствии с принципом метаконтраста если примитивный индивид минимально отличен/отделен от социальной среды, то он максимально отличен/отделен от самого себя. На деле он не индивид, а дивид, так как его сущность выражается в имени и душе, а имен и душ у него много (два-три и более первых и до шести, восьми и даже семнадцати последних). Собственно, это не сущность/субстанция, а сборка, плюральная множественность сравнительно автономных элементов, некоторые из которых временно или постоянно локализируются вне тела. Если личность отождествляется с именем, а последних несколько, то это не одна личность/идентичность, а несколько. То же самое с душой: если этих типологически-функционально различающихся душ много, то это не субстанция, а сумма, и разно-/многодушный человек суть не столько он сам, сколько несколько этих самостей [Шипилов, 2022, 148-164].

Так обстоит дело не только одновременно, но и разновременно, не только в статике, но и в динамике. Невозможно развиваться тому, кто синхронно плюрален и диахронно дискретен и для кого нельзя ни родиться, ни умереть, ни жить – собой. Примитив/архаик по смерти не аннигилирует, а переходит в иную модальность бытия; рождение чаще всего означает перерождение, так что не он появляется на свет, а реинкарнирует какой-либо из его родственников/предков; несколько дней, месяцев или лет после рождения младенца/ребенка не считают человеком и он числится по категории вещей; приобретая имя, он таки становится человеком, – но, скорее, недочеловеком, так как санкцию на его признание первым дает лишь прохождение инициации, а последняя повсеместно мыслится как смерть и новое рождение, обычно с приобретением нового имени/души/сущности [Пропп, 1946, 44-45, 121; Леви-Строс, 1994, 322; Элиаде, 2010, 85, 107; Дюркгейм, 2018, 84, 417-418]. Так что личность здесь столь же неопределима, как и общество, потому и развиваться некому и нечему.

Да и незачем: судя по наблюдениям этнологов, примитивные группы/племена/народы не испытывают никакого стремления к улучшению своей жизни и не хотят ни то что развиваться, а и просто изменяться, так как образцом для них является установленное реальными и/или мифологическими предками. Их «упрямая верность прошлому», как пишет К. Леви-Стросс, «удостоверяется во всем мире неустанно повторяемым оправданием – каждой техники, каждого правила, обычая, – посредством единственного аргумента: предки нас этому научили» [Леви-Стросс, 1994, 299]. Вот пара примеров: «Члены племени кай (Новая Гвинея) отказывались как-либо менять свой образ жизни и особенности своей трудовой деятельности и, объясняя это, говорили: “Так поступали немусы (мифические предки), и мы делаем так же”» [Элиаде, 2010, 17]; для фиджийцев «высшим правилом является делать то, что делали предки, и делать только то, что делали они», поэтому признавая превосходство европейского образца жилищ, лодок,

одежды и пр. над собственными, они все равно довольствуются последними: «Они выражают свое одобрение, но не прилагают никакого усилия для прогресса. Они хвалят наши приемы действовать, которые лучше, чем их, однако продолжают придерживаться своих» [Леви-Брюль, 2002, 328]. «У нас, в индустриальной культуре, успех хотя бы частично приравнивается к постоянному прогрессу орудий и техники, – отмечает Д.Л. Эверетт, проживший много лет среди южноамериканских индейцев племени пираха. – Но у пираха такого прогресса нет, и они его не хотят» [Эверетт, 2016, 94].

С подобным отношением к развитию как явлению становится понятным положение с развитием как представлением. Культурные объекты считаются не созданными и/или усовершенствованными человеком, а дарованными ему в готовом и далее неизменяемом виде [Кассирер, 2002b, 211]. Например, тробрианцев Б. Малиновский описывает так: «У туземцев нет понятия о том, что можно было бы назвать эволюцией мира или эволюцией общества. <...> Хотя туземцы и говорят о тех временах, когда человечества еще не было на земле, о временах, когда еще не было огородов и т.д., – однако все это появилось уже готовым: оно не изменяется и не эволюционирует. Первые люди, которые вышли из-под земли, уже были украшены безделушками, имели горшочки для извести и жевали бетель»; развитие, эволюция, прогресс, – все это ненужно тем, для кого «и земля, и люди вечно одни и те же, вечно молодые» [Малиновский, 2004, 303, 307]. «Мы видели, что идея исторического развития остается совершенно чуждой этим первобытным существам, – замечает Л. Леви-Брюль о людях примитивных обществ в целом. – Тем больше оснований для отсутствия у них идеи прогресса» [Леви-Брюль, 1937, 326].

Заключение

Можно подытожить, что на протяжении большей части человеческой истории развитие было минимизировано как явление и фактически отсутствовало как идея, в силу чего не являлось ни ценностью, ни целью, став таковыми только в эпоху капиталистического модерна. Но сейчас мы находимся в постмодерне и движемся к посткапитализму, и если оставить за скобками развитие как улучшение в силу субъективности оценки и развитие как усложнение по причине концептуальной неоднозначности, то развитие как экономический и демографический рост сегодня, похоже, замедляется. Согласно последнему прогнозу ООН, к концу текущего столетия ожидается стабилизация численности населения Земли где-то на уровне 10,4 млрд чел., при этом ежегодные темпы роста через полвека снизятся до 0,1%, а еще через пару десятилетий начнут выражаться отрицательными значениями [World... 2022, 9, 27]. Наблюдаемые и прогнозируемые темпы экономического роста тоже снижаются: согласно Т. Пикетти, мировое производство, во второй половине XX века увеличивавшееся на 4% в год, к концу XXI века снизит темп до 1,25%. Следствием этого может стать что-то вроде социального гомеостаза, так как до промышленной революции при колебавшихся у нулевой отметки показателях роста производства и ВВП (абсолютных и в расчете на душу населения) общества от античного до новоевропейского воспроизводили себя в практически неизменном виде (структура профессий, собственности, образ жизни не менялись или менялись минимально) [Пикетти 2015, 88, 100, 108-109]. При этом различные лица и группы, партии и движения все активнее выступают с идеей «постразвития» и призывают к «антиросту» [Demaria, 2013; Soper, 2020; Jackson, 2021]. На этой волне даже Папа Римский несколько лет назад призвал сдерживать рост, замедлить темп, установить пределы и повернуть назад, пока еще не поздно [Папа... 2015, 83, 89, 146-147]. В

контексте все шире распространяющейся «зеленой повестки» дальнейшие перспективы общественного в широком смысле развития выглядят проблематичными. В этой связи представляется, что следует помыслить развитие как проблему, дабы понять, что за проблемы с развитием имеют место, и тогда, возможно, последние перестанут быть таковыми.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, 1984. 264 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 735 с.
5. Боннар А. Греческая цивилизация. В 2 т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. Т. 2. 448 с.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. *Время мира*. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
7. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. 208 с.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
9. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2009. 604 с.
10. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с.
11. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
12. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
13. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.
14. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
15. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. 207 с.
16. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
17. Крамер С. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 256 с.
18. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
19. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский Дом, 2002. 400 с.
20. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. 533 с.
21. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
22. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
23. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 617 с.
24. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 206 с.
25. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, 2000. 880 с.
26. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
27. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. М.: АСТ, 2000. Кн. 2. 688 с.
28. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000. 960 с.
29. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000. 960 с.
30. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
31. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. 552 с.
32. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. М.: Дело, 2018. 760 с.
33. Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 408 с.
34. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 504 с.
35. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.; Челябинск: Социум, 2020. 558 с.
36. Папа Римский Франциск. Энциклика *Laudato si'*. О заботе об общем доме. М.: Издательство Францисканцев, 2015. 191 с.
37. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 528 с.
38. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
39. Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Дело, 2017. 592 с.

40. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. 340 с.
41. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
42. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. 413 с.
43. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 800 с.
44. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789 – 1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 480 с.
45. Шипилов А.В. До и после современности. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 240 с.
46. Щербак А.Н. Первый блин комом: почему не случилась модернизация в Древнем Риме? СПб., 2023. 38 с.
47. Эверетт Д.Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М., 2016. 384 с.
48. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 251 с.
49. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2001. 464 с.
50. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетея, 1998. 249 с.
51. Demaria F. et al. What is degrowth? From an activist slogan to a social movement // Environmental Values. 2013. № 22 (2). P. 191-215.
52. Jackson T. Post Growth: Life after Capitalism. Cambridge: Polity, 2021. 256 p.
53. Soper K. Post-Growth Living: For an Alternative Hedonism. New York: Verso, 2020. 240 p.
54. World Population Prospects 2022. Summary of Results. New York: United Nations, 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/world/world-population-prospects-2022-summary-results>

Development as an idea and phenomenon in history and prehistory

Andrei V. Shipilov

Doctor of Culturology, Associate Professor,
Professor at the Department of philosophy, economics,
social disciplines and the humanities,
Voronezh State Pedagogical University,
394043, 86, Lenina str., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to development as a phenomenon and idea during the period of written history and in the era of preliterate prehistory. The author draws attention to the fact that social development in its modern understanding became an obvious fact and a reflected concept only in Western Europe no earlier than the 18th century, and this was largely a historical accident. Self-sustaining growth is not the norm, but the exception, as evidenced by data from economic, demographic and social history. The analyzed materials on the history of the Middle Ages, Antiquity, the Ancient East and the era of primitive society indicate that development as a phenomenon and concept was rarely encountered during the period of written history and was practically absent during preliterate prehistory. In this regard, postmodernity is similar to premodernity, since a recorded slowdown in the rate of economic and demographic growth may indicate reaching a plateau and approaching homeostasis. In this regard, it seems timely to once again problematize and analyze development as a category, goal and value. In the context of the increasingly widespread “green agenda”, further prospects for social development in a broad sense look problematic. In this regard, it seems that development should be thought of as a problem in order to understand what kind of problems with development are taking place, and then, perhaps, the latter will cease to be such.

For citation

Shipilov A.V. (2024) Razvitie kak ideya i yavlenie v istorii i doistorii [Development as an idea and phenomenon in history and prehistory]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 51-64. DOI: 10.34670/AR.2024.65.23.002

Keywords

Phenomenon of development, idea of development, Western Europe, Modern times, Middle Ages, Antiquity, Ancient East, primitive society.

References

1. Antonova E.V. (1984) *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'cev Perednei i Srednei Azii. Opyt rekonstrukcii mirovospriyatiya* [Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia. The experience of world perception reconstruction]. Moscow: Nauka Publ.
2. Assmann J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlomi i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
3. Averintsev S.S. (2004) *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ.
4. Bernal J. (1956) *Nauka v istorii obshchestva* [Science in History]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.
5. Bonnard A. (1994) *Grecheskaya tsivilizatsiya. V 2 t. T. 2.* [Greek civilization. In 2 volumes. Vol. 2]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
6. Braudel F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3: The Perspective of the World]. Moscow: Progress Publ.
7. Cassirer E. (2002a) *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk* [Philosophy of Symbolic Forms. Volume One: Language]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
8. Cassirer E. (2002b) *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms. Volume Two: Mythical Thought]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
9. Cassirer E. (2002c) *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 3. Fenomenologiya poznaniya* [Philosophy of Symbolic Forms. Volume Three: The Phenomenology of Knowledge]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
10. Collingwood R.G. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. An autobiography]. Moscow: Nauka Publ.
11. Diamond J. (2009) *Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Moscow: AST Publ.
12. Demaria F., Schneider F., Sekulova F., Martinez-Alier J. (2013) What is degrowth? From an activist slogan to a social movement. *Environmental Values*, 22 (2), pp. 191-215.
13. Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life]. Moscow: Delo Publ.
14. Eliade M. (1998) *Mif o vechnom vozvrashhenii. Arkhetipy i povtoryaemost'* [The Myth of the Eternal Return]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
15. Eliade M. (2001) *Istoriya very i religioznykh idei. V 3 t. T. 1. Ot kamennogo veka do Jelevsinskikh misterii* [A History of Religious Ideas. Vol. 1: From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. Moscow: Kriterion Publ.
16. Eliade M. (2010) *Aspektymifa* [Aspects of Myth]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
17. Everett D.L. (2016) *Ne spi – krugomzmei! Byt i yazyk indeicev amazonskikh dzhunglei* [Don't Sleep, There Are Snakes. Life and Language in The Amazonian Jungle]. Moscow.
18. Feyerabend P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarhistsskoi teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Moscow: AST Publ.
19. Freidenberg O.M. (1998) *Mifi literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.
20. Gurevich A.Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo Publ.
21. Hobsbawm E. (1999) *Vek revolyutsii. Evropa 1789 – 1848* [The Age of Revolution: Europe: 1789–1848]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
22. Jackson T. (2021) *Post Growth: Life after Capitalism*. Cambridge: Polity Publ.
23. Kessidi F.H. (1972) *Ot mifa k logosu* [From myth to logos]. Moscow: Mys' Publ.
24. Klochkov I.S. (1983) *Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya* [Spiritual culture of Babylonia: man, fate, time]. Moscow: Nauka Publ.

25. Kramer S. (1965) *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [History Begins at Sumer]. Moscow: Nauka Publ.
26. Le Goff J. (1992) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Moscow: Progress, Progress-Akademiya Publ.
27. Lévi-Strauss C. (1994) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ.
28. Lévy-Bruhl L. (2002) *Pervobytnyj mentalitet* [Primitive mentality]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ.
29. Lévy-Bruhl L. (1937) *Sverkh 'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow: OGIZ Publ.
30. Likhachev D.S. (1979) *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Nauka Publ.
31. Losev A.F. (1957) *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskoi razviti* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Uchpedgiz Publ.
32. Losev A.F. (1977) *Antichnaya filosofiya istorii* [Ancient philosophy of history]. Moscow: Nauka Publ.
33. Losev A.F. (2000a) *Istoriya antichnoi estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Aristotle and the Late Classic]. Moscow: AST Publ.
34. Losev A.F. (2000b) *Istoriya antichnoi estetiki. Vysokaya klassika* [History of ancient aesthetics. High Classic]. Moscow: AST Publ.
35. Losev A.F. (2000c) *Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. V 2 kn. Kn. 2.* [History of ancient aesthetics. The results of the millennium development. In 2 books. Book 2]. Moscow: AST Publ.
36. Losev A.F. (2000d) *Istoriya antichnoi estetiki. Pozdnii ellinizm* [History of ancient aesthetics. Late Hellenism]. Moscow: AST Publ.
37. Losev A.F. (2000e) *Istoriya antichnoi estetiki. Rannii jellinizm* [History of ancient aesthetics. Early Hellenism]. Moscow: AST Publ.
38. Losev A.F. (2000f) *Istoriya antichnoi estetiki. Rannyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early Classic]. Moscow: AST Publ.
39. Malinovskii B. (2004) *Izbrannoe: Argonavty zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Selected: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow: ROSSPeN Publ.
40. Mann M. (2018) *Istochniki sotsial'noi vlasti: v 4 t. T. 1. Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda n.e.* [The Sources of Social Power. Volume 1. A history of power from the beginning to ad 1760]. Moscow: Delo Publ.
41. Mokyr J. (2012) *Dary Afiny. Istorieskie istoki jekonomiki znani* [The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ.
42. Mokyr J. (2014) *Rychag bogatstva. Tehnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskii progress* [The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ.
43. Nisbett R. (2020) *Progress: istoriya idei* [History of the Idea of Progress]. Moscow; Chelyabinsk: Socium Publ.
44. Piaget J. (1994) *Rech' i myshlenie rebenka* [The Language and Thought of the Child]. Moscow: Pedagogika-Press Publ.
45. Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press Publ.
46. Pomeranz K. (2017) *Velikoe rashozhdenie: Kitai, Evropa i sozdanie sovremennoi mirovoi jekonomiki* [The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy]. Moscow: Delo Publ.
47. Pope Francis (2015) *Entsiklika Laudato si'. O zabote ob obshhem dome* [Encyclical Laudato si'. On Care for our Common Home]. Moscow: Franciscan Publishing Publ.
48. Propp V.Ya. (1946) *Istorieskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad.
49. Shherbak A.N. (2023) *Pervyi blin komom: pochemu ne sluchilas' modernizatsiya v Drevnem Rime?* [The first pancake is lumpy: why didn't modernization happen in Ancient Rome?]. St. Petersburg.
50. Shipilov A.V. (2022) *Do i posle sovremennosti* [Before and After Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
51. Soper K. (2020) *Post-Growth Living: For an Alternative Hedonism*. New York: Verso Publ.
52. Sorokin P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social & Cultural dynamics]. Moscow: Astrel' Publ.
53. Veinberg I.P. (1986) *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [Man and Culture in the Ancient Orient]. Moscow: Nauka Publ.
54. *World Population Prospects 2022. Summary of Results (2022)*. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/world-population-prospects-2022-summary-results> [Accessed 02/02/2024]

УДК 1 (091) + 316.752; + 172.15; + 291.71

DOI: 10.34670/AR.2024.43.71.003

Патриотическое воспитание как духовно-нравственный фундамент миссионерского служения: философско- аксиологические аспекты

Неганов Владимир Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
и.о. завкафедрой социально-гуманитарных наук и технологий,
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет,
129337, Российская Федерация, Москва, Ярославское шоссе, 26;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Аннотация

Автор данного научного исследования на междисциплинарном уровне анализирует существенные вопросы патриотического воспитания в современном мире. Автор статьи показывает возможности интеграции православного социального служения в систему ценностных ориентаций современного общества, мировоззренческих смысловых доминант и их трансформаций, а также выявляет и обозначает возможные проблемы, с этим связанные. Автор научного исследования убежден, что патриотическое воспитание, формирующее патриотическое мировоззрение, продуктивнее осуществимо именно в контексте миссионерской деятельности, поскольку пробуждение веры и побуждение любви к своему Отечеству, по мнению автора, являются тем связующим методологическим подходом, при котором возможно с наибольшей вероятностью прогнозировать долгосрочный, а в идеале пожизненный, положительно эффективный и продуктивный результат. Особое внимание автор акцентирует на различии и близости точек зрения в современном обществе и философском осмыслении данной проблемы. Важным аспектом научно-исследовательской работы является тот факт, что с учетом существующих традиционных научных подходов автор сосредотачивает внимание на патриотическом воспитании именно как на особом способе миссионерского служения в современном обществе, поскольку, по мнению автора, и патриотическое воспитание, и миссионерский труд являются особым видом служения, имеющим один и тот же Источник – Бога.

Для цитирования в научных исследованиях

Неганов В.В. Патриотическое воспитание как духовно-нравственный фундамент миссионерского служения: философско-аксиологические аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 65-74. DOI: 10.34670/AR.2024.43.71.003

Ключевые слова

Философия, патриотизм, православие, традиционные ценности, духовно-нравственное воспитание, миссионерское служение, аксиология, свобода, формирование патриотического мировоззрения, современность.

Введение

Понятие «патриотизм» имеет древнейшую историю и происходит от нескольких слов древнегреческого языка *πατριώτης* – патриот; *πατρίς* – Родина, Отечество; *συμπατριώτης* – соотечественник [Русско-греческий словарь гимназического курса <...>, 1885, с. 345, 480]. В более подробной коннотации патриотизм не просто чувственное переживание или склонность исключительно метафизического характера – это всегда активная и созидательная «любовь к Отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [Большая Советская Энциклопедия, 1975, т. 19, 282]. Президент нашей страны В.В. Путин, объясняя почему священный долг нашего человека быть патриотом, говорит о сбережении тех доминантных традиционных ценностей и приоритетов, разрушение и утрата которых неминуемо приведет к гибели нашей цивилизации: «Если мы думаем о будущем, о том, в какой стране будут жить наши дети, что мы им оставим, это все вместе – любовь к семье, к детям, к родителям, к малой Родине, к стране в целом – это и есть патриотизм» [Владимир Путин объяснил..., 2024].

Патриотическое воспитание, понимается как возвращение и патронирование человека в любви и преданности своему Отечеству, своей Родине через привитие и осознанное принятие традиционной системы ценностей и духовно-нравственных ориентиров. Перечень традиционных ценностей Российской Федерации фиксирует в качестве приоритетных именно традиционные преемственные «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России», «...» укрепляющие гражданское единство «...» многонационального народа России» (Указ Президента Российской Федерации <...> от 9 ноября 2022 года № 809). По нашему мнению, патриотическое воспитание как духовно-нравственный фундамент миссионерской деятельности является приоритетной задачей в области практической реализации формирования личности в современном обществе. В то же время, миссионерская деятельность, которая является водительством ко Христу – есть привитие и воспитание любви к Богу и ближним. На государственно-законодательном уровне тема патриотизма, обладая безусловным и приоритетным значением, носит непрерывный характер, о чем свидетельствуют государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», утвержденные Постановлениями Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 на 2001 – 2005 годы; от 11 июля 2005 г. № 422 на 2006 – 2010 годы; от 5 октября 2010 г. № 795 на 2011 – 2015 годы; от 30 декабря 2015 г. № 1493 на 2016 – 2020 годы [Правительство России, 2024]. По нашему мнению, необходимо указать на неразрывную взаимосвязь патриотического воспитания и миссионерской деятельности, поскольку именно патриотизм как основание домостроительства является деятельным выражением любви к ближнему, и в следствие этого фундаментом конструктивной системы ценностей, формируемой миссионерской проповедью, вершину которой займет созидание, любовь к Истине, Добру, Богу.

Основная часть

Патриотическое воспитание – это, прежде всего, воспитание сознательного и ответственного перед своей Родиной гражданина, который любит и уважает свой народ, гордится культурой и историей своей страны. Согласно Государственной программе, патриотическое воспитание граждан Российской Федерации осуществляется посредством активизации «интереса к изучению истории России», воспитания «уважения к прошлому нашей

страны», сохранению и защите от искажений «памяти о подвигах защитников Отечества» с целью обеспечения «формирования у молодежи морально-психологической и физической готовности к защите Отечества, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой гражданской ответственности» (Постановление Правительства Российской Федерации <...> от 30 декабря 2015 г. № 1493, с. 7-8). В этом контексте и миссионерская деятельность посредством научения богословским дисциплинам, практическому опыту приобщения христианским ценностям и традициям жизни православной веры может способствовать пробуждению и оживлению деятельной любви к Богу, ближним и своему Отечеству. Именно об этом сказано в Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви..., 2007]. Главная цель православного как внешнего, так и внутреннего миссионерства – воспитательная. Православный миссионер – это «соратник Духа Святого, благовестник Слова Божия». Здесь важно отнюдь не внешнее соответствие и стиль, важно, чтобы познание человеком вероучительных истин христианства приводило этого человека к христианскому образу жизни, который не достижим вне личного реального опыта непосредственного практического Богообщения через участие человека в Таинствах Церкви.

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, патриотическое воспитание является духовно-нравственным фундаментом в том числе и миссионерской деятельности, поскольку истинное понимание патриотизма невозможно вне осознания сущности христианства, как взаимоотношения сыновства и отчества. Так, например, Владимиром Сергеевичем Соловьевым мысль о ключевых элементах содержания патриотизма сформулирована на основании христианского универсализма следующим образом: «в силу естественной любви и нравственных обязанностей к своему Отечеству полагать его интерес и достоинство главным образом в тех высших благах, которые не разделяют, а соединяют людей и народы» [Брокгауз и Ефрон, 1898, т. XXIII, 37-38]. Сущность патриотизма определяется, прежде всего, духовным и нравственным климатом общества, его историческими корнями, формирующими особенности сознания того или иного народа. По нашему мнению, именно характер и высота ценностных ориентиров определяет вектор «социального, экономического и политического развития России, духовно-нравственного преображения каждого отдельного человека и общества в целом» [Неганов, 2017 (6), 340]. В свою очередь, главная цель миссионерской деятельности состоит в научении истине христианства через практический опыт Богообщения в Таинствах Православной Церкви. Более того, именно миссионерская, то есть апостольская, проповедническая деятельность Церкви – «есть главнейший нерв ее, свидетельствующий о жизненности и силе. Ни в чем, может быть, не выражается так полно внутреннее состояние Церкви, как именно в характере миссии» [Свенцицкий Валентин, прот., 2014, 310].

С настоящего учебного года во всех образовательных организациях Российской Федерации в соответствии с федеральными рабочими программами воспитания и федеральным календарным планом, установлены единые для всей нашей страны требования воспитательной работы. Первый заместитель Министра просвещения Александр Бугаев указал на «важность единых подходов к формированию системы воспитания детей и подростков в школах, колледжах и вузах». В частности, он положительно оценил возрождение традиции многими образовательными организациями нашей страны «торжественной церемонии поднятия государственного флага России и исполнения гимна» [Бугаев, 2023]. В этой связи, по нашему мнению, особенно важно включение в Федеральные государственные образовательные стандарты среднего и высшего профессионального образования в рамках

общефессиональных компетенций патриотического компонента как законодательно утвержденной неотделимой составляющей актуальной для всех уровней образовательного процесса (Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования; Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 09 сентября 2008 года № 1332 «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования»). Итак, в соответствии с законодательством на государственном уровне определены и показаны цели и значение патриотического воспитания учащихся в рамках учебно-воспитательного процесса. При этом важно отметить, что именно законодательное включение в общефессиональные компетенции ФГОС высшего профессионального образования патриотического компонента и наличие в ФГОС высшего профессионального образования компетенций по патриотической составляющей, по нашему мнению, безусловно способствует практической и теоретической реализации задач патриотического воспитания граждан Российской Федерации [Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, 2024]. При выборе методов и форм патриотического воспитания преподаватели и учебные заведения наделены свободой выбора, что безусловно требует от нас высокой ответственности. По слову святого апостола Павла: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6:12; 1 Кор. 10:23; Сир. 37:31) [Библия, 2020]. Заместитель Председателя Правительства – полномочный представитель Президента России в Дальневосточном федеральном округе Российской Федерации Юрий Трутнев, отметил, что Ректоры и преподаватели должны своим примером показывать, что такое патриотизм: «Они должны быть рядом. Должны своим примером показывать, что проявление патриотизма – это правильно для нашей страны, а значит, правильно для высшего учебного заведения» и указал на важность и необходимость привлекать к активной поддержке и помощи специальной военной операции студентов и школьников: «Когда студенты при участии преподавательского состава поддерживают наших бойцов, они помогают нашей стране не словом, а делом. Я знаю, что во многих высших учебных заведениях такая работа ведется» [Трутнев, 2023]. Здесь вновь, по нашему мнению, вполне закономерно актуализируется взаимосвязь миссионерского служения и патриотического воспитания как особого вида служения Богу, людям, Отечеству.

Идея религиозности пронизывает всю историю русского народа, нашу литературу, культуру, мировоззрение. Безусловно важным, в связи с темой нашего исследования, для обычного современного человека является пример философско-литературного наследия миссионера, философа, исследователя –

Ф.М. Достоевского, которого в высшей степени обосновано В.В. Путин назвал «гениальным мыслителем и патриотом России» [Путин..., 2021]. Для подтверждения этой мысли наиболее показателен для уже многих поколений христиан пример литературных трудов Ф.М. Достоевского, усилия которого были направлены на искание Христа и созидание человека. В этом, собственно, и есть, суть миссионерского служения Ф.М. Достоевского: через мир борений своих персонажей, «разоблачая ложные ценности мира, он предлагает ценности духовные и конструктивные, которые раскрывают лучшее из того, что есть в человеке» [Неганов, 2020, 103], чтобы показать человеку, читающему его произведения сердцем, аксиологически правильный путь исправления своей жизни и спасения во Христе.

Ярчайший пример христианского понимания патриотизма дает нам и жизнь православного миссионера и основателя Православной Миссии в Японии, прославленного в лике святых

архиепископа Николая (Касаткина), который, осуществляя свое апостольское служение в период русско-японской войны 1904 – 1905 годов, не переставая быть патриотом своей Родины – России, благословлял православных японцев на молитву о своем Отечестве – Японии: «Молитесь Богу, чтоб Он даровал победы вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды, кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотчичам, помня слова Спасителя: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15:13)» [Дневники святого Николая Японского..., 2004, т. 5, 17]. Здесь особенно показателен тот факт: благословляя православных японских воинов защищать свое Отечество, святитель говорил, что вместе с ними не может молиться, но келейно будет молиться о победе России. Слова просветителя Японии раскрывают истинный смысл христианского отношения к земному Отечеству. Это как нельзя актуально в настоящее время, поскольку именно сейчас об этом на каждой Литургии молится наша Русская Православная Церковь: «Возстани, Боже, в помощь людем Твоим и подаждь нам силою Твоею победу» [Молитва о Святой Руси, 2022]. Неподдельный, напитанный исторической традицией и духовной аксиологией патриотизм, как и не искаженное прелестями и ересями подлинное христианство наполняет сердце человека любовью, а жизни и деятельности придает созидательный смысл. Поскольку человеку присуще творческое стремление к своему Творцу, то жизненно важным для человека является исправление прежде всего собственных своих недостатков, преодоление своих грехов – это все «тот необходимый труд, без которого невозможно разрешить присутствующий в человеке внутренний конфликт» [Байдакова, 2008, 7]. И только так молодому человеку можно сформировать и усилить духовный стержень собственной личности, который является «основой жизни человека» [Неганов, 2018, 64].

Анализируя общую динамику формирования и развития фундаментальных традиционных ценностей на Западе и в России в XXI веке, со скорбью приходится констатировать глубинные противоречия и пропасть, злонамеренно созданную людьми. Аксиологическое измерение данных противоречий очевидно. Нередко сам человек, игнорируя голос своей совести, добровольно сам себя лишает свободы, подчиняя стремления высшего порядка сиюминутному желанию, рассеивая главное делание своей жизни на суету и прогибаясь под требования системы – именно так «лишенной духовных ориентиров человек, может приобрести для своей души исключительно безразличие и своекорыстие» [Неганов, 2017 (а), 211]. Не любить свою Родину и сознательно вредить своему Отечеству не только противоестественно и безнравственно, поскольку «полное отсутствие патриотизма ненормальное, дефектное состояние» [Бердяев, 1951, 139], но и уголовно наказуемо. Важно знать каждому, что в ныне действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации содержатся Статьи, в которых для всех граждан Российской Федерации предусмотрено уголовное наказание за государственную измену, то есть за деятельность, направленную «против безопасности Российской Федерации» (Статья 275 УК РФ и др.). От патриотизма как образа бытийствования человека и деятельного выражения его любви к Отечеству непосредственным образом зависит обеспечение незыблемости основ государства и обеспечение национальной безопасности.

Россия – многонациональная Держава, государственно образующим является народ русский, традиционные ценности которого в Православии – в этом гордость и сила нашего государства. И не нужно оглядок на завывания, существующих на западные гранты «либеральных» и «толерантных» демагогов, клеймящих Русский мир лживыми обвинениями во всех грехах западной «цивилизации». И это отнюдь не поверхностное явление, не просто «иное

мнение» – это настоящее борец с Родиной для ее унижения и уничтожения. Это пышно цветущее ныне явление и почти сто пятьдесят лет назад уже не было загадкой. В чем на самом деле подлинная суть подобной либеральщины во всех подробностях весьма доходчиво излагает Ф.М. Достоевский: «русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все. Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм» [Достоевский, 1984, т. 8, 276]. Это емкое определение Федор Михайлович хоть и вложил в уста малозначительного персонажа своего романа, но, по нашему мнению, вполне справедливо будет предположить, что именно для того он явлен в тексте романа, чтобы выплеснуть на страницы боль и негодование самого писателя об этом одновременно и трагическом и враждебном для России явлении.

Владимир Путин и Александр Лукашенко в январе 2024 года в Ленинградской области в вечное поминовение жертв нацистского геноцида и в назидание и память ныне живущим и будущим поколениям открыли мемориал. В словах, произнесенных президентом, содержится главное – ужас фашизма не может быть нами забыт и не должен никем повторяться: «В наши дни фактически пересматриваются итоги Нюрнбергского Процесса, в ходе которого нацизму была дана однозначная правовая оценка. В некоторых странах не только переписывают историю, в которой оправдывают палачей. Фашисты и неонацисты взяли на вооружение идеологию и методы гитлеровцев. <...> В ряде стран Европы русофобия продвигается как государственная политика. Мы сделаем все, все, чтобы пресечь и окончательно искоренить нацизм», – заявил президент России В.В. Путин [Владимир Путин и Александр Лукашенко..., 2024]. В этой связи, совершенно не случайно, что «раз в сто лет в Европе появляется антихрист, ему рукоплещет полмира, но потом русские его изгоняют» [Комсомольская правда, 2023]. Мы русские люди, наше земное Отечество – Россия, с нами Бог – мы всегда и во все времена защищаем свое Отечество, все враги России всегда будут побеждены – быть патриотом – присущее естественное качество русского человека: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покарайтесь: с нами Бог!» (Ис. 8:9) [Библия, 2020]. Именно исходя из такого понимания в педагогическом, миссионерском служении на главенствующем месте всегда должно поставляться «духовно-нравственное и патриотическое воспитание на основе консервативных ценностей и традиций бескорыстного служения Родине» [Неганов, 2021, 187]. Для патриота России святы традиции Русского государства, преемство его истории и культуры.

Заключение

Подводя итоги, важно еще раз акцентировать внимание, что нам представляется очевидной актуальность и практическая значимость сформулированного в представленном научном исследовании постулата о патриотическом воспитании, формирующем патриотическое мировоззрение, как духовно-нравственном фундаменте миссионерской деятельности на богословском, философском и социальном уровнях. Миссионерство не зависит от профессии и рода занятий. Миссионерство, так же, как и патриотизм, – это важнейшее дело совести человека, и в той же мере, что и патриотизм – это служение высшим идеалам. В связи с этим, как никогда, актуально и важно современное философское осмысление проблем духовно-нравственных

кризисов. Необходимы мобилизация отечественных философских традиций с целью пробуждения общественного сознания и совести, и исследовательская инициатива в практической реализации служения Богу и ближнему. Возрождение, укрепление и защита духовного суверенитета России на основе патриотического воспитания, сохранение и воплощение в жизнь традиционных христианских ценностей.

Библиография

1. Байдакова М.Ю. Проблема воли в христианской антропологии // Вестник МГОУ. 2008. № 1. С. 5-13.
2. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. 167 с.
3. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2020. 1337 с.
4. Большая Советская Энциклопедия в тридцати томах. М.: Советская Энциклопедия, 1975. Т. 19. 648 с.
5. Владимир Путин объяснил, что такое любовь к Родине. URL: <https://1tulatv.ru/novosti/209081-vladimir-putin-obyasnil-chto-takoe-lyubov-k-rodine.html>
6. Владимир Путин и Александр Лукашенко в Ленинградской области открыли мемориал жертвам нацистского геноцида. URL: https://vk.com/video-9388814_456286275
7. Дневники святого Николая Японского в пяти томах. Том 5. СПб.: Гиперион, 2004. 960 с.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1973. Т. 8. 512 с.
9. Комсомольская правда. 17 мая 2023 года. URL: <https://www.kp.ru/daily/27504/4764237/?t=teasers>
10. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html>
11. Молитва о Святой Руси. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5962654.html>
12. Неганов В.В. Духовные основы служения отечеству // Философские исследования и современность. 2017. Выпуск 6. С. 209-213.
13. Неганов В.В. Миссионерский смысл и значение понимания духовно-нравственных и антропологических аспектов наследия Ф.М. Достоевского выдающимися богословами Сербской Православной Церкви с точки зрения основных понятий христианской антропологии в историко-философской перспективе // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2020. Выпуск X. С. 93-106.
14. Неганов В.В. О духовно-нравственных аспектах преподавания философии в Высших учебных заведениях // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Том 10. № 1 (34). С. 186-188.
15. Неганов В.В. О социально-антропологических основаниях аксиологической оппозиции России и Запада // Философские исследования и современность. 2017. Выпуск 6. С. 339-340.
16. Неганов В.В. Философия духовно-нравственных оснований государственного служения // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. Том 4. № 4. С. 64-66.
17. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-05-01-pravovoe-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-1138/>
18. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы».
19. Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/>
20. Путин назвал Достоевского гениальным мыслителем. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/11/11/n_16839463.shtml
21. Русско-греческий словарь гимназического курса. М., 1885. 708 с.
22. Свенцицкий В.П., протоиерей. Собрание сочинений. М., 2014. Т. 3. 752 с.
23. Статья 275 УК РФ. Государственная измена.
24. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года № 809.
25. Указ Президента Российской Федерации от 09.09.2008 г. № 1332 «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, самостоятельно устанавливающих образовательные стандарты и требования для реализуемых ими образовательных программ высшего профессионального образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням образования».
26. Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования. URL: <https://www.fgos.ru/fgos/fgos-40-05-01-pravovoe-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-1138/>
27. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации».
28. Энциклопедический словарь. Том XXIII. СПб., 1898. 474 с.
29. Юрий Труннев: Ректоры и преподаватели должны своим примером показывать, что такое патриотизм. URL: <http://government.ru/news/48960/>

Patriotic education as a spiritual and moral foundation of missionary service: philosophical and axiological aspects

Vladimir V. Neganov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Social and Humanitarian
Sciences and Technologies,
National Research Moscow State University of Civil Engineering,
129337, 26, Yaroslavskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Abstract

The annotated scientific article is a kind of conglomerate and the result of many years of research by the author, dedicated to the interdisciplinary analysis of significant issues of patriotic education of youth in the modern world. According to the author, it is most advisable to carry out patriotic education as a type of missionary activity. In connection with the new approach to patriotic education proposed and formulated by the author within the educational process at a university, it is important to consider the philosophical and psychological aspects, since, in the author's opinion, it would be irresponsible to ignore the interdisciplinary and metaphysical aspects in the modern understanding of this problem. In this scientific research, the author substantiates the relevance and practical significance of the postulate formulated in scientific research at the theological, philosophical and social levels. The author of the scientific study pays special attention to the consideration of the possibilities of integrating Orthodox social service, ideological and semantic dominants and their transformations into the concept of patriotic education, and also identifies and highlights possible problems associated with this. An essential aspect of this research work is the author's conclusion that patriotic education and missionary activity represent a special type of service that has the same Source, God, and, accordingly, common traditional values and spiritual and moral guidelines.

For citation

Neganov V.V. (2024) Patrioticheskoe vospitanie kak dukhovno-nravstvennyi fundament missiionerskogo sluzheniya: filosofsko-aksiologicheskie aspekty [Patriotic education as a spiritual and moral foundation of missionary service: philosophical and axiological aspects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 65-74. DOI: 10.34670/AR.2024.43.71.003

Keywords

Philosophy, patriotism, Orthodoxy, traditional values, spiritual and moral education, missionary service, axiology, freedom, formation of a patriotic worldview, modernity.

References

1. Baidakova M.Yu. (2008) Problema voli v khristianskoi antropologii [The problem of will in Christian anthropology]. *Vestnik MGOU* [Bulletin of the State University of Education], 1, pp. 5-13.

2. Berdyaev N. (1951) *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar]. Paris.
3. (2020) *Bibliya* [The Bible]. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ.
4. (1975) *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya v tridsati tomakh* [Great Soviet Encyclopedia in thirty volumes]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ. Vol. 19.
5. (2004) *Dnevniki svyatogo Nikolaya Yaponskogo v pyati tomakh. Tom 5* [Diaries of St. Nicholas of Japan in five volumes. Volume 5]. St. Petersburg: Giperion Publ.
6. Dostoevskii F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 8.
7. (1898) *Entsiklopedicheskii slovar'. Tom XXIII* [Encyclopedic Dictionary. Volume XXIII]. St. Petersburg.
8. *Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty srednego professional'nogo obrazovaniya* [Federal state educational standards of secondary vocational education]. Available at: https://obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808gosfunction/acts_list2021/mandatory_requirements_2021/fgos_spo/ [Accessed 02/02/2024]
9. *Federal'nyi zakon № 273-FZ ot 29 dekabrya 2012 goda «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation”].
10. *Komsomol'skaya pravda. 17 maya 2023 goda* [Komsomolskaya Pravda. May 17, 2023]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27504/4764237/?t=teasers> [Accessed 02/02/2024]
11. *Kontseptsiya missionerskoi deyatelnosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [The concept of missionary activity of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> [Accessed 02/02/2024]
12. *Molitva o Svyatoi Rusi* [Prayer for Holy Rus]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5962654.html> [Accessed 02/02/2024]
13. Neganov V.V. (2017) *Dukhovnye osnovy sluzheniya otechestvu* [Spiritual foundations of serving the fatherland]. *Filosofskie issledovaniya i sovremennost'* [Philosophical Research and Modernity], 6, pp. 209-213.
14. Neganov V.V. (2018) *Filosofiya dukhovno-nravstvennykh osnovanii gosudarstvennogo sluzheniya* [Philosophy of spiritual and moral foundations of public service]. *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie* [Social and humanitarian review], 4, 4, pp. 64-66.
15. Neganov V.V. (2020) *Missionerskii smysl i znachenie ponimaniya dukhovno-nravstvennykh i antropologicheskikh aspektov naslediya F.M. Dostoevskogo vydayushchimisya bogoslovami Serbskoi Pravoslavnoi Tserkvi s tochki zreniya osnovnykh ponyatii khristianskoi antropologii v istoriko-filosofskoi perspektive* [The missionary meaning and significance of understanding the spiritual, moral and anthropological aspects of the heritage of F.M. Dostoevsky by outstanding theologians of the Serbian Orthodox Church from the point of view of the basic concepts of Christian anthropology in a historical and philosophical perspective]. *Trudy Belgorodskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii (s missionerskoi napravlennoy)* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation)], X, pp. 93-106.
16. Neganov V.V. (2021) *O dukhovo-nravstvennykh aspektakh prepodavaniya filosofii v Vysshikh uchebnykh zavedeniyakh* [On the spiritual and moral aspects of teaching philosophy in higher educational institutions]. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 10, 1 (34), pp. 186-188.
17. Neganov V.V. (2017) *O sotsial'no-antropologicheskikh osnovaniyakh aksiologicheskoi oppozitsii Rossii i Zapada* [On the social and anthropological foundations of the axiological opposition between Russia and the West]. *Filosofskie issledovaniya i sovremennost'* [Philosophical Research and Modernity], 6, pp. 339-340.
18. *Portal federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya* [Portal of federal state educational standards of higher education]. Available at: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-05-01-pravovoe-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-1138/> [Accessed 02/02/2024]
19. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493 O gosudarstvennoi programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016-2020 gody»* [Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493 On the state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020”].
20. *Pravitel'stvo Rossii* [Government of Russia]. Available at: <http://government.ru/docs/> [Accessed 02/02/2024]
21. *Putin nazval Dostoevskogo genial'nyim myslitelem* [Putin called Dostoevsky a brilliant thinker]. Available at: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/11/11/n_16839463.shtml [Accessed 02/02/2024]
22. (1885) *Russko-grecheskii slovar' gimnazicheskogo kursa* [Russian-Greek dictionary of the gymnasium course]. Moscow.
23. *Stat'ya 275 UK RF. Gosudarstvennaya izmena* [Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation. Treason].
24. Svetsitskii V.P., archpriest. (2014) *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow. Vol. 3.
25. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei» ot 9 noyabrya 2022 goda № 809* [Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” dated November 9, 2022 No. 809].
26. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.09.2008 g. № 1332 «Ob utverzhdenii perechnya federal'nykh*

gosudarstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya, samostoyatel'no ustanavlivayushchikh obrazovatel'nye standarty i trebovaniya dlya realizuemykh imi obrazovatel'nykh programm vysshego professional'nogo obrazovaniya, kotorye vprave razrabatyvat' i utverzhdad' samostoyatel'no obrazovatel'nye standarty po vsem urovnyam obrazovaniya» [Decree of the President of the Russian Federation dated 09.09.2008 No. 1332 "On approval of the list of federal state educational institutions of higher professional education that independently establish educational standards and requirements for the educational programs of higher professional education they implement, which have the right to develop and approve independently educational standards for all levels of education"].

27. *Vladimir Putin i Aleksandr Lukashenko v Leningradskoi oblasti otkryli memorial zhertvam natsistskogo genotsida* [Vladimir Putin and Alexander Lukashenko opened a memorial to the victims of Nazi genocide in the Leningrad region]. Available at: https://vk.com/video-9388814_456286275
28. *Vladimir Putin ob "yasnil, chto takoe lyubov' k Rodine* [Vladimir Putin explained what love for the Motherland is]. Available at: <https://1tulatv.ru/novosti/209081-vladimir-putin-obyasnil-chto-takoe-lyubov-k-rodine.html> [Accessed 02/02/2024]
29. *Yurii Trutnev: Rektory i prepodavateli dolzhny svoim primerom pokazivat', chto takoe patriotizm* [Yuri Trutnev: Rectors and teachers must show by example what patriotism is]. Available at: <http://government.ru/news/48960/> [Accessed 02/02/2024]

УДК 1 (091); + 316.752; + 821. 161. 1

DOI: 10.34670/AR.2024.19.43.004

**Последовательное обоснование актуальности научного
исследования о миссионерском смысле аксиологии
Ф.М. Достоевского**

Неганов Владимир Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
и.о. завкафедрой социально-гуманитарных наук и технологий,
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет,
129337, Российская Федерация, Москва, Ярославское шоссе, 26;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Аннотация

Автор представленной научной статьи актуализирует обоснование своего самостоятельно выполненного научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского. Для достижения этой цели автор предлагает рассмотреть и проанализировать существенные вопросы бытия человека при помощи инструментария христианской антропологии. По мнению автора данной статьи, произведения Ф.М. Достоевского, отзеркаливая скрытые и явные язвы души человека, задают вектор воспитания добродетели и бегства от греха. Основание данной научной статьи составляет комплексное конспективное изложение на междисциплинарном уровне важнейших смыслов ценностных приоритетов в произведениях Ф.М. Достоевского и духовно-нравственных вопросов, находящихся, по мнению автора данной научной статьи, в непосредственной связи с аксиологией писателя. В результате анализа сформулированной им новой изучаемой научной темы, автор акцентирует внимание на возможности интеграции православных мировоззренческих смысловых доминант творчества Ф.М. Достоевского в реалии современного мира, а также выявляет и обозначает возможные проблемы с этим связанные. В числе научного инструментария автором задействованы сравнительный анализ, обобщение, аналогия и системный подход. Автор аннотируемой научной работы сосредоточивает внимание именно на миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского как в ретроспективном плане, так и в современном общественном восприятии, предпринимая попытку проанализировать аксиологию писателя с позиций христианской антропологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Неганов В.В. Последовательное обоснование актуальности научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 75-82. DOI: 10.34670/AR.2024.19.43.004

Ключевые слова

Философия, Ф.М. Достоевский, православие, духовно-нравственное воспитание, миссионерство, аксиология, свобода, ответственность, современность, христианская антропология.

Введение

Приступая к последовательному обоснованию актуальности анонсируемого научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского, по нашему мнению, важно акцентировать и зафиксировать внимание на главном постулате представляемой научной работы, который заключается в обосновании того факта, что миссионерский смысл аксиологии Ф.М. Достоевского полагает свое основание именно в христианской антропологии. Мы можем вполне определенно констатировать, что проблема выбора или определенного ценностного предпочтения неминусом актуальна в любой исторический период, как в эпоху Ф.М. Достоевского, так и для современного человека. Каким будет этот выбор – вопрос трудный и важный. Будет ли этот выбор базироваться на изначальных нравственных основах – голосе совести, христианских заповедях, гуманистических ценностях или на чем-то другом – все это вопрос выбора самого человека. По нашему мнению, для Ф.М. Достоевского вопрос интеграции христианских нравственных категорий не является отстраненным умозрением или неоправданным практически философским умствованием, но включен неотъемлемым образом в сферу ежеминутной жизни и имеет особую актуальность, в том числе в контексте православного богословия. В связи со всем вышеизложенным, можно утверждать, что нравственные ценности, провозглашаемые Ф.М. Достоевским, и духовные искания, ярко показанные через своих героев, созвучны с православной нравственностью. По нашему мнению, творчество Ф.М. Достоевского, по своей сути, Христоцентрично и наполнено глубоким миссионерским смыслом. Таким образом, актуальность представляемого анонсом научного исследования обусловлена, прежде всего, тем, что в настоящее время остается особенно острым вопрос о формировании, актуализации, пропаганде положительного учения христианской антропологии и аналитическом соотнесении его с доминирующими философскими представлениями о человеке. Данный вопрос занимает особое место, как в ракурсе самоидентификации современного человека, так и в миссионерской деятельности Православной Церкви.

Также необходимо отметить, что важность данного научного исследования состоит в акцентировании особого внимания на миссионерской направленности аксиологии Ф.М. Достоевского в свете христианской антропологии, поскольку в самом общем смысле «предметом христианской антропологии является личность в ее отношении ко всей полноте бытия» [Байдакова, 2008, 139]. Главная цель православного как внешнего, так и внутреннего миссионерства – воспитательная – показать современному человеку путь спасения во Христе, ведь по слову Спасителя: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16:26) [Библия, 2020]. При этом, наряду с важностью всех формальных составляющих изучения Священного Писания и Священного Предания Церкви, главным и жизненно важным для человека является приобщение к опыту Богообщения, через личное очное участие его в Таинствах Церкви, поскольку только именно для этой цели миссионерское служение, как сопроводительство ко Христу, и необходимо. Федор Михайлович Достоевский как создатель классических литературных произведений всегда созвучен современности и предстает перед читателями разных эпох не как агитатор, пиарщик или пропагандист, но как истинный миссионер в высоком смысле этого слова, как «соратник Духа Святого, благовестник Слова Божия» [Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви <...>, 2007].

Анализируемые в таком контексте литературные труды Ф.М. Достоевского представляются нам сродными апостольскому служению и наполнены миссионерским призывом к мыслящему

человеку: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16) [Библия, 2020]. В этой связи удивительно точным является вопрошающее восклицание Патриарха Кирилла: «Как можно быть православным христианином, не зная Достоевского?» [Ответы Святейшего Патриарха Кирилла <...>, 2021], которое в полной мере указывает на значимость и ценность наследия христианского мыслителя, писателя и миссионера Ф.М. Достоевского для современного человека как путеводителя ко Христу.

Основная часть

Один из главных вопросов для практически любого ученого, научная новизна его труда и для нас при последовательном обосновании актуальности нашего исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского это немаловажно. В этой связи мы обнаружили, что в рамках изучения произведений Ф.М. Достоевского существует немало разного уровня изысканий, посвященных различным аспектам литературного творчества писателя, однако, ракурс рассмотрения такой специфической проблематики как миссионерский смысл аксиологии Ф.М. Достоевского, которой и посвящено наше научное исследование, не актуализирован в других работах достоевковедов в полной мере. Внимательно проанализировав уже существующие тексты ученых, так или иначе, относящиеся к теме нашего исследования, мы условно разделили их на несколько частей, в большей мере, акцентируя внимание на содержательной компоненте, чем на хронологической. Важнейшее место в общем числе источников принадлежит непосредственно самим произведениям Ф.М. Достоевского. В нашей научной работе главным литературным источником является академическое тридцатитомное издание, опубликованное в тридцати трех книгах полного собрания сочинений писателя [Достоевский, 1972-1990, Т. 1]. Для всестороннего анализа, раскрывающего характерные особенности личности и некоторые существенные аспекты философского мировоззрения Ф.М. Достоевского, по нашему мнению, необходимо обращение к Дневникам и личным письмам самого писателя Ф.М. Достоевского к различным людям. В этой связи, особенно важны и интересны в контексте выявления личностных особенностей, его переписка со своей женой, а также «Воспоминания» А.Г. Достоевской о нем [Достоевская, 2015]. Не меньшее значение имеют работы литературных критиков, литераторов, русских философов, религиозных мыслителей, богословов, биографов, историков и других людей, интересующихся писательским наследием Ф.М. Достоевского, как его современников и ближайших по времени жизни, так и отнесенные по времени на сто и двести лет, для большей объективности, поскольку только проверенное временем все великое отчетливее видится на расстоянии.

Итак, опираясь на проведенный нами анализ источников и материалов приближенных к теме нашей научной работы и составляющих определенную пользу для ее реализации объектом нашего научного исследования становится аксиология в литературном наследии Ф.М. Достоевского, исследуемая в контексте философии экзистенциализма и христианской антропологии. Предметом нашей научной работы стало выявление и анализ миссионерского смысла аксиологии Ф.М. Достоевского в свете христианской антропологии. Исходя из вышеизложенного, основную цель нашего научного исследования можно сформулировать следующим образом. На междисциплинарном уровне выявить существенные особенности и смысл аксиологии Ф.М. Достоевского, а также раскрыть место и значение аксиологии в миссионерской теории и практике в свете христианской антропологии и в контексте философии экзистенциализма, основываясь на изучении и анализе литературного наследия Ф.М.

Достоевского святыми отцами Церкви, учеными XIX, XX веков, а также рассмотрении работ современных изучателей творчества писателя – филологов, философов, богословов и других ученых. Для всестороннего и наиболее основательного постижения данной научной проблемы нам представилось необходимым на междисциплинарном уровне осуществить решение следующих задач: во-первых, выявить миссионерский смысл аксиологии Ф.М. Достоевского; во-вторых, провести сопоставительный анализ основных положений аксиологии гуманистической философии и христианской антропологии; в-третьих, акцентировать внимание на примерах из произведений Ф.М. Достоевского, раскрывающих суть аксиологической проблематики; в-четвертых, осмыслить основные причины выбора ложных ценностей героями произведений Ф.М. Достоевского; в-пятых, указать насколько этот опыт междисциплинарного анализа можно использовать в современной миссионерской практике.

Существенной и неотъемлемой компонентой в последовательном обосновании актуальности нашей научной работы о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского является наличие продуманной теоретико-методологической основы. В анонсируемом в этой статье нашем научном исследовании такой основой послужили существенные положения и выводы многочисленных литературоведов, филологов, философов, историков, богословов и других ученых, исследовавших вопросы аксиологии в произведениях Ф.М. Достоевского. В этой связи нами были рассмотрены и проанализированы материалы церковных изданий, филологические, литературоведческие, философские, исторические и богословские работы, гипотезы и выводы которых сформулированы и зафиксированы в научных трудах ученых XIX, XX веков и современных исследователей, так или иначе, связанные с темой нашей научной работы.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, научная новизна нашего анонсируемого исследования сформулирована нами следующим образом. Несмотря на то, что некоторые аспекты темы нашей научной работы уже исследовались и изучались, однако специфика применяемого междисциплинарного рассмотрения и анализа избранной нами проблематики позволяет утверждать, что достаточно много вопросов в рамках сформулированной нами темы все еще требуют своевременных актуальных ответов. Новизна представляемой работы определяется важностью комплексного изучения миссионерского смысла аксиологии Ф.М. Достоевского в свете христианской антропологии на междисциплинарном уровне, и состоит, прежде всего, в том, что, основывается на изучении текстов самого Ф.М. Достоевского, трудов святых отцов Церкви и других исследователей творческого наследия Ф.М. Достоевского и носит междисциплинарный характер. В свою очередь, наша научная работа вносит оригинальный вклад в современное осмысление православной аксиологии. Это относится, в том числе, и к актуализации миссионерских смыслов аксиологии Ф.М. Достоевского и учения о человеке в свете христианской антропологии.

Наряду с уже заявленными параметрами в последовательном обосновании актуальности нашего научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского важно наличие позитивных результатов в его реализации. Нужность самостоятельно осуществленной научной работы уже подтверждена нами в теоретическом и научно-практическом плане. Конкретизируя заявленное утверждение, мы констатируем тот факт, что теоретическая и научно-практическая значимость анонсируемого презентуемого в этой статье нашего научного исследования и его теоретические результаты уже подтверждены в реальном времени. По нашему мнению, в самом конспективном формате все они могут быть обобщены и сформулированы следующим образом: научно-теоретическое значение научной работы состоит, прежде всего, в том, что ее основные положения и выводы уже используются нами, а

также будут применены нами в дальнейшем изучении миссионерского смысла аксиологии по произведениям Ф.М. Достоевского, в частности, в рамках нашей дальнейшей развивающейся научно-исследовательской деятельности в области философии и нравственного богословия. В свою очередь, практическая значимость научного исследования и его научно-практическое значение состоят, прежде всего, в возможности применения основных результатов анонсируемого в этой статье нашего работы как в целом, так и в ее различных компонентах в преподавательской и просветительской деятельности, в первую очередь, в высших учебных заведениях. В частности, это уже осуществляется нами в режиме реального времени при чтении лекционных курсов в рамках учебной программы, проведении семинарских и практических занятий со студентами, факультативной работе научных сообществ студентов в рамках программ по философии, культурологии, психологии, истории России, основ российской государственности, обществознанию и других гуманитарных дисциплин; занятий, посвященных формированию гражданственности, патриотического воспитания; миссионерских бесед в храме, в рамках программ по катехизации, основам православной культуры; проповеди в Храме; занятий для детей и взрослых в Воскресной школе; для преподавания в государственных образовательных учреждениях, в том числе, общеобразовательных школах, лицеях, гимназиях. Результаты данной исследовательской работы могут быть использованы в преподавательской деятельности в светских и духовных учебных заведениях, в том числе, кафедрах теологии в вузах, в Православных Духовных семинариях при разработке курсов лекций, семинарских и практических занятий в рамках преподавания нравственного богословия, философии и других учебных дисциплин, поскольку тема нашей работы имеет междисциплинарный характер и затрагивает многие важные мировоззренческие вопросы, рассматривая их с позиций христианской антропологии. В то же время, в связи с тем, что тема презентуемого научного исследования входит в сферу наших многолетних интересов, основные части данной работы уже стали и станут в дальнейшем основанием для наших научных статей, выпускной квалификационной работы, дипломной работы, диссертационных исследований, а также получают свое развитие в наших дальнейших научно-исследовательских и научно-просветительских трудах.

В финале последовательного обоснования актуальности нашего исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского мы должны показать, что важнейшие содержательные компоненты и базовые теоретические и практические результаты исследования получили апробацию и были зафиксированы в нашей многолетней самостоятельной научной и практической педагогической деятельности. Помимо прочего и уже отраженного в тексте этой статьи, основные теоретические и практические результаты представляемой работы отражены во многих наших опубликованных рецензируемых научных трудах. В том числе, основные наши идеи непосредственно по презентуемой сейчас самостоятельно разрабатываемой теме, можно найти в следующих наших научных публикациях, в числе которых: «Миссионерский смысл и значение понимания духовно-нравственных и антропологических аспектов наследия Ф.М. Достоевского выдающимися богословами Сербской Православной Церкви с точки зрения основных понятий христианской антропологии в историко-философской перспективе» [Неганов, 2020]; «Историко-философские аспекты миссионерского смысла аксиологии Ф.М. Достоевского и христианская антропология» [Неганов, 2021 (а)]; «О духовно-нравственных аспектах преподавания философии в Высших учебных заведениях» [Неганов, 2021 (б)]; «Особенности интеграции традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации (образовательные, психолого-педагогические, воспитательные, духовно-нравственные аспекты)» [Неганов, 2022]. Все вышеперечисленные в

представленной статье результаты апробации в сферах практической и теоретической реализации актуальности нашей анонсируемой научной работы являются лишь незначительной частью обоснований ее значимости и своевременности.

Заключение

Итак, подытоживая, отметим, что данная статья представляет собой анонс и своеобразную презентацию нашего самостоятельно выполненного научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского. Важно обратить внимание, что в наши задачи не входило «объять необъятное» и «исчерпать неисчерпаемое», мы только сфокусировали внимание на самом существенном аспекте творческого мирозерцания Ф.М. Достоевского и указали на актуальность и нужность такого пристального внимания к сформулированной нами проблеме в современном социуме. Последовательное обоснование новизны темы и актуальности нашей работы позволили нам сформулировать выводы о содержащихся в литературном наследии великого писателя и христианского мыслителя миссионерском смысле, суть которого раскрывается через персонажей его произведений и их ценностный выбор. В этой связи можно с уверенностью утверждать, что «миссионерский смысл литературных произведений Ф.М. Достоевского состоит, прежде всего, в том, что через нравственный выбор героев своих литературных произведений, он разъясняет современному человеку глубинные смыслы христианской аксиологии» [Неганов, 2021, (а), 126].

Таким образом, кратко рассмотрев в нашей статье обоснование актуальности научного исследования о миссионерском смысле аксиологии Ф.М. Достоевского, можно вполне определенно и ответственно подтвердить выдвинутый нами тезис. Действительно, миссионерский смысл произведений Ф.М. Достоевского состоит, прежде всего, в том, что, разоблачая ложные ценности мира, он предлагает ценности духовные и конструктивные, которые раскрывают лучшее из того, что есть в человеке, и являются прочным фундаментом общественных отношений. По нашему мнению, в процессе анонсируемой ныне научно-исследовательской работы мы обнаружили и обосновали, что Ф.М. Достоевский как миссионер и апостол показывает каждому современному человеку, что единственным актуальным путем духовно-нравственного обновления и совершенствования человека является Христос. Миссионерство по Ф.М. Достоевскому, можно усвоить как путеводство ко Христу Христом через Христа: «нравственный образец и идеал есть у меня, дан, Христос» [Достоевский, 1984, Т. 27, 56]. Основным итогом нашего презентуемого научного исследования и данной статьи является вывод о миссионерской значимости, актуальности, своевременности и современности аксиологии философско-литературного наследия Ф.М. Достоевского – гениального мыслителя и патриота России [Путин <...>, 2021] для обычного современного человека, миссионера, богослова, философа, исследователя.

Библиография

1. Байдакова М.Ю. Проблема воли в философии и христианской антропологии: дис. ... канд. философ. наук. М., 2008. 233 с.
2. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2020. 1337 с.
3. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 462 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 1-30.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1984. Т. 27. 464 с.
6. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html>

7. Неганов В.В. Историко-философские аспекты миссионерского смысла аксиологии Ф.М. Достоевского и христианская антропология // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2021. Вып. XIII. С. 116-128.
8. Неганов В.В. Миссионерский смысл и значение понимания духовно-нравственных и антропологических аспектов наследия Ф.М. Достоевского выдающимися богословами Сербской Православной Церкви с точки зрения основных понятий христианской антропологии в историко-философской перспективе // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2020. Вып. X. С. 93-106.
9. Неганов В.В. О духовно-нравственных аспектах преподавания философии в Высших учебных заведениях // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 186-188.
10. Неганов В.В. Особенности интеграции традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации (образовательные, психолого-педагогические, воспитательные, духовно-нравственные аспекты) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6 А. С. 59-71.
11. Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы участников III Международного православного молодежного форума. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5257008.html>
12. Путин назвал Достоевского гениальным мыслителем. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/11/11/n_16839463.shtml

Consistent substantiation of the relevance of scientific research on the missionary meaning of F.M. Dostoevsky's axiology

Vladimir V. Neganov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Social and Humanitarian
Sciences and Technologies,
National Research Moscow State University of Civil Engineering,
129337, 26, Yaroslavskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Abstract

The article is an announcement and a kind of presentation of the scientific research work of its author on the missionary meaning of the axiology of F.M. Dostoevsky. Consistent substantiation of the novelty of the topic and the relevance of scientific research allows its author to formulate conclusions about the missionary meaning contained in the literary heritage, the essence of which is revealed through the characters in the works of the great writer and Christian thinker. According to the author of the scientific study, F.M. Dostoevsky, as an apostle, shows every modern person that the only relevant path for the spiritual and moral renewal and improvement of man is Christ. Missionary work according to F.M. Dostoevsky can be understood as a guide to Christ by Christ through Christ. The basis of this scientific article is a comprehensive summary presentation at the interdisciplinary level of the most important meanings of value priorities in the works of F.M. Dostoevsky and spiritual and moral issues, which, according to the author, are in direct connection with the writer's axiology. Summarizing the main results of his scientific work, the author of the announced scientific research concludes that the study at the interdisciplinary level of the literary work of F.M. Dostoevsky can be considered as socially significant, and can be offered to a person not only in the context of scientific-theoretical, but also practical the importance of co-understanding the axiology of F.M. Dostoevsky and Christian anthropology.

For citation

Neganov V.V. (2024) Posledovatel'noe obosnovanie aktual'nosti nauchnogo issledovaniya o missionskom smysle aksiologii F.M. Dostoevskogo [Consistent substantiation of the relevance of scientific research on the missionary meaning of F.M. Dostoevsky's axiology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 75-82. DOI: 10.34670/AR.2024.19.43.004

Keywords

Philosophy, F.M. Dostoevsky, Orthodoxy, spiritual and moral education, missionary, axiology, freedom, responsibility, modernity, Christian anthropology.

References

1. Baidakova M.Yu. (2008) *Problema voli v filosofii i khristianskoi antropologii. Doct. Dis.* [The problem of will in philosophy and Christian anthropology. Doct. Dis.]. Moscow.
2. (2020) *Bibliya* [The Bible]. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ.
3. Dostoevskaya A.G. (2015) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ.
4. Dostoevskii F.M. (1972-1990) *Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka Publ. Vols. 1-30.
5. Dostoevskii F.M. (1984) *Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 27.
6. *Kontseptsiya missionskoi deyatelnosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [The concept of missionary activity of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> [Accessed 02/02/2024]
7. Neganov V.V. (2021) Istoriko-filosofskie aspekty missionskogo smysla aksiologii F.M. Dostoevskogo i khristianskaya antropologiya [Historical and philosophical aspects of the missionary meaning of F.M. Dostoevsky's axiology and Christian anthropology]. *Trudy Belgorodskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii (s missionskoi napravlennost'yu)* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation)], XIII, pp. 116-128.
8. Neganov V.V. (2020) Missionskii smysl i znachenie ponimaniya dukhovno-nravstvennykh i antropologicheskikh aspektov naslediya F.M. Dostoevskogo vydayushchimisya bogoslovami Serbskoi Pravoslavnoi Tserkvi s tochki zreniya osnovnykh ponyatii khristianskoi antropologii v istoriko-filosofskoi perspektive [The missionary meaning and significance of understanding the spiritual, moral and anthropological aspects of the heritage of F.M. Dostoevsky by outstanding theologians of the Serbian Orthodox Church from the point of view of the basic concepts of Christian anthropology in a historical and philosophical perspective]. *Trudy Belgorodskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii (s missionskoi napravlennost'yu)* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation)], X, pp. 93-106.
9. Neganov V.V. (2021) O dukhovno-nravstvennykh aspektakh prepodavaniya filosofii v Vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [On the spiritual and moral aspects of teaching philosophy in higher educational institutions]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 10, 1 (34), pp. 186-188.
10. Neganov V.V. (2022) Features of the integration of traditional Christian values into the higher education system of the Russian Federation (educational, psychological, pedagogical, educational, spiritual and moral aspects) [Features of the integration of traditional Christian values to the system of higher education of the Russian Federation (educational, psychological and pedagogical, spiritual and moral aspects)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 59-71.
11. *Otvety Svyateishego Patriarkha Kirilla na voprosy uchastnikov III Mezhdunarodnogo pravoslavnnogo molodezhnogo foruma* [Answers of His Holiness Patriarch Kirill to questions from participants of the III International Orthodox Youth Forum]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5257008.html> [Accessed 02/02/2024]
12. *Putin nazval Dostoevskogo genial'nym myslitelem* [Putin called Dostoevsky a brilliant thinker]. Available at: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/11/11/n_16839463.shtml [Accessed 02/02/2024]

УДК 1:316

DOI: 10.34670/AR.2024.39.66.005

Своеобразие интерпретации личностной идентичности в историко-философском контексте

Смирнов Сергей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
завкафедрой философии и социологии,

Елабужский институт (филиал)

Елабужский институт,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;

e-mail: sunstability@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей интерпретации личностной идентичности на отдельных этапах развития общества. Обосновывается актуальность осмысления особенностей становления личностной идентичности как процесса, реализация которого обусловлена мировоззрением и социальным дискурсом эпохи, в которой существует человек. Дается определение личностной идентичности как совокупности целей, взглядов, мотивов и смысложизненных установок, дающих основание индивиду осознавать себя в качестве уникального субъекта деятельности. Характеризуются особенности сущностной трансформации представлений о личностной идентичности на отдельных этапах развития общества. В результате исследования делается вывод о том, что становление личностной идентичности обусловлено изменением представлений человека о творческой роли разума как средства познания окружающего мира и самого себя: от отношения к нему как способу постижения нравственных добродетелей, до представлений о нем как средстве познания божественной воли; от взглядов на разум как двигатель социального прогресса, до отношения к нему как качеству, формирующему, на основе мнения социальной группы, представления человека о самом себе.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов С.В. Своеобразие интерпретации личностной идентичности в историко-философском контексте // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 83-88. DOI: 10.34670/AR.2024.39.66.005

Ключевые слова

Личностная идентичность, мировоззрение, социальный дискурс, общество, человек, разум.

Введение

Проблема личностной идентичности (самоидентичности) является одним из важных объектов философского и научного исследования. Обусловлено это тем, что человек, как существо, обладающее индивидуальностью, собственным мировоззрением и ценностями, является создателем материальных и духовных благ, двигателем социального прогресса, существом, определяющим ход и направленность истории.

Актуальность осмысления данной проблемы возрастает в связи с процессом глобализации, угрожающим человеку утратой своей индивидуальности, размыванием национальной идентичности и культурной самобытности. Это приводит к тому, что «...люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, а на основе того, кем они являются...» [Кастельс, 2000, 27].

Под личностной идентичностью мы понимаем единство целей, смысложизненных установок, мотивов, взглядов, позволяющих индивиду осознавать свою уникальность как субъекта деятельности.

Личностная идентичность не дается человеку изначально. Ее формирование осуществляется в процессе его жизни и деятельности, во многом, этот процесс обусловлен мировоззрением и социальным дискурсом эпохи, в которой он живет.

Рассмотрим особенности интерпретации личностной идентичности в историко-философском контексте.

Основная часть

Проблема определения личностной идентичности (самоидентичности) берет начало уже в античности и была связана с необходимостью определения субстанциальных качеств человека как уникального существа, занимающего особое место в окружающем мире.

Так, по мнению Сократа – мыслителя, положившего начало осмыслению антропологической проблематики в мировой философии, человек есть разумное существо, обладающее добродетелями. Разум позволяет ему отличать добро от зла и, тем самым, добиваться счастья [Сократ о человеке и человеческих ценностях, www].

Для Платона – человек есть синтез души и тела. Душа превосходит тело, поскольку она способна существовать независимо от него, перемещаясь после смерти человека в мир абстрактных сущностей – Идей. Душа представляет собой синтез добродетелей мудрости, воли и воздержания. Первое место среди этих добродетелей принадлежит добродетели мудрости. Благодаря наличию ума, человек способен генерировать идеи и с их помощью познавать реально существующие вещи [Платон, 2014, 216].

У Аристотеля человек – существо, способное, благодаря наличию разума, разграничивать понятия добра и зла, справедливости и несправедливости, т.е., являющееся носителем моральных качеств. Для него характерно инстинктивное стремление к объединению с другими людьми, к совместной жизни и деятельности. При рождении люди между собой не равны. Осознание этого неравенства лежит в основе разграничения социальных функций, определения человеком своего места в обществе.

В трудах Плотина, социальная самоидентичность человека выражается через так называемую «ипостась», под которой философ понимает триединство онтологических субстанций: Единого, Ума и Души. Сам человек включает в себя два уровня: истинное и неистинное Я. Первый уровень связан с существованием человека в подлунном мире, второй –

с его посмертным бытием. Объединяющим два начала элементом является разум, благодаря которому человек способен постигать Единое как абстракцию высшего порядка, объединяющую и порождающую все существующее.

Для средневековья, с его христианской теологией, характерно отношение к человеку как к существу, созданному по образу и подобию Бога. Единство с Творцом объяснялось наличием у человека разумной души, благодаря которой он может познать его Промысел.

Так, Аврелий Августин в своем сочинении «О граде Божьем» пишет: «Итак, Бог создал человека по образу Своему. Ибо Он сотворил ему такую душу, (благодаря) которой человек по уму и пониманию превосходил бы всех животных земных, водных и летающих, не имевших подобного ума» [Блаженный Аврелий Августин, www].

У Фомы Аквинского основой индивидуальной идентичности является способность человека к познанию. Весь мир есть результат божественного творения, воплощенного в существующих вещах. Познавая вещи, человек приоткрывает завесу божественного замысла [Гусев, 2014, 106]. Задача познания – постижение, посредством проявления божьей милости как награды за богоугодный образ жизни способности к трансцендентному созерцанию Бога на небесах. Поскольку инструментом познания является разум, человек должен непрестанно его разрабатывать. Приумножение знания оказывает особую услугу религии, укрепляя веру человека в исходную причину всего существующего – творящего всемогущего Бога.

В Новое время появляется идея социального прогресса как процесса, связанного с совершенствованием производительных сил, с развитием науки и техники. Появление этой идеи способствовало изменению общественного сознания, трансформации представлений о личной идентичности человека.

Так, у Вольтера человек – это общественное существо, живущее в социуме и тесно взаимодействующее с другими людьми.

«Моя цель – пишет философ, – изучить человека, живущего в обществе; не могу в нем жить, если не существует общество вне нас» [Лазаревич, 2015, 353].

Ж. Тюрго личностную идентичность видел в отношении к человеку как существу, эволюция разума которого является критерием общественного прогресса, феноменом, определяющим быт и нравы эпохи. «Мы попытаемся, – пишет философ, – только показать непрерывность прогресса человеческого разума. И некоторые размышления о зарождении, развитии и об изменении наук и искусств, расположенные в порядке исторических фактов, образуют весь план этой речи... Гений действует непрерывно и его влияние становится заметным» [Анн-Роберт Жак Тюрго, 1937, 55].

Подобные взгляды разделял Ж. Кондорсе, утверждающий, что важнейшими качествами человека являются присутствующие в его сознании идеалы индивидуальной свободы, равенства, справедливости и самодостаточности. Прогресс есть продукт развития коллективного разума, который, подобно губке, впитывает в себя лучшие достижения человечества [Прогресс человеческого разума и его стадии. Теория Жана Антуана де Кондорсе, www].

В Новейшее время появляются идеи, рассматривающие формирование самоидентичности как результат самопознания, взаимодействия человека с социальной группой.

Согласно Дж. Миду, формирование личностной идентичности осуществляется благодаря осмысленной коммуникации человека с другими людьми. Иными словами, формирование представлений о самом себе и окружающих происходит в результате обмена символами и создания смыслов. Смыслы представляют собой симулякры действительности, т.е. образы объективной реальности, сознательно конструируемые и непрерывно трансформирующиеся в

ходе социального взаимодействия.

Дж. Мид сравнивает общество с бейсбольной командой, где каждый человек, как командный игрок, усваивает определенную роль и взаимодействует с другими такими же «игроками».

Н. Смелзер в этой связи отмечал: «Люди не реагируют непосредственно на взаимодействия внешнего мира наподобие лягушки, которая автоматически выбрасывает язык, когда слышит жужжание мухи. Вместо этого люди придают определенные значения получаемым стимулам и реагируют в большей степени на эти значения, или символы, а не на сами стимулы. В числе символов, на которые реагируют люди, могут быть слова, предметы, дистанция, на которой общаются люди, выражение их лиц и поступки...» [Символический интеракционизм, как методологическая основа исследования коммуникации, www].

У Г. Блумера человек – существо, находящееся в процессе постоянного изменения своего «Я». «Я» включает в себя два уровня. Первый носит название «Я-импульсивное». Вторым – «Я-рефлексивное». Первый уровень представляет собой совокупность спонтанных, нешаблонных действий, совершаемых человеком, второй – осмысленную деятельность, направляющую и сдерживающую импульсивное «Я». Поведение человека – есть результат его отношения к вещам, представления о которых «Я-рефлексивное» получает в ходе интеракции (взаимодействия) человека со своим социальным окружением.

Для Ю. Хабермаса личностная идентичность – это способность человека оставаться самим собой, ориентируясь на общественные ценности.

Во взаимодействии со своим социальным окружением, человек должен соответствовать нормативным ожиданиям общества, в условиях индивидуального бытия – стремиться к выражению своей уникальности, неповторимости [Хабермас, 1999].

Личностная идентичность у Ю. Хабермаса связана с идентичностью социальной. В совокупности, они представляют два измерения человеческой природы: горизонтальное (социальная идентичность) и вертикальное (личностная идентичность).

Горизонтальное измерение утверждает способность человека выполнять разнообразные требования в ролевых системах, вертикальное – характеризует связность этапов собственной жизни.

Становление личностной субъектности, таким образом, представляет собой процесс, связанный с эволюцией представлений человека о творческой роли разума, как средства постижения окружающего мира и самого себя. Если в Античности человек предстает как существо способное к различению добра и зла, к познанию мира абстрактных сущностей, воплощенных в образах Идеи и Единого, то в Средние века человек – синтез тела и разумной души, посредством которой он постигает волю Творца. Новое время характеризует человека как социальное существо, разумная деятельность которого способствует приумножению общественного блага. В настоящее время формирование личностной идентичности предстает как единство самопознания и взаимодействия человека со своим социальным окружением.

Заключение

Рассмотрение особенностей интерпретации самоидентичности в историко-философском контексте позволяет нам сделать следующие выводы.

1. В трудах античных философов личностная идентичность объяснялась единством разума и души человека, осознанием его принадлежности к абстрактному идеальному миру, частью которого он являлся. Базисным элементом самоидентичности здесь является разум, как

качество, с помощью которого человек познает Сущее (Единое).

2. В Средние века, человек рассматривается как существо, созданное по образу и подобию божьему, познавательные способности которого дают возможность приблизиться к постижению божественной сущности, к обретению возможности трансцендентного созерцания Творца. Разум человека предстает как инструмент приумножения знаний о Нем, как способ укрепления веры.

3. В Новое время, с развитием идеи социального прогресса, теоцентрическая интерпретация самоидентичности уступает место представлениям о человеке как существе общественном, разумная деятельность которого является критерием развития социума, позволяет реализовывать присутствующие в его сознании идеалы свободы, равенства и справедливости.

4. В Новейшее время, личностная идентичность – это социально конструируемый феномен, результат синтеза представлений человека о самом себе, социальной группы, частью которой он является. Самоидентичность здесь формируется в результате взаимодействия людей, усвоения индивидом выработанного в процессе коммуникации непрерывно изменяющегося комплекса символических образов объективного мира.

Библиография

1. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
2. Гусев Д.А. Удивительная философия. М.: ЭНАС-КНИГА, 2014. 272 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. 608 с.
4. Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. Минск, 2015. 537 с.
5. Основные мысли политико-правового учения Аристотеля. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/filosofija/istorija-politicheskikh-i-pravovykh-uchenij/mysli-politiko-pravovogo-uchenija-aristotelya/>
6. Платон. Диалоги. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 448 с.
7. Прогресс человеческого разума и его стадии. Теория Жана Антуана де Кондорсе. URL: <http://concepture.club/post/filosofskie-konceptii-istoricheskogo-processa/statja-1-progress-chelovecheskogo-razuma-i-ego-stadii-teorija-zhana-antuana-de-kondorse>
8. Символический интеракционизм, как методологическая основа исследования коммуникации. URL: <https://studfile.net/preview/1611057/>
9. Сократ о человеке и человеческих ценностях. URL: http://www.abccba.ru/socrat_6.php#:~:text=%D0%
10. Тюрго А.Р.Ж. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 190 с.
11. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности: философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. 415 с.

Originality of interpretation of personal identity in the historical and philosophical context

Sergei V. Smirnov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology,
Yelabuga Institute,
Kazan (Volga Region) Federal University,
423604, 89, Kazanskaya str., Yelabuga, Russian Federation;
e-mail: sunstability@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the interpretation of personal identity at certain stages of the development of society. The relevance of understanding the peculiarities of the formation of personal identity as a process, the implementation of which is determined by the worldview and social discourse of the era in which a person exists, is substantiated. A definition of personal identity is given as a set of goals, views, motives and life goals that give the individual the basis to recognize himself as a unique subject of activity. The features of the essential transformation of ideas about personal identity at certain stages of the development of society are characterized. As a result of the study, it is concluded that the formation of personal identity is due to a change in a person's ideas about the creative role of the mind as a means of knowing the world around him and himself: from treating it as a way of comprehending moral virtues, to ideas about it as a means of knowing the divine will; from views on reason as the engine of social progress, to the attitude towards it as a quality that forms, on the basis of the opinion of a social group, a person's idea of himself.

For citation

Smirnov S.V. (2024) Svoeobrazie interpretatsii lichnostnoi identichnosti v istoriko-filosofskom kontekste [Originality of interpretation of personal identity in the historical and philosophical context]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 83-88. DOI: 10.34670/AR.2024.39.66.005

Keywords

Personal identity, worldview, social discourse, society, man, mind.

References

1. *Blazhennyi Avrelii Avgustin. O grade Bozh'em* [Blessed Aurelius Augustine. About the city of God]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ [Accessed 02/02/2024]
2. Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [Information era: economics, society, culture]. Moscow.
3. Gusev D.A. (2014) *Udivitel'naya filosofiya* [Amazing philosophy]. Moscow: ENAS-KNIGA Publ.
4. Habermas J. (1999) *V poiskakh natsional'noi identichnosti: filosofskie i politicheskie stat'i* [In search of national identity: philosophical and political articles]. Donetsk: Donbass Publ.
5. Lazarevich A.A. (2015) *Stanovlenie informatsionnogo obshchestva: kommunikatsionno-epistemologicheskie i kul'turno-tsivilizatsionnye osnovaniya* [The formation of the information society: communication-epistemological and cultural-civilizational foundations]. Minsk.
6. *Osnovnye mysli politiko-pravovogo ucheniya Aristotelya* [The main thoughts of the political and legal teachings of Aristotle]. Available at: <https://zachnik.com/spravochnik/filosofija/istorija-politicheskikh-i-pravovykh-uchenij/mysli-politiko-pravovogo-uchenija-aristotelya/> [Accessed 02/02/2024]
7. Plato (2014) *Dialogi* [Dialogues]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ.
8. *Progress chelovecheskogo razuma i ego stadii. Teoriya Zhana Antuana de Kondorse* [Progress of the human mind and its stages. Theory of Jean Antoine de Condorcet]. Available at: <http://concepture.club/post/filosofskie-koncepcii-istoricheskogo-processa/statja-1-progress-chelovecheskogo-razuma-i-ego-stadii-teoriya-zhana-antuana-de-kondorse> [Accessed 02/02/2024]
9. *Simvolicheskii interaksionizm, kak metodologicheskaya osnova issledovaniya kommunikatsii* [Symbolic interactionism as a methodological basis for the study of communication]. Available at: <https://studfile.net/preview/1611057/> [Accessed 02/02/2024]
10. *Sokrat o cheloveke i chelovecheskikh tsennostyakh* [Socrates about man and human values]. Available at: http://www.abccba.ru/socrat_6.php#:~:text=%D0% [Accessed 02/02/2024]
11. Turgot A.R.J. (1937) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* []. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ.

УДК 304.2 304.3 304.5

DOI: 10.34670/AR.2024.66.68.006

Традиции и инновации в волонтерской деятельности

Егошин Вадим Игоревич

Аспирант,
ассистент кафедры социальной работы,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: vadim.egoshin@mail.ru

Аннотация

В данной статье был проведен анализ традиций и инноваций в волонтерской деятельности. Выявлено, что традиции имеют глубокие исторические корни и играют важную роль в формировании духовных оснований волонтерской деятельности. Значимыми в формировании современного волонтерского движения являются солидарность, активность, взаимопомощь, благородство и ощущение своей причастности к «общему делу», как у Н.Ф. Федорова. Волонтер современного общества предстает как человек неравнодушный, активный, бескорыстный, желающий своими усилиями привнести в мир больше света, тепла и добра, так как всегда рядом есть люди, которые нуждаются в самой разной помощи. Потенциал цифровых технологий позволяет привлекать в волонтерскую деятельность людей самых разных профессий и возрастов. Волонтерская деятельность востребована всегда, является одной из самых доступных и благородных форм помощи людям. Таким образом, волонтерство играет важную роль в формировании гражданского общества и активной гражданской позиции. В этой работе мы проанализировали традиции и инновации в волонтерской деятельности, а также пришли к выводу, что традиции и инновации являются неотъемлемой частью волонтерской деятельности. Важно помнить, что есть тот духовный опыт поколений и традиции, которые не исчезают, а преобразуясь адекватно современным условиям, продолжают вдохновлять людей на благие дела и поступки, на которых из века в век строится вся добровольческая деятельность.

Для цитирования в научных исследованиях

Егошин В.И. Традиции и инновации в волонтерской деятельности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 89-95. DOI: 10.34670/AR.2024.66.68.006

Ключевые слова

Волонтерство, волонтерская деятельность, традиции, инновации, общество.

Введение

Современный мир подвержен самым разным изменениям и существует множество социальных и политических процессов, которые претерпевают динамичные трансформации, становясь предметом теоретического осмысления. Мы считаем, что на этом этапе крайне важно изучить такое явление как волонтерство, его влияние на общество, так как через призму волонтерства можно проследить самые сложные социокультурные и политические проблемные ситуации. Поэтому, прежде всего, обратимся к понятию «волонтерства».

Следует отметить, что по мнению исследователей Д.Ю. Ботнарй и Г.О. Даракчян, под волонтерством понимают деятельность, которая осуществляется добровольно, безвозмездно и нацелена на решение социально значимых задач, общественных проблем [Ботнарй, Даракчян, 2020]. И, безусловно, волонтерская деятельность крайне актуальна в настоящее время, время динамичных трансформаций и информационных технологий, когда продолжают появляться новые виды социальных проблем, даже включая тот же самый кибербуллинг. В этой связи следует указать, что волонтерская деятельность выступает механизмом социальной помощи, как для государства, так и для общества.

Основная часть

Перейдем к исследованию влияния волонтерства в аспекте традиций и инноваций в обществе. Отечественное волонтерство имеет глубокие исторические корни, где традиционный уклад и общинное хозяйство предполагали повсеместную взаимопомощь и готовность поддержать друг друга «в горе и в радости». Активность и готовность помогать в самых тяжелых ситуациях, связанных с засухой (борьба за урожай), эпидемиями (лечить людей, ухаживать за больными), пожары, когда горят целые деревни (помочь едой, одеждой, материалами для строительства) и т.д. Сама жизнь как испытание, посланное людям, заставляла людей активизироваться и держаться друг за друга. Потому что по тем временам все понимали, что каждый может оказаться в такой тяжелой ситуации и в одиночку выжить невозможно. Только сообща, коллективно, все вместе, поддерживая друг друга, можно перебороть и природную стихию, и войны, и эпидемии. Сила русского народа именно в духовном единении, которые корнями уходят вглубь истории [Хабибуллина, 2023].

Общество трансформируется, оно далеко ушло от традиционных начал. Основы добровольческого движения и волонтерства в современном информационном обществе получают новый посыл [Зуева, 2016]. Однако, главным остается то, что масштаб сфер приложения человеческого потенциала с целью улучшения, облагораживания, с благими намерениями становится больше. С уверенностью можно констатировать, что людей, желающих протянуть руку помощи, добровольно принимать участие в различных благотворительных акциях и мероприятиях, становится все больше. Притом, что речь не только о молодежи. В ряды волонтеров, с большим желанием и ответственностью, включаются люди старшего поколения, опыт которых в определенных направлениях работы, неоценим.

Волонтерство распространено среди студенческой молодежи, и следует отметить, что именно в этой социально-демографической группе существует высокий уровень мотивации помогать людям. Представители студенческой молодежи, как правило, начинают свою деятельность еще в учебной организации, пытаясь создать сообщество единомышленников. По мнению исследователей Л.В. Козиловой и В.А. Чвякинова, волонтерское движение направлено

на формирование и развитие социальной активности, повышение уровня ответственности, воспитание верности, честности, справедливости, терпимости, дружбы, добра и трудолюбия [Козилова, Чвякин, 2021]. И безусловно с этим нельзя не согласиться, ведь волонтерская деятельность, на самом деле, оказывает положительное влияние на формирование всесторонне развитой личности, а также позволяет осознать свою причастность в общее благородное дело, за будущее страны и общества, в котором он живет [Хабибуллина, 2021]. В этой связи крайне важно изучить функции волонтерства.

Отметим, что функции волонтерства связаны с помощью людям и обществу. Волонтерство, как правило, связано с безвозмездной помощью, деятельностью, выполнением разных действий, чтобы помочь другим. Эти действия разнообразны и полезны. Во-первых, функция волонтерства – это поддержка, в первую очередь, тех, кто нуждается в помощи. Волонтеры помогают бедным, больным и тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Они посещают больницы, приюты для бездомных, помогают продуктами питания, одеждой или просто беседуют с людьми, которым нужна моральная поддержка. Во-вторых, функция волонтерства – это помощь в охране окружающей среды. Волонтеры занимаются уборкой парков, пляжей, лесов и других природных мест. Они помогают сохранить природу, планету, а вместе с ними и наше общество. В-третьих, волонтерство способствует развитию общества. Люди, которые участвуют в волонтерских акциях, вносят свой вклад в улучшение образования, здравоохранения, культуры и других сфер жизни. Они проводят мероприятия, помогают в школах, библиотеках и других востребованных местах, чтобы помочь в организации мероприятий самой разной сложности. Таким образом, к функциям волонтерства можно отнести действия, которые помогают людям, окружающей среде и развитию общества.

Конечно, нельзя обойти стороной тот факт, что сами волонтеры сталкиваются с множеством проблем, которые по своей сути могут препятствовать их деятельности. Прежде всего, существует проблема, которая напрямую связана с тем, что само общество порой может недооценивать роль волонтеров. Все это ведет к тому, что сами волонтеры не только не получают должной социальной поддержки со стороны других людей, но и государственные органы не всегда оперативно реагируют на нужды волонтеров.

Отметим, что существует проблема низкого уровня координации действий волонтеров и нет какого-либо единого подхода к решению социальной проблемы, и в этом случае мы говорим о том, что нужны четкие программы, которые смогут стратегически координировать действия волонтеров. Сами волонтеры в основной своей массе настроены помогать обществу в решении социальных проблем, но все же, следует помнить, каждый человек хочет уважительного отношения. Волонтеры готовы в любое время дня и ночи ринуться на самые сложные участки работы. Поэтому должны существовать также службы, медицинские и психологические, готовые помочь не только оказавшимся в трудной ситуации, но и волонтерам, которые отдают свои силы и энергию во благо нуждающихся. Ведь, действительно, много ситуаций, когда волонтеры постоянно сталкиваются с людскими лишениями, горем и смертью. Ситуация, когда можно «перегореть», знакома многим волонтерам. По мнению исследователя И.В. Корниловой, волонтерство действительно становится областью, которая объединяет граждан и государство расширяет возможности их взаимодействия, порождает новые правовые отношения и правовые институты [Корнилова, 2020].

Безусловно, нельзя не упомянуть то, что в самой волонтерской деятельности существуют собственные традиции, которые заложены специальными организациями, такими как «Красный Крест». Такие мероприятия, как уборка улиц, к примеру, в рамках проведения субботников или

же помощь бедным людям в священные религиозные праздники, были заложены тоже на уровне традиций. Помимо этого, стоит указать, что на данный момент, в волонтерской деятельности крайне важен инновационный подход, который включает в себя использование цифровых технологий в решении масштабных проблем.

Следует констатировать, что волонтерство в современном мире претерпевает изменения и становится источником инноваций. Развитие информационных технологий и социальных сетей предоставляет волонтерам новые возможности для организации и координации работы. Новые технологии связывают людей, объединяют их усилия и эффективно распространяют информацию о возможностях волонтерской деятельности. Инновации также затрагивают процесс волонтерской работы. Внедрение современных систем учета и управления волонтерскими программами помогает организовать работу, отслеживать прогресс и результаты волонтеров, адаптировать программы под потребности общества. Традиции и инновации взаимосвязаны и дополняют друг друга. Традиции являются основой, передающей ценности и опыт, на которых строится общество. Инновации обновляют и обогащают волонтерское движение, способствуя его развитию и адаптации к современным вызовам. Как отмечают С.А. Микитась и Д.А. Кружков, на сегодняшний момент волонтерская деятельность является одним из основополагающих аспектов жизни населения, а также значимым социальным ресурсом современного общества [Микитась, 2020].

Сохранение традиций и внедрение инноваций имеют важное значение для общества. Традиции сплачивают людей и создают сильные сообщества. Инновации способствуют прогрессу, эффективному решению социальных проблем и достижению поставленных целей. Волонтерство также является площадкой для саморазвития и приобретения ценных навыков. Волонтеры учатся работать в команде, развивают лидерские качества, улучшают коммуникацию и организацию своей деятельности [Орлова, 2018]. В России существует множество онлайн-площадок, где волонтер может себя проявить. Это такие площадки, как: Добро.рф, АИС «Молодежь России». Именно на этих площадках человек может найти для себя интересных соратников и сферы интересов, которые позволят ему стать ближе к решению какой-либо важной социальной проблемы российского общества. Появление таких платформ свидетельствует о том, что цифровизация способствует широкому распространению и быстрой доступности информации по всем интересующим вопросам. Поэтому волонтерские организации активно используют интернет-пространство для популяризации и непосредственной работы по всем значимым направлениям современного волонтерства.

В отношении правовой базы волонтерства следует отметить, что добровольчество – это область, которую не следует всецело подчинять нормативным актам и государственным органам [Егошин, 2023]. И с этим нельзя поспорить, потому что область волонтерства не стоит подчинять только нормативно-правовой базе. Безусловно, должны быть механизмы стимулирования деятельности волонтерства, но прежде всего нужно помнить, что эта деятельность является бескорыстной и не обязательно требует какого-либо вознаграждения [Стрыгина, 2016].

Заключение

Волонтерские организации объединяют людей самых разных возрастов и профессий. Самое главное, что им всем присуще – это люди сопереживающие, которые хотят привнести частичку своей души с тем, чтобы мир стал лучше, светлее, добрее. Поэтому волонтеры – это люди,

которые, изо дня в день, тихо и без показухи работают на самых востребованных участках, где нужна помощь, а помощь нужна всегда. Потому что природные катаклизмы, пожары, аварии, мероприятия с большим скоплением людей и др. всегда требуют дополнительных усилий честных, верных и преданных своему делу людей, т.е., волонтеров, которым ничего не надо объяснять. Они придут и включатся в работу, а если рядом окажутся «новички», все объяснят и поведут за собой.

Таким образом, волонтерство играет важную роль в формировании гражданского общества и активной гражданской позиции. В этой работе мы проанализировали традиции и инновации в волонтерской деятельности, а также пришли к выводу, что традиции и инновации являются неотъемлемой частью волонтерской деятельности. Важно помнить, что есть тот духовный опыт поколений и традиции, которые не исчезают, а преобразуясь, адекватно современным условиям, продолжают вдохновлять людей на благие дела и поступки, на которых из века в век строится вся добровольческая деятельность. Поэтому коллективность, соборность, объединение и солидарность общества, пронизанные духовным единством – это наши вечные традиционные ценности, о которых надо помнить и возвращать современное волонтерство именно на таких началах.

Библиография

1. Ботнарь Д.Ю. Концепция волонтерской деятельности в России // Экономика и социум. 2020. № 6 (73). С. 421-424.
2. Егосин В.И. Развитие правовых основ в сфере добровольческого (волонтерского) движения в России // Национальная Ассоциация Ученых. 2023. № 86-3. С. 75-77.
3. Зуева С.О. Проблемы и перспективы волонтерства в России // Добровольчество в современном мире: нравственный идеал нашего времени. Курск: Университетская книга, 2016. С. 36-37.
4. Козилова Л.В. Студенческое волонтерство: традиции, перспективные направления, опыт // Национальная Ассоциация Ученых. 2021. № 73-4. С. 37-40.
5. Корнилова И.В. Волонтерство в системе образования: проблемы и перспективы // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. М.: Саратовский источник, 2020. С. 149-153.
6. Микитась С.А. Волонтерская деятельность как инновационный ресурс // Научные труды КубГТУ. 2020. № 7. С. 215-221.
7. Орлова И.С., Цинченко Г.М. Добровольчество как институт гражданского общества // Духовная сфера общества. 2018. № 15. С. 67-73.
8. Стрыгина С.В. Проблемы правового регулирования волонтерского движения в России // International Scientific Review. 2016. № 3 (13). С. 148-152.
9. Хабибуллина З.Н. Аксиологический потенциал философии Н.Ф. Федорова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 07. С. 98-101.
10. Хабибуллина З.Н. Добровольческое движение в России: современные аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 121-127.

Traditions and innovations in volunteering

Vadim I. Egoshin

Postgraduate,
Assistant at the Department of Social Work,
Ufa University of Science and Technology,
450076, 32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: vadim.egoshin@mail.ru

Abstract

This article analyzes traditions and innovations in volunteering. It is revealed that traditions have deep historical roots and play an important role in the formation of the spiritual foundations of volunteer activity. Solidarity, activity, mutual assistance, nobility and a sense of belonging to the "common cause", as in N.F. Fedorov, are significant in the formation of the modern volunteer movement. A volunteer of modern society appears as a caring, active, selfless person who wants to bring more light, warmth and kindness to the world through his efforts, since there are always people nearby who need a variety of help. The potential of digital technologies makes it possible to attract people of various professions and ages to volunteer. Volunteering is always in demand, it is one of the most accessible and noble forms of helping people. Thus, volunteering plays an important role in the formation of civil society and active citizenship. In this work, we analyzed traditions and innovations in volunteering, and also concluded that traditions and innovations are an integral part of volunteering. It is important to remember that there is that spiritual experience of generations and traditions that do not disappear, but, being transformed adequately to modern conditions, continue to inspire people to good deeds and deeds, on which all volunteer activities are built from century to century.

For citation

Egoshin V.I. (2024) Traditsii i innovatsii v volonterskoi deyatel'nosti [Traditions and innovations in volunteering]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 89-95. DOI: 10.34670/AR.2024.66.68.006

Keywords

Volunteering, volunteer activity, traditions, innovations, society.

References

1. Botnar' D.Yu. (2020) Kontseptsiya volonterskoi deyatel'nosti v Rossii [The concept of volunteer activity in Russia]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society], 6 (73), pp. 421-424.
2. Egoshin V.I. (2023) Razvitiye pravovykh osnov v sfere dobrovol'cheskogo (volonterskogo) dvizheniya v Rossii [Development of legal foundations in the field of voluntary (volunteer) movement in Russia]. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh* [National Association of Scientists], 86-3, pp. 75-77.
3. Khabibullina Z.N. (2021) Aksiologicheskii potentsial filosofii N.F. Fedorova [Axiological potential of N.F. Fedorov's philosophy]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition], 07, pp. 98-101.
4. Khabibullina Z.N. (2023) Dobrovol'cheskoe dvizhenie v Rossii: sovremennye aspekty [Volunteer movement in Russia: modern aspects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12, 7A, pp. 121-127.
5. Kornilova I.V. (2020) Volonterstvo v sisteme obrazovaniya: problemy i perspektivy [Volunteering in the education system: problems and prospects]. In: *Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendentsii, riski, perspektivy razvitiya* [Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects]. Moscow: Saratovskii istochnik Publ.
6. Kozilova L.V. (2021) Studencheskoe volonterstvo: traditsii, perspektivnye napravleniya, opyt [Student volunteering: traditions, promising directions, experience]. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh* [National Association of Scientists], 73-4, pp. 37-40.
7. Mikitas' S.A. (2020) Volonterskaya deyatel'nost' kak innovatsionnyy resurs [Volunteer activity as an innovative resource]. *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific works of KubSTU], 7, pp. 215-221.
8. Orlova I.S., Tsinchenko G.M. (2018) Dobrovol'chestvo kak institut grazhdanskogo obshchestva [Volunteering as an institution of civil society]. *Dukhovnaya sfera obshchestva* [Spiritual sphere of society], 15, pp. 67-73.
9. Strygina S.V. (2016) Problemy pravovogo regulirovaniya volonterskogo dvizheniya v Rossii [Problems of legal

-
- regulation of the volunteer movement in Russia]. *International Scientific Review*, 3 (13), pp. 148-152.
10. Zueva S.O. (2016) Problemy i perspektivy volonterstva v Rossii [Problems and prospects of volunteering in Russia]. In: *Dobrovol'chestvo v sovremennom mire: nravstvennyi ideal nashego vremeni* [Volunteering in the modern world: the moral ideal of our time]. Kursk: Universitetskaya kniga Publ.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2024.31.94.007

Технизация как гибель гуманного в культуре: взгляд Т. Адорно

Плеханов Илья Николаевич

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Хохлов Максим Александрович

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Юдин Савелий Вячеславович

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Лавриненко Валерия Романовна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Мальшина Мария Владимировна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка проанализировать концепцию немецкого философа, социолога и музыканта Теодора Адорно. Адорно остро чувствовал свершающиеся на его глазах изменения, а потому критически относился к тем новациям, каковые происходят в системе западноевропейской (евроатлантической) культуры. В статье приведен анализ воззрений Адорно на процессы технизации, идущие в искусстве в первой половине XX века. Этот процесс рассматривается мыслителем как процесс утраты искусством своего предназначения. Искусство призвано формировать человеческое в человеке. Введение же элементов техники лишает его этой человекотворческой функции. В этой связи делается вывод, что Т. Адорно фактически сакрализует искусство, наделяя его особой функцией в системе культуры. Технизации немецкий мыслитель противопоставляет гуманизацию, как процесс противоположный, который вернет художественной сфере его изначальное предназначение. Показано, что Т. Адорно фактически предвосхитил трансформационную модель динамики евроатлантической культуры, широко используемую сегодня в философии культуры. XX век стал временем испытаний и для стран евроатлантической цивилизации, и для мира, в целом. Художественная сфера – искусство – отразила эти процесс наиболее рельефно. Философы и культурологи по-разному оценивают происходящее. Немецкий мыслитель Теодор Адорно проанализировал процессы трансформации на примере технизации, охватившей искусство. Тенденции технизации он противопоставил гуманизацию, каковая, по его мнению, вернет и искусство, и культуру, в целом, на путь антропоориентированного развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Плеханов И.Н., Хохлов М.А., Юдин С.В., Лавриненко В.Р., Мальшина М.В. Технизация как гибель гуманного в культуре: взгляд Т. Адорно // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 96-101. DOI: 10.34670/AR.2024.31.94.007

Ключевые слова

Технизация, гуманизация, Теодор Адорно, социокультурная трансформация, переходная эпоха, кризис культуры, последствия кризиса, современная культура.

Введение

Говоря о метаморфозах современной культуры, многие исследователи объясняют их переходным характером социокультурного развития [Тарасов, Найденова, Пикалова, 2023, 127; Тарасов, Николаев, Баязов, 2023, 68; Фролова и др., 2023, 5]. Очевидно, что процессы эти начались еще задолго до настоящего момента. Философы ведут отсчет начала современных изменений еще с последней трети XIX века [Тарасов, Сергеева, Дудова, 2023, 119]. Однако за этот почти полутораветковой период мыслители остро чувствовали свершающиеся изменения и анализировали их в своих работах. К числу таковых относится немецкий философ и социолог Теодор Адорно. Проанализируем его видение процессов, идущих в системе культуры, на примере искусства.

Основная часть

Прежде всего заметим, что происходящие изменения для Т. Адорно – системный кризис, в ходе которого традиционные ценности, взгляды и ориентиры подвергаются низложению, а на их месте постепенно утверждаются новые. Вместе с тем, эти изменения воспринимаются немецким мыслителем как проявление смены этапов в развитии европейской (евроатлантической) культуры. При такой смене прежние ценностные ориентиры безвозвратно уходят, на смену им приходят новые, каковые могут быть противоположны прежним.

Для Т. Адорно совершенно очевидно, что уже в начале XX века искусство начинает уходить от тех канонов, которые существовали прежде. Первые заметные исследования на эту тему появились у мыслителя еще в 1930-е годы и практически сразу же вызвали интерес и других культурологов и философов.

Для исследователей начала – первой половины XX века очевидным был уход от традиционной образности. Если прежде фактически на протяжении всей предшествующей истории человечества художник рисовал понятные всем изображения – портреты, пейзажи и т.д., то начала XX века было ознаменовано появлением множественных авангардных течений, в каковых можно проследить некую эволюцию ухода от традиционного образа. Пожалуй, значимым на этом пути стал кубизм, стремящийся к геометрической огрубленности форм. Изображения в кубизме еще сохраняют (хотя и слабую) связь с традиционным образом, но уже отходят от него. В дальнейшем, как известно, и этот «строго рациональный геометризм» был преодолен, выйдя на позиции «беспредметного искусства», а впоследствии эволюционировав до постмодернизма.

Однако отмеченные метаморфозы охватили не только живопись. Постепенно они проявлялись во все большем числе видов искусства. Например, в своих работах Теодор Адорно достаточно подробно останавливается на анализе современного ему музыкального искусства. Даже в нем он отмечает трансформационные процессы, проявившиеся, например, в явлении атональности.

Все отмеченные изменения не являются для Т. Адорно чем-то случайным, а рассматриваются в совокупности. Это явления закономерные. Как известно, искусство наделено особой ролью/функцией в системе культуры. Оно не просто всегда отражает процессы, идущие в динамике социокультурного развития, но и делает это первым среди иных форм культуры – науки, религии и т.д. Иными словами, искусство выступает предвестником будущих социокультурных изменений.

Теодор Адорно убежден, что все многочисленные факты трансформации в различных видах искусства свидетельствуют о предстоящих масштабных, системных изменениях в системе культуры в целом.

С позиции философии культуры для нас важно то объяснение, которое Т. Адорно дает происходящему [Адорно, 2003, 39]. Мыслитель убежден, что свершающиеся изменения могут быть объяснены процессами механизации и технизации. Действительно, конец XIX – начало XX веков – время активного включения всевозможных механизмов в производство и быт. Кроме того, не следует забывать и о том, что время широкого внедрения электричества. В совокупности, эти процессы потребовали не только новых навыков от работников, но и облегчили многие, прежде рутинные, процессы. В результате постепенно начинается процесс ускорения жизни, многие привычные операции выполняются посредством новых механизмов. В конечном счете, изменяется мировосприятие субъектов.

Достаточно скоро на этом фоне возникает идея введения элементов механизации и технизации в сферу культуры. Эта идея встречает неприятие со стороны Теодора Адорно. Он убежден, что внедрение элементов механизации и технизации в сферу искусств низлагает роль антропоса в системе социокультурного бытия [там же, 119]. Изначально искусство потому и отделилось от природного, что стало результатом деятельности человека. В начале XX века в эту сферу начинают проникать элементы техники, которые размывают прежнее представление об искусстве. Преобразовательная роль человека в этих условиях нивелируется. В результате Т. Адорно выстраивает своеобразную бинарную оппозицию «технизация – гуманизация». Необходимо вернуть человеку прежнюю роль в создании произведения искусства, в этот процесс не должны включаться никакие достижения научно-технической мысли [там же, 272-279]. В определенной степени, в теории Т. Адорно искусство сакрализуется, а любые изменения в процессе его создания недопустимы.

Именно гуманизация искусства способна адекватно противостоять наступающей технизации. При этом, Т. Адорно не выступает против технического прогресса. Он лишь утверждает, что это влияние на общественное бытие должно быть дозированным и касаться не всех сфер жизни. Искусство выступает именно такой сферой.

Заключение

XX век стал временем испытаний и для стран евроатлантической цивилизации, и для мира, в целом [Бугаков, 2007, 52; Зверев, 2013, 46; Лукьянчиков, 2021, 94; Попков, 2010, 173; Tarasov, 2018, 2570]. Художественная сфера – искусство – отразила эти процессы наиболее рельефно. Философы и культурологи по-разному оценивают происходящее. Немецкий мыслитель Теодор Адорно проанализировал процессы трансформации на примере технизации, охватившей искусство. Тенденции технизации он противопоставил гуманизацию, каковая, по его мнению, вернет и искусство, и культуру, в целом, на путь антропоориентированного развития.

Библиография

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Бугаков П. ЛГПУ в региональном образовательном пространстве // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 52-53.
3. Зверев А.Ф. Идея и образ пророка в русской поэзии (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.С. Соловьев) // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Липецк, 2013. С. 45-48.
4. Лукьянчиков В.И. Проблема кризиса искусства в философии творчества Н.А. Бердяева и И.А. Ильина // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Липецк, 2021. С. 93-100.
5. Попков В.А. Глобализация и культура (статья вторая) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (92). С. 172-177.
6. Тарасов А.Н., Найденова Е.А., Пикалова О.С. Теоретико-методологическое обоснование феномена «исторический кванториум» в современном образовательном пространстве // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 11. С. 125-130.
7. Тарасов А.Н., Николаев И.А., Баязов М.К. Актуальность риск-менеджмента в условиях трансформационных процессов современности // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 4-3. С. 67-70.
8. Тарасов А.Н., Сергеева Д.С., Дудова Д.К. Необходимость нового экономического уклада как фактор мировой экономической трансформации // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 3-3. С. 117-121.
9. Фролова Н.А. и др. Практико-ориентированные методические рекомендации по формированию российской гражданской идентичности для региональных и муниципальных органов управления образованием, образовательных организаций общего и высшего образования. Липецк, 2023. 81 с.
10. Tarasov A.N. A Philosophical Analysis of Renaissance Culture as a Sociocultural Transformation in the Continuum of European Culture // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. No. 11. P. 2569-2577.

Technization as the death of the humane in culture: the view of T. Adorno**Il'ya N. Plekhanov**

Postgraduate,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Maksim A. Khokhlov

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Savelii V. Yudin

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Valeriya R. Lavrinenko

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Mariya V. Mal'shina

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Abstract

The article attempts to analyze the concept of the German philosopher, sociologist and musician Theodor Adorno. Adorno keenly felt the changes taking place before his eyes, and therefore was critical of the innovations that were taking place in the system of Western European (Euro-Atlantic) culture. The article provides an analysis of Adorno's views on the processes of technization taking place in art in the first half of the twentieth century. This process is considered by the thinker as a process of art losing its purpose. Art is designed to shape the human in a person. The introduction of elements of technology deprives him of this human-creative function. In this regard, it is concluded that T. Adorno actually sacralizes art, endowing it with a special function. The German

thinker opposes humanization to technization as an opposite process, which will return the artistic sphere to its original purpose. Adorno actually anticipated the transformational model of the dynamics of Euro-Atlantic culture. It is shown that T. Adorno actually anticipated the transformation model of the dynamics of Euro-Atlantic culture, widely used today in the philosophy of culture. The twentieth century became a time of testing both for the countries of the Euro-Atlantic civilization and for the world as a whole. The art reflected this process most clearly. Philosophers and cultural experts have different assessments of what is happening. Theodor Adorno analyzed the processes of transformation using the example of technization that embraced art.

For citation

Plekhanov I.N., Khokhlov M.A., Yudin S.V., Lavrinenko V.R., Mal'shina M.V. (2024) *Tekhnizatsiya kak gibel' gumannogo v kulture: vzglyad T. Adorno* [Technization as the death of the humane in culture: the view of T. Adorno]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 96-101. DOI: 10.34670/AR.2024.31.94.007

Keywords

Technization, humanization, Theodor Adorno, sociocultural transformation, transitional era, cultural crisis, consequences of the crisis, modern culture.

References

1. Adorno T. (2003) *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow: Nauchnyi mir Publ.
2. Bugakov P. (2007) LGPU v regional'nom obrazovatel'nom prostranstve [Leningrad State Pedagogical University in the regional educational space]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 10, pp. 52-53.
3. Frolova N.A. et al. (2023) *Praktiko-orientirovannye metodicheskie rekomendatsii po formirovaniyu rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti dlya regional'nykh i munitsipal'nykh organov upravleniya obrazovaniem, obrazovatel'nykh organizatsii obshchego i vysshego obrazovaniya* [Practice-oriented methodological recommendations on the formation of Russian civic identity for regional and municipal education authorities, educational organizations of general and higher education]. Lipetsk.
4. Luk'yanchikov V.I. (2021) Problema krizisa iskusstva v filosofii tvorchestva N.A. Berdyaeva i I.A. Il'ina [The problem of the crisis of art in the philosophy of creativity N.A. Berdyaev and I.A. Ilyin]. In: *Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Humanitarianism in the context of modern sociocultural transformation]. Lipetsk.
5. Popkov V.A. (2010) Globalizatsiya i kultura (stat'ya vtoraya) [Globalization and culture (article two)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 12 (92), pp. 172-177.
6. Tarasov A.N. (2018) A Philosophical Analysis of Renaissance Culture as a Sociocultural Transformation in the Continuum of European Culture. *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 9, 11, pp. 2569-2577.
7. Tarasov A.N., Naidenova E.A., Pikalova O.S. (2023) Teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie fenomena «istoricheskii kvantorium» v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Theoretical and methodological substantiation of the phenomenon “historical quantorium” in the modern educational space]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 11, pp. 125-130.
8. Tarasov A.N., Nikolaev I.A., Bayazov M.K. (2023) Aktual'nost' risk-menedzhmenta v usloviyakh transformatsionnykh protsessov sovremennoti [Relevance of risk management in the context of modern transformation processes]. *Nauka Krasnoyarsk* [Science of Krasnoyarsk], 12, 4-3, pp. 67-70.
9. Tarasov A.N., Sergeeva D.S., Dudova D.K. (2023) Neobkhodimost' novogo ekonomicheskogo uklada kak faktor mirovoi ekonomicheskoi transformatsii [The need for a new economic structure as a factor in global economic transformation]. *Nauka Krasnoyarsk* [Science of Krasnoyarsk], 12, 3-3, pp. 117-121.
10. Zverev A.F. (2013) Ideya i obraz proroka v russkoi poezii (A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, V.S. Solov'ev) [The idea and image of the prophet in Russian poetry (A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, V.S. Solovyov)]. In: *Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Humanities in the conditions of modern sociocultural transformation]. Lipetsk.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2024.69.99.008

Семейные ценности в системе современной российской культуры: культурфилософский анализ

Тарасов Алексей Николаевич

Доктор философских наук,
доцент кафедры философии, политологии и теологии,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Черникова Дарья Алексеевна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Еремеева Алина Олеговна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Егупова Татьяна Максимовна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Коробова Елена Николаевна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка показать роль семейных ценностей в системе современной российской культуры. В работе показано, что современное российское общество переживает трансформационный период в своем развитии, каковой обусловлен обстоятельствами как внешнего, так и внутреннего характера. Постулируется идея об уникальности российской культуры, что определяется особой ролью религиозного фактора в ней. Несмотря на множество этносов и конфессий, формирующих Россию, культурформирующая роль в целостном феномене российской культуры отведена русской культуре. На основе анализа последних публикаций делается вывод о том, что ценности русской культуры стали своеобразным основанием для всех этносов, населяющих Россию. Авторы высказывают предположение о принципиальной роли семейных ценностей, базирующихся на принципах отечественной культуры, о том, что они способны выступить основанием возрождения российской духовности. Россия вошла в период активных трансформационных процессов, проявляющихся буквально во всех сферах бытия. В этих условиях необходим духовно-идеологический ориентир, способный вывести российское общество из системного кризиса. Представляется, что семейные ценности, сформированные в русле отечественной культуры, способны выступить одним из таких ориентиров.

Для цитирования в научных исследованиях

Тарасов А.Н., Черникова Д.А., Еремеева А.О., Егупова Т.М., Коробова Е.Н. Семейные ценности в системе современной российской культуры: культурфилософский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 1А. С. 102-108. DOI: 10.34670/AR.2024.69.99.008

Ключевые слова

Российская культура, семейные ценности, социокультурная трансформация, переходная эпоха, кризис культуры, последствия кризиса, современная культура.

Введение

Одной из характеристик современной культуры России и стран евроатлантической цивилизации стала переходность. Указанная переходность обусловлена множеством факторов самого разного свойства. В самом общем смысле свершающиеся изменения мы склонны определять как трансформация, подразумевая под данным понятием ту систему глобальных изменений, которые происходят сегодня. Эти процессы находят отражение буквально во всех сферах жизни современного общества, о чем говорят представители самых разных отраслей научного знания [Бочаров, 2023, 120; Когай, 2023, 51; Ромах, 2016, 4].

В результате трансформационных процессов формируется такой уникальный феномен как «новая нормальность». Однако если исходить из допущения, что эта «новая нормальность» представляет собой формирующийся феномен, то очевидно, что все его контуры полностью не очерчены к настоящему времени и именно поэтому происходящее мы определяем понятием «трансформация».

Основная часть

Происходящие изменения охватывают как отечественную культуру, так и евроатлантическую, что в определенной степени свидетельствует о родственных основаниях, объединяющих их. С другой стороны, и Россия, и страны евроатлантической цивилизации сегодня выступают активными участниками идущих трансформационных процессов, что проявляется, например, в изменении системы международных отношений. Эти процессы в указанной сфере можно охарактеризовать понятием «геополитическая трансформация». В самом общем смысле, сущность последней может быть определена как переход к многополярному миру.

Изменения происходят и в экономике, утверждая новых лидеров мирового экономического развития и постепенно низлагая прежних.

Все отмеченные трансформационные процессы, безусловно, отражаются и на конкретных, более частных сферах жизни. Одной из таковых выступают семейные отношения. Многие исследователи последних лет отмечают, что институт семьи в последние десятилетия переживает системную трансформацию. Делается предположение о том, что в перспективе семья в ее классическом понимании перестанет существовать. Учитывая остроту этой проблемы, а также определяя и наделяя семью особой ролью в системе культуры, проанализируем то, какова ее роль в сохранении ценностного ядра отечественной культуры.

Прежде всего, следует отметить культурформирующую роль семьи. Во все времена именно из семьи ребенок получал первые знания и опыт социальной жизни. Во многом именно семья закладывает основы и формирует ту специфическую картину мира, каковая в дальнейшем будет определять ценностные ориентиры и мировоззрение человека. Несомненно, жизненные обстоятельства способны изменять мировоззрение, однако, в своих базовых основаниях оно сохраняет определенную константность, заложенную в семье, в детстве. Формируемая личность ребенка усваивает нормы, правила, традиции, принятые в семье, а уже потом они экстраполируются на социальную жизнь, проявляясь в конкретных поступках и действиях человека.

Однако возникает вопрос: откуда эти нормы, правила и традиции появились в семье? Они, с одной стороны, есть результат сращивания ценностных установок родителей (собственно, это фундамент семьи), но с другой, они – отражение тех мировоззренческих особенностей, каковые характерны для общества, в котором эти люди – родители – живут.

Культурфилософский анализ ценностных установок, характерных для отечественной культуры показывает, что в нем чрезвычайно велика роль религиозного фактора и, прежде всего, – православного. Разумеется, ценностное ядро российской культуры формировалось с учетом всех этноконфессиональных особенностей нашей страны. Однако, совершенно очевидно, что православие выступает ценностной доминантой российской культуры. Исторические условия в нашей стране сложились таким образом, что русский народ выступил культуроформирующим этносом России. Остальные народы, населяющие Российскую Федерацию, впитывали это культурформирующее основание, своеобразно трансформируя его и прилагая к реалиям своего быта. Ценностные установки русского народа, формировавшиеся веками, в этой связи, выступали своеобразным ориентиром для других народов нашей страны, сформировав единое социокультурное пространство [Корнилова, Евстафьева, Павлова, 2023,

102; Отепов, 2023, 108].

Однако в последние три десятка лет ценностные установки, в том числе и семейные ценности, в России испытывали существенную трансформацию, отражая процессы, идущие в отечественном социокультурном пространстве. Отмеченная трансформация была вызвана влиянием тотальной либерализации, охватившей Россию с конца 1980 – начала 1990-х годов. Идущая с Запада либерализация никак не учитывала социокультурную специфику России. Несомненно, культурно РФ близка к европейскому региону и даже более, чем к культурам восточного типа. Исторические условия развития сформировали особый тип государства-цивилизации в России, который сочетал в себе лучшие достижения всех типов культуры, при магистральной позиции особенности и уникальности отечественной культуры. Именно этим объясняется тот факт, что семейные установки/ценности носят характер сочетающих в себе одновременно несколько культурных ориентиров. Например, при известном влиянии ценностей индивидуализма, российская семья отличалась влиянием и коллективистского начала. Эти ориентиры определяли семейные ценности у всей многонациональной страны.

Российские семейные ценности и сегодня сохраняют константность, несмотря на идущие трансформационные процессы. В этой связи, они способны выступить духовно-идеологическим ориентиром, с одной стороны, скрепляющим особенность отечественной культуры, а, с другой, основой для возрождения духовности, развивающейся в русле уникальных характеристик российского государства-цивилизации.

Заключение

Таким образом, Россия вошла в период активных трансформационных процессов, проявляющихся буквально во всех сферах бытия [Зверев, 2014, 7; Катаев, 2020, 147; Лукьянчиков, 2023, 60; Попков, 2009, 259; Фролова, Ходакова, 2022, 94]. В этих условиях необходим духовно-идеологический ориентир, способный вывести российское общество из системного кризиса. Представляется, что семейные ценности, сформированные в русле отечественной культуры, способны выступить одним из таких ориентиров.

Библиография

1. Бочаров В.А. Понятие семейных ценностей в рамках государственной информационной политики в РФ // Институциональные тренды обеспечения качества жизни населения сельских территорий. Краснодар, 2023. С. 119-122.
2. Зверев А.Ф. Социологическая составляющая религиозной философии Н.А. Бердяева // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Липецк, 2014. С. 5-11.
3. Катаев Д.В. Макс Вебер и Новая критическая теория Хартмута Розы: актуализация классики // Социология власти. 2020. Т. 32. № 4. С. 146-166.
4. Когай Е.А. Новации и традиции в ценностном поле российской культуры // Роль философских дисциплин в формировании цивилизационной идентичности на основе российских традиционных ценностей. М., 2023. С. 51-58.
5. Корнилова А.Б., Евстафьева Е.С., Павлова А.Д. Влияние родителей на нравственное развитие детей и их моральные ценности // Педагогика и психология семьи: современные вызовы, традиции и инновации. Киров, 2023. С. 102-105.
6. Лукьянчиков В.И. Концепция «смерти автора» Р. Барта в контексте арт-практик постмодернизма // Традиции и инновации в пространстве современной культуры. Липецк, 2023. С. 59-63.
7. Отепов Б. Отец и мать как ценность русского и калмыцкого народов // Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых. Элиста, 2023. С. 107-109.
8. Попков В.А. Глобализация и культура // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009.

№ 12 (80). С. 258-262.

9. Ромах О.В. Колонка редактора // Аналитика культурологии. 2016. № 1 (34). С. 4.

10. Фролова Н.А., Ходакова Н.В. А.Ф. Лосев: феномен тайного монашества в СССР // Философия и культурология: вопросы теории и методологии. Липецк, 2022. С. 93-95.

Family values in the system of modern Russian culture: cultural and philosophical analysis

Aleksei N. Tarasov

Doctor of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Political Science and Theology,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Dar'ya A. Chernikova

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Alina O. Ereemeeva

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Tat'yana M. Egupova

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Elena N. Korobova

Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: alexei1997@yandex.ru

Abstract

The article attempts to show the role of family values in the system of modern Russian culture. The work shows that modern Russian society is going through a transformation period in its development, which is caused by circumstances of both external and internal nature. The idea is advanced about the uniqueness of Russian culture, which is determined by the special role of the religious factor in it. Despite the many ethnic groups and confessions that shape Russia, the culture-forming role in the holistic phenomenon of Russian culture is assigned to Russian culture. Based on an analysis of recent publications, it is concluded that the family values of the Russian people have become a kind of foundation for everyone inhabiting Russia. The authors suggest the fundamental role of family values, based on the principles of national culture, and that they can serve as the basis for the revival of Russian spirituality. Russia has entered a period of active transformation processes, manifesting itself in literally all spheres of life. In these conditions, a spiritual and ideological guideline is needed that can lead Russian society out of the systemic crisis. It seems that family values, formed in line with national culture, can serve as one of such guidelines.

For citation

Tarasov A.N., Chernikova D.A., Eremeeva A.O., Egupova T.M., Korobova E.N. (2024) *Semeinye tsennosti v sisteme sovremennoi rossiiskoi kul'tury: kul'turfilosofskii analiz* [Family values in the system of modern Russian culture: cultural and philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (1A), pp. 102-108. DOI: 10.34670/AR.2024.69.99.008

Keywords

Russian culture, family values, sociocultural transformation, transitional era, cultural crisis, consequences of the crisis, modern culture.

References

1. Bocharov V.A. (2023) Ponyatie semeinykh tsennostei v ramkakh gosudarstvennoi informatsionnoi politiki v RF [The concept of family values within the framework of state information policy in the Russian Federation]. In: *Institutsional'nye trendy obespecheniya kachestva zhizni naseleniya sel'skikh territorii* [Institutional trends in ensuring the quality of life of the population of rural areas]. Krasnodar.
2. Frolova N.A., Khodakova N.V. (2022) A.F. Losev: fenomen tainogo monashestva v SSSR [A.F. Losev: the phenomenon of secret monasticism in the USSR]. In: *Filosofiya i kul'turologiya: voprosy teorii i metodologii* [Philosophy and cultural studies: questions of theory and methodology]. Lipetsk.
3. Kataev D.V. (2020) Maks Veber i Novaya kriticheskaya teoriya Khartmuta Rozy: aktualizatsiya klassiki [Max Weber and the New Critical Theory of Hartmut Rosa: actualization of the classics]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 32, 4, pp. 146-166.
4. Kogai E.A. (2023) Novatsii i traditsii v tsennostnompole rossiiskoi kul'tury [Innovations and traditions in the value field of Russian culture]. In: *Rol' filosofskikh distsiplin v formirovanii tsivilizatsionnoi identichnosti na osnove rossiiskikh traditsionnykh tsennostei* [The role of philosophical disciplines in the formation of civilizational identity based on Russian traditional values]. Moscow.
5. Komilova A.B., Evstafeva E.S., Pavlova A.D. (2023) Vliyanie roditelei na nravstvennoe razvitiye detei i ikh moral'nye tsennosti [The influence of parents on the moral development of children and their moral values]. In: *Pedagogika i psikhologiya sem'i: sovremennye vyzovy, traditsii i innovatsii* [Pedagogy and family psychology: modern challenges, traditions and innovations]. Kirov.
6. Luk'yanchikov V.I. (2023) Kontseptsiya «smerti avtora» R. Barta v kontekste art-praktik postmodernizma [The concept of “death of the author” by R. Barthes in the context of postmodern art practices]. In: *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoi kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture]. Lipetsk.
7. Otegov B. (2023) Otets i mat' kak tsennost' russkogo i kalmytskogo narodov [Father and mother as the value of the Russian and Kalmyk peoples]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki: vzglyad molodykh* [Current problems of Russian

- studies: the view of the young]. Elista.
8. Popkov V.A. (2009) Globalizatsiya i kul'tura [Globalization and culture]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 12 (80), pp. 258-262.
 9. Romakh O.V. (2016) Kolonka redaktora [Editor's column]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 1 (34), p. 4.
 10. Zverev A.F. (2014) Sotsiologicheskaya sostavlyayushchaya religioznoi filosofii N.A. Berdyayeva [The sociological component of N.A. Berdyayev's religious philosophy]. In: *Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Humanitarianism in the context of modern sociocultural transformation]. Lipetsk.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.